

Московский
Институт
Психоанализа

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПОЗНАНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ

ТОМ 3 • № 3

2022

ISSN 2782-2168 (Print)
ISSN 2782-2176 (Online)

Московский институт психоанализа
Moscow Institute of Psychoanalysis

Научный журнал
ПОЗНАНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ

Scientific journal
COGNITION & EXPERIENCE

Основан в 2020 году
Founded in 2020

Том 3 № 3
2022

Главный редактор

Барабанищikov В. А. Московский институт психоанализа; МГППУ, Москва, Россия

Заместители главного редактора

Ананьева К. И. Московский институт психоанализа; ИП РАН, Москва, Россия

Шляпников В. Н. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Ответственный секретарь

Тарабрина И. В. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Редакционная коллегия

Аверьянов А. И. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Александров Ю. И. ИП РАН; МГППУ, Москва, Россия

Асмолов А. Г. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Грачев А. А. ИП РАН, Москва, Россия

Демидов А. А. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Карабущенко Н. Б. Военный университет МО РФ, Москва, Россия

Карпов А. В. ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

Ковпак Д. В. СЗГМУ им. И. И. Мечникова, Санкт-Петербург, Россия

Куфтяк Е. В. Московский институт психоанализа; РАНХиГС, Москва, Россия

Лабунская В. А. ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия

Марцинковская Т. Д. РГГУ, Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Прохоров А. О. Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Самойленко Е. С. ИП РАН, Москва, Россия

Селиванов В. В. МГППУ, Москва, Россия

Солдатова Г. У. МГУ им. М. В. Ломоносова; Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Фахрутдинова Л. Р. Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Хащенко В. А. ИП РАН, Москва, Россия

Председатель редакционного совета

Сурат Л. И. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета

Барабанищikov В. А. Московский институт психоанализа; МГППУ, Москва, Россия

Редакционный совет

Абульханова К. А. ИП РАН, Москва, Россия

Баттиани А. Институт Виктора Франкла, Вена, Австрия

Коварскис Л. Московский институт психоанализа, Москва, Россия; Финское психоаналитическое общество, Хельсинки, Финляндия

Лейбин В. М. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Носуленко В. Н. ИП РАН, Москва, Россия

Обознов А. А. ИП РАН, Москва, Россия

Панов В. И. ПИ РАО, Москва, Россия

Скотникова И. Г. ИП РАН, Москва, Россия

Спиваковская А. С. МГУ им. М. В. Ломоносова; Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Editor-in-Chief

Barabanschikov V. A. Moscow Institute of Psychoanalysis; MSUPE, Moscow, Russia

Deputy Editors-in-Chief

Ananyeva K. I. Moscow Institute of Psychoanalysis; Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Shlyapnikov V. N. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Executive Secretary

Tarabrina I. V. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Editorial Board

Alexandrov Yu. I. Institute of Psychology, RAS; MSUPE, Moscow, Russia

Asmolov A. G. M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Averyanov A. I. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Demidov A. A. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Fakhrutdinova L. R. Kazan Federal University, Kazan, Russia

Grachev A. A. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Karabuschenko N. B. Military University MD RF, Moscow, Russia

Karpov A. V. P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Khashchenko V. A. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Kovpak D. V. N-W SMU named after I. I. Mechnikov, St Petersburg, Russia

Kuftyak E. V. Moscow Institute of Psychoanalysis; RANEPa, Moscow, Russia

Labunskaya V. A. SFEDU, Rostov-on-Don, Russia

Martsinkovskaya T. D. RSUH, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Prokhorov A. O. Kazan Federal University, Kazan, Russia

Samoylenko E. S. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Selivanov V. V. MSUPE, Moscow, Russia

Soldatova G. U. M. V. Lomonosov Moscow State University; Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Chairman of the Editorial Council

Surat L. I. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Deputy Chairman of the Editorial Council

Barabanschikov V. A. Moscow Institute of Psychoanalysis; MSUPE, Moscow, Russia

Editorial Council

Abulkhanova K. A. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Batthyány A. Viktor Frankl Institute, Vienna, Austria

Kovarskis L. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; Finnish Psychoanalytic Association, Helsinki, Finland

Leibin V. M. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Nosulenko V. N. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Oboznov A. A. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Panov V. I. Psychological Institute, RAE, Moscow, Russia

Skotnikova I. G. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Spivakovskaya A. S. M. V. Lomonosov Moscow State University; Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Карпов А. В., Пошехонова Ю. В., Федорова Е. В.

Принцип функциональной обратимости в структуре
персональной идентичности 6

Шляпников В. Н.

Взаимосвязь волевой регуляции и ценностных ориентаций
личности у представителей различных этносов РФ 21

Савченко Т. Н., Теславская О. И.

Эскапизм как фактор и стратегия психологической
адаптации личности 38

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Хозе Е. Г., Кулагин С. П., Лупенко Е. А., Басюл И. А., Маринова М. М.

Естественные динамические экспрессии базовых эмоций детей:
индукция и самооценка 64

Виленская Г. А.

Родительское отношение и его связь с контролем поведения
у родителей и детей младшего школьного возраста 87

Кузнецова С. А., Мельникова Н. М., Чарина Е. В.

Связь осмысленности жизни и миграционных установок
жителей отдаленных регионов страны юношеского возраста 104

ЛОГОМАРАФОН

Баттиани А., Лукас Э.

Логотерапия и экзистенциальный анализ: текущее состояние 118

ЛЕКТОРИЙ МИП

Амонашвили П. Ш.

Основы гуманной педагогики и консультирования 133

CONTENTS

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Karpov A. V., Poshekhonova Yu. V., Fedorova E. V.

The principle of functional reversibility in the structure
of personal identity 6

Shlyapnikov V. N.

Relationship between volitional regulation and value orientations
among various ethnic groups of the Russian Federation 21

Savchenko T. N., Teslavskaja O. I.

Escapism as a factor and strategy of psychological
adaptation 38

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Khoze E. G., Kulagin S. P., Lupenko E. A., Basyul I. A., Marinova M. M.

Natural dynamic expressions of children's basic emotions:
induction and self-assessment 64

Vilenskaya G. A.

Parental attitude and its relationship with the control of behavior
in parents and children of primary school age. 87

Kuznetsova S. A., Melnikova N. M., Charina E. V.

Correlation between the meaningfulness of life and migration attitudes
of young residents of remote regions of the country 104

LOGOMARATHON

Batthyány A., Lukás E.

Logotherapy and existential analysis: an assessment of the situation. 118

LECTURE HALL

Amonashvili P. Sh.

Fundamentals of humane pedagogy and counseling 133

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ПРИНЦИП ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОБРАТИМОСТИ В СТРУКТУРЕ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. В. КАРПОВ, Ю. В. ПОШЕХОНОВА, Е. В. ФЕДОРОВА

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия

В статье представлены результаты теоретико-методологического анализа проблемы персональной идентичности с позиций метасистемного подхода. Показано, как конкретно сформулированный в данном подходе фундаментальный принцип функциональной обратимости психических образований и процессов может содействовать установлению закономерностей структурной организации персональной идентичности. Проведен психологический анализ содержания понятия «персональная идентичность». Изложены результаты эмпирического исследования структурно-функциональной организации персональной идентичности личности на материале исследования группы обучающихся юношеского возраста очной и заочной формы. Осуществлен структурный анализ полученных эмпирических данных, дана их интерпретация в русле метасистемного подхода.

Ключевые слова: персональная идентичность, метарегуляция, обучающиеся, юношеский возраст, метасистемный подход.

Для цитаты: Карпов А.В., Пошехонова Ю.В., Федорова Е.В. Принцип функциональной обратимости в структуре персональной идентичности // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 3. С. 6—20. doi:10.51217/cogexp_2022_03_03_01.

Для контактов: Пошехонова Юлия Владимировна, yskvo@mail.ru

THE PRINCIPLE OF FUNCTIONAL REVERSIBILITY IN THE STRUCTURE OF PERSONAL IDENTITY

ANATOLY V. KARPOV, YULIA V. POSHEKHONOVA, ELENA V. FEDOROVA

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

The results of the theoretical and methodological analysis of the problem of personal identity from the standpoint of a metasystem approach are presented. It is shown how the fundamental principle of functional reversibility of mental formations and processes specifically formulated in this approach can contribute to the establishment of patterns of the structural organization of personal identity. A psychological analysis of the content of «personal identity» is carried out. The results of an empirical study of the structural and functional organization of the personal identity of a personality are presented on the material of a study of a group of full-time and part-time youth students. A structural anal-

ysis of the empirical data obtained is carried out, and their interpretation is given in line with the metasytem approach.

Keywords: personal identity, metaregulation, students, youth, metasytem approach.

For citation: *Karpov A.V., Poshekhonova Yu.V., Fedorova E.V.* The principle of functional reversibility in the structure of personal identity // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2022. V. 3. № 3. P. 6—20. doi:10.51217/cogexp_2022_03_03_01 (in Russ).

Corresponding author: Yulia V. Poshekhonova, yskvo@mail.ru

Актуальность

В настоящее время целый комплекс важных психологических проблем интенсивно разрабатывается в русле метасистемного подхода. В наиболее общем плане данный подход характеризуется принятием точки зрения, согласно которой система способна функционально включать в свой состав более общую метасистему, в которую она сама онтологически включена.

Более обстоятельное рассмотрение этого подхода требует выделить следующее. Накопленные психологией знания, общие положения, а также сама атрибутивная природа психики позволяют предположить наличие фундаментального и, возможно, наиболее общего принципа ее организации, смысл которого заключается в том, что внешняя — объективная реальность — выступает как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика. В этом взаимодействии объективная реальность «удваивается», предстает в виде субъективной реальности, в форме так называемого «отраженного» (если пользоваться традиционной терминологией). Отметим, что речь идет именно об определенной форме существования этой объективной реальности, а не об ее онтологической представленности в психике. В психологии эта субъективная реальность (включая ее разновидности, формы, проявления и т.д.) представлена множеством понятий: ментальные репрезентации, когнитивные схемы, опыт, внутренняя информация, знания, образ мира, внутренний мир, модель психического, субъективные репрезентации, фреймы, скрипты и др. (Сергиенко, 1998, 2020; Ушакова, 2002; Фодор, Пылишин, 1996; Шадриков, 2007; Kolb, 1995; Rosch, 1976).

Итак, как было отмечено ранее, метасистема, представленная в структуре и содержании самой психики, транспонируется в психику в форме субъективной реальности. Однако при этом по своей сути и назначению эта субъективная реальность должна быть принципиально подобна по своим информационным и содержательным характеристикам объективной реальности. В контексте нашего исследования представляется важным уточнить: чем точнее, адекватнее, полнее и «глобальнее» соотносятся субъективная и объективная реальность, тем большие предпосылки обеспечиваются и для решения общеадаптационных задач.

Метасистемный подход базируется на ряде принципов, одним из которых является фундаментальный принцип функциональной обратимости. Смысл

этого принципа заключается в том, что психические процессы и образования личности по существу двуедины, т.е. могут реализовывать свой потенциал в отношении самих же себя. И в этом случае они одновременно выступают в двух функциях: в функции активного оператора (т.е. того, чем познается) и в функции пассивного операнда (т.е. того, что познается). Другими словами, знания (в том числе о субъективной реальности) выступают в общей функциональной организации сознания и психики в целом не только в своем исходном модусе — в качестве содержания, информации, то есть в качестве операндов. Они, реализуясь в отношении их же самих, эксплицируют тем самым и собственно операциональные возможности, то есть выступают и в качестве активных операторов. Подобная вариативность в экспозиции знаний (и попеременно, и одновременно) и в качестве операндов, и в качестве операторов позволяет констатировать феномен, точнее, механизм, который можно обозначить как механизм операторно-операндной обратимости знаний. По-видимому, именно этот механизм является основополагающим для объяснения всей функциональной организации сознания как высшего по степени сложности феномена психического, поскольку за счет него обеспечиваются два эффекта, составляющие самую суть сознания и обозначаемые обычно как атрибуты сознания: «чувство знания», поскольку они могут выступать в качестве относительно пассивных операторов; ощущение «подвластности» своего внутреннего мира себе, поскольку знания могут выступать и как активные операторы и, следовательно, обеспечивать ощущение «владения» своим внутренним миром.

Данный механизм позволяет иначе относиться к фундаментальной дифференциации знаний на два типа — *декларативные* («что?») и *процедуральные* («как»). Это значит, что они трансформируются из статуса относительно пассивного операнда в статус активного оператора. В свою очередь, это означает, что они обретают статус не только декларативных знаний, но и процедуральных: они сами становятся действенными.

Вместе с тем особо следует подчеркнуть, что когнитивные процессы, обретая статус вторичных, могут быть направлены не только на «самих себя» (это пример обратимости внутри класса когнитивных процессов), но и на психические процессы иных классов. К примеру, можно «анализировать эмоции», «вспоминать о мотивах» и т.д.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что благодаря «двуединой» природе когнитивных процессов (их представленности и как объективной, и как субъективной реальности; их статуса и как операторов, и как операндов одновременно), они раскрываются не только существенно более полно, но и обретают качественно новое свойство — становятся реальными компонентами сознания. Очень важно при этом, что все указанные модусы психических процессов не рядоположены друг другу, а именно взаимообратимы, представлены в единстве и могут перманентно менять друг друга. Кроме того, с позиций изложенных представлений раскрывается еще *большая* сложность организации системы когнитивных процессов. Все они, порождая своей собственной организацией «вторичные» процессы и трансформируя поэтому самих же себя в операнды,

тем самым, фактически приводят к возникновению новой и обладающей глубочайшей качественной спецификой реальности. Она, однако, также доступна репрезентации, поскольку сами «вторичные» процессы как раз и обеспечивают ее, а тем самым конституируют эту *субъективную реальность*.

Конкретизация данного принципа применительно к конструкту Я-концепции указывает на то, что формирование Я-концепции связано с процессом самопознания. Я-концепция не является статичной, напротив, она находится в постоянном изменении и развитии. В юношеском возрасте процесс самопознания становится ключевой проблемой развития, существенно повышается интерес к самому себе, актуализируется вопрос о собственной идентичности.

Теоретический анализ понятия «персональная идентичность» показал, что история его возникновения и изучения началась с появления в труде Д. Бейла «Тайна неравенства» понятия «идентичность», означающего «сходство, подобие». Многие исследователи связывают развитие данного понятия с работами З. Фрейда и Дж. Мида. Социологи Г. Зиммель, Дж. Мид, Ч. Кули показали, что «самость» формируется у человека только в контексте социального взаимодействия. Впервые детально понятие (и термин) «идентичность» было рассмотрено американским психологом Эриком Эриксоном в работе «Детство и общество» (Эриксон, 1996), а затем в книге «Идентичность, юность и кризис» (Эриксон, 2006).

В последние десятилетия на стыке социологического и психологического подходов к изучению идентичности начал формироваться антропологический подход, о важности развития которого писали российские философы П.С. Гуревич и Э.А. Орлова. Сегодня философско-антропологический подход предполагает изучение индивидуальной идентичности, для обозначения которой используются термины «самоидентичность» (англ. *«self-identity»*), «персональная идентичность», «личностная идентичность», которые авторами рассматриваются как синонимы (Блинова, 2009; Веричева, 2012; Труфанова, 2008; Шаткин, 2004; Шеманов, 2007). Данная ситуация отражает необходимость возврата психологической мысли к проблеме персональной идентичности, разворота от пристального изучения отдельных ее видов (этнической идентичности, социальной идентичности).

Понятие *идентичность* тесно пересекается с рядом схожих понятий (а в некоторых случаях и синонимично им): «персональная идентичность», «социальная идентичность», «самооценка», «самоидентичность», «Я-концепция» (табл. 1).

Можно отметить, что все приведенные выше подходы (см. табл. 1) внесли свою лепту в развитие исследований проблематики персональной идентичности. Актуальность изучения персональной идентичности в теоретическом аспекте заключается в том, что на сегодняшний день понятие «персональная идентичность» обладает статусом междисциплинарного (это скорее потенциал понятия и одновременно с тем показатель отсутствия глубокой разработки содержания понятия), так как объединяет в себе философские, социальные,

Таблица 1

**Перечень понятий, содержательно пересекающихся с понятием
«Персональная идентичность»**

Понятие	Содержание понятия	Автор(ы)
«персональная идентичность»	– принимаемый индивидом образ себя; – идентичность равно «самость» – бессознательный центр психики, вокруг которого формируется личность, индивидуальные характеристики человека; – персональная идентичность равно самость (self) – соотношение Я «I» - сознающего и Я «Me» - являющегося объектом познания. В этой интерпретации персональной идентичности в большей степени, чем в «Я-концепции», раскрываются аспекты синхроничности и диахроничности;	Э. Эриксон К.Г. Юнг Дж. Мид
«социальная идентичность»	– часть индивидуальной «Я-концепции» (это знания индивида о собственном групповом членстве); – часть самоконцепции; – интериоризированные роли;	Г. Тэджфел Д. Абрамс Дж. Мид
«самооценка»	– удовлетворенность или неудовлетворенность субъекта собой, самоотношение; – это критическая позиция индивида по отношению к тому, чем он обладает (это оценка с точки зрения определенной системы ценностей); – это мотив, существенное условие становления личности, побуждение соответствовать уровню ожиданий и требований окружающих и уровню собственных притязаний;	У. Джеймс Л.В. Бороздина А.Н. Леонтьев
«самоидентичность», «самоидентификация»	– это устойчивое представление о себе, образ себя, который достигается через отказ от собственного «Я», конформизм (стань одним из нас и тогда почувствуй себя как «Я»); – это результат разрешения возрастных кризисов;	Э. Фромм Э. Эриксон
«Я-концепция»	– это совокупность установок на себя, всех представлений индивида о себе, это сумма образа «Я» и самооценки;	Р. Бернс
«Я-идентичность»	– субъективное ощущение индивидом своей жизненной ситуации, своей непрерывности и своеобразия.	И. Гоффман

психологические научные подходы. Это объясняет назревшую необходимость осуществить конкретизацию понятия «персональная идентичность» в рамках психологической парадигмы, обозначить ее сущностные характеристики.

В качестве фундаментальной основы исследования персональной идентичности нами заложен принцип функциональной обратимости и идеи Дж. Мида, поскольку они позволяют применить системный подход и выйти на метасистемный уровень интерпретации результатов.

Решая задачу разработки психологического содержания персональной идентичности, нами было сформулировано его рабочее определение описательного типа: *персональная идентичность* понимается (в соответствии с фундаментальным принципом функциональной обратимости психических функций, примененным по отношению к Я-концепции) как подсистема личности, представляющая собой многоуровневое образование, базирующееся на принципах системной организации и означающая сознаваемое и переживаемое субъективное представление о себе, формирующееся в результате осознания субъектом образов «Я», определяющее, в частности, успешность адаптированности к различным средам.

Вполне закономерным будет вопрос о том, какую систему следует считать метасистемой по отношению к персональной идентичности человека? Напомним, что в метасистемном подходе постулируется сложная организация систем на основе их взаимовключения друг в друга. Объективная реальность, репрезентируясь в психике, предстает в своей приращенной форме – в форме субъективной реальности (Карпов, 2012). Нам представляется, что инверсия психики во внешний мир, представленный изменяющимися условиями образовательной среды, порождает персональную идентичность обучающегося юношеского возраста: на основе порождающей функции психики разворачивается идеальная по своей природе субъективная реальность, имеющая пространственно-временную организацию. Затем, на основе обретенной качественной специфичности, целостности и относительной независимости от сложившихся условий образовательной среды происходит инверсия персональной идентичности во внешний мир, в результате чего порождается реальность жизненного пространства обучающегося юношеского возраста.

Образованная таким образом система персональной идентичности характеризуется своей целостностью, относительной независимостью от окружения и пространственно-временной структурой. Можно предположить и цель образования этой системы (персональной идентичности): в более прагматичном и очевидном ключе – в адаптированности субъекта деятельности к социально-психологической среде (применительно к нашему конкретному исследованию – в адаптированности обучающегося к условиям образовательной среды), а в более широком смысловом контексте – в самореализации.

Применение фундаментального принципа функциональной обратимости психических функций (принципа «удвоения») по отношению к Я-концепции позволяет более глубоко интерпретировать идеи Дж. Мида о самости «Self» и механизмах ее формирования. Так, в понятии «персональная идентичность» заключено самоисследование соотношения Я «I» – сознающего (т.е. «то, чем познается») и Я «Me» – являющегося объектом познания («то, что познается»). Таким образом, персональная идентичность может быть отнесена к системе

со встроенным метасистемным уровнем. Это означает, что та метасистема, в которую она онтологически включена (то есть личность), сама оказывается функционально представленной в ней, поскольку все основные психические процессы и образования обладают общим свойством функциональной обратимости (Карпов, 2012).

В логику нашего исследования заложено рассмотрение персональной идентичности во взаимосвязи с сопряженным с ним феноменом социально-психологической адаптированности. Отметим, что Э. Эриксон высказал идею о том, что основной функцией идентичности является адаптация в широком смысле.

Итак, целью эмпирического исследования стало изучение взаимосвязи структурных компонентов персональной идентичности у обучающихся юношеского возраста в подгруппах с высокими и низкими значениями показателей социально-психологической адаптированности в условиях образовательной среды. В данной статье мы приведем данные по двум группам испытуемых: «Спортсмены» и «Военные». Кратко дадим описание данных участников: группа «Спортсмены» – это молодые люди, с детских лет систематически занимающиеся спортом и обучающиеся в специализированной спортивной школе в очной форме ($n=45$); группа «Военные» – это молодые люди, призванные на срочную службу, находящиеся в специфических и новых для себя условиях жизнедеятельности ($n=40$). Средний возраст представителей юношеского возраста – 17,2. Кроме того, в исследовании приняли участие 10 экспертов (психологи, классные руководители, тренеры, командиры подразделений, средний возраст: 39,7 лет).

Методы и методики

Для изучения персональной идентичности мы применили методику «Кто я?» (М. Kuhn, Т. McPartland, в модификации Т.В. Румянцевой). Для изучения социально-психологической адаптированности, чтобы получить более полную картину, были применены 7 методик и 4 анкеты: опросник субъективной оценки межличностных отношений (СОМО) (С.В. Духновский); опросник агрессивности (А. Басс, А. Дарки); методика изучения профессиональной идентичности (А.А. Азбель, А.Г. Грецов); анкета «Сферы жизни» (Т.В. Румянцева); анкета «Измерение стрессонаполненности жизни» (Т.В. Румянцева); шкала психологического стресса PSM-25 (модификация Н.Е. Водопьяновой); «Исследование тревожности» (Ч.Д. Спилбергер); исследование самооценки по методике Т.Ф. Дембо, С.Я. Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан); опросник социально-психологической адаптированности (СПА) (К. Роджерс, Р. Даймонд); две авторские анкеты (для обучающихся и экспертов), направленные на сбор информации об особенностях, характеристиках и оценке адаптированности обучающихся юношеского возраста в условиях образовательной среды. Исследователи адаптированности отмечают, что сегодня нет одной методики для исследования социально-психологической адаптированности, полностью удовлетворяющей требованиям всестороннего изучения данного

феномена (Н.В. Змановская, А.А. Реан). Полученные результаты использованы для получения интегрального показателя социально-психологической адаптированности. Этот шаг помог выявить адаптационные компоненты персональной идентичности в юношеском возрасте: социальное Я, физическое Я, перспективное Я и деятельное Я (Федорова, 2015).

Обсуждение результатов

Рассмотрим результаты структурного анализа персональной идентичности в подгруппах с высокими (рис. 1) и низкими (рис. 2) показателями социально-психологической адаптированности.

Э. Эриксон полагал, что социально-психологическая адаптированность сопряжена с персональной идентичностью, и разработал свою концепцию возрастных кризисов, преодолевая которые личность развивается. Соответственно, высокие показатели социально-психологической адаптированности могут говорить о нормальном функционировании системы персональной идентичности. Происходящие в персональной идентичности структурные изменения можно рассматривать как кризис персональной идентичности – это отражение в сознании индивида несоответствия сложившейся идентификационной системы личности новым требованиям реальности (внешним или внутренним), сопровождающееся динамикой соотношения бессознательных и осознаваемых механизмов идентификации (Иванова, Румянцева, 2009). Особенное внимание при анализе полученных результатов следует обратить на взаимосвязи базового компонента структуры персональной идентичности с адаптационными компонентами идентичности. Нами выявлено (с применением метода оценки степени организованности корреляционных плед и характера их конфигурации (Карпов, 2004; Шадриков, 2004)), что в структуре персональной идентичности обучающихся юношеского возраста базовым компонентом является проблемное Я (наибольший вес в структуре персональной идентичности в юношеском возрасте имеет проблемное Я ($W=19$) – критерий изменений (кризиса) персональной идентичности).

Результаты показали, что у обучающихся очно в специализированной школе (группа «Спортсмены») с высокими показателями значений социально-психологической адаптированности персональная идентичность в юношеском возрасте формируется через определение социального статуса посредством расширения круга общения, на что указывает взаимосвязь социального Я и коммуникативного Я с базовым компонентом в структуре (рис. 1).

Исследование позволило установить, что в условиях заочного обучения по специализированным программам (группа «Военные») в юношеском возрасте структура персональной идентичности наименее организована и формируется путем снижения рефлексии самооценки позитивных и негативных личностных характеристик. Однако, поскольку не было выявлено взаимосвязи базового компонента структуры проблемного Я с другими компонентами структуры, можно говорить о распаде двух взаимосвязанных систем: персо-

нальной идентичности и социально-психологической адаптированности. Следовательно, высокие показатели социально-психологической адаптированности в условиях специализированного обучения в очной форме способствуют ускоренному преодолению кризиса персональной идентичности в юношеском возрасте при его наличии (рис. 1).

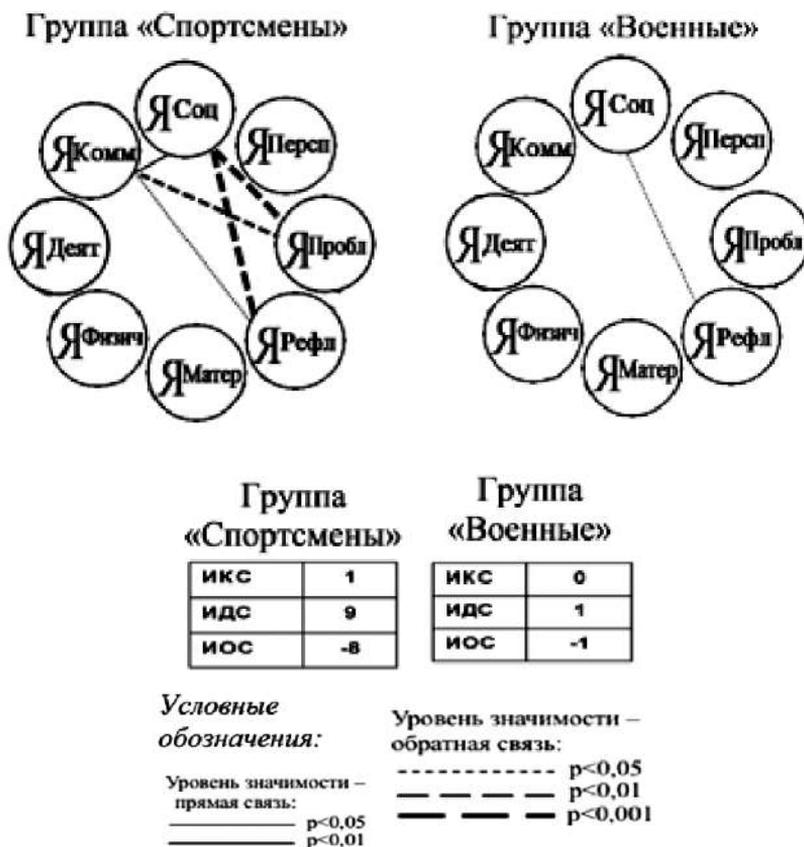

Рис. 1. Структуры персональной идентичности у обучающихся с высокими показателями социально-психологической адаптированности в условиях образовательной среды.

Примечание 1: Я^{Соц} – социальное Я; Я^{Комм} – коммуникативное Я; Я^{Деят} – деятельностное Я; Я^{Рефл} – рефлексивное Я; Я^{Пробл} – проблемное Я; Я^{Физ} – физическое Я; Я^{Матер} – материальное Я; Я^{Персп} – перспективное Я.

Примечание 2: ИКС – индекс когерентности структуры; ИДС – индекс дивергентности структуры; ИОС – индекс организованности структуры.

Рассмотрим особенности структур персональной идентичности, образованных в подгруппах с низкими показателями социально-психологической адаптированности в условиях образовательной среды (рис. 2).

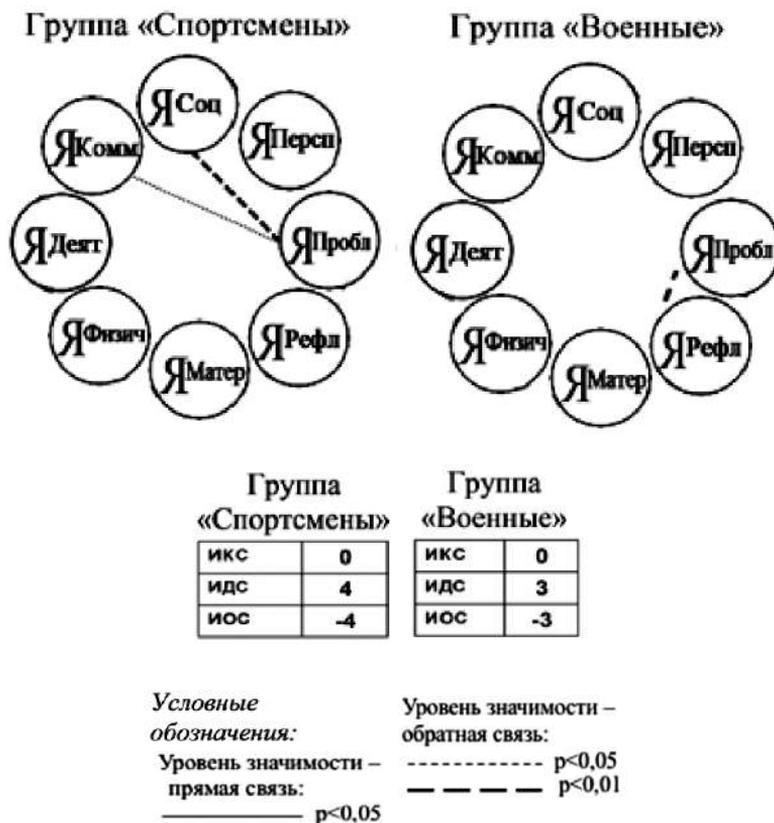

Рис. 2. Структуры персональной идентичности в подгруппах с низкими показателями социально-психологической адаптированности в условиях образовательной среды.

Примечание 1: ЯСоц – социальное Я; ЯКомм – коммуникативное Я; ЯДеят – деятельностное Я; ЯРефл – рефлексивное Я; ЯПробл – проблемное Я; ЯФизич – физическое Я; ЯМатер – материальное Я; ЯПерсп – перспективное Я.

Примечание 2: ИКС – индекс когерентности структуры; ИДС – индекс дивергентности структуры; ИОС – индекс организованности структуры

Анализ структуры персональной идентичности подгруппы «Спортсмены» показал обратную взаимосвязь проблемного Я и адаптационного компонента идентичности – социальное Я. Следовательно, в кризисе персональной идентичности в юношеском возрасте в условиях специализированного типа обучения очной формы снижаются показатели значений социально-психологической адаптированности. В подгруппе специализированного типа обучения в заочной форме структурный анализ не выявил взаимосвязей проблемного Я и адаптационных компонентов идентичности, что свидетельствует о распаде системы адаптированности в кризисе персональной идентичности.

Следовательно, существуют закономерные трансформации структурно-функциональной организации персональной идентичности в юношеском возрасте в условиях образовательной среды, и они связаны с понижением значений показателей социально-психологической адаптированности.

Анализ полученных результатов позволил предположить, что разработка проблемы персональной идентичности обучающихся юношеского возраста должна вестись в русле теорий, открывающих перспективы всестороннего целостного описания и системного познания данного феномена. По-видимому, механизм трансформации персональной идентичности представлен различными компонентами в соответствии с условиями своего формирования, что, вероятно, связано с метасистемным уровнем, т.е. уровнем, который организует взаимодействие одной системы с иными системами. Как мы уже говорили, метасистемный уровень имеет двойную локализацию – и вне, и внутри системы, в связи с этим механизмы и способы его существования могут быть принципиально гетерогенными. Привлечение принципа дополнительности позволяет адекватно и корректно раскрыть «двойную локализацию» метасистемного уровня. В русле данного подхода пока открытым остается вопрос поиска критериев уровневой организации. Критерии уровневой организации должны быть качественно различны по содержанию, по характеру интегративных средств и механизмов, лежащих в их основе, обеспечивать качественно различные типы взаимодействия системы со средой, иметь отличительные феноменологические проявления, включать специфические и разнородные по отношению друг к другу компоненты (Карпов, 2012). С данных позиций интерпретация полученных результатов нам видится следующим образом: у обучающихся в очной форме по специализированной программе (обучающиеся спортивной школы) распадаются структурные связи первого уровня (субъективного), связь первого и второго уровня (объективного метарегулятивного) остается; у обучающихся в заочной форме по специализированной программе (обучающиеся призывники срочной службы) структурные связи первого уровня распадаются, появляется связь первого и второго уровня.

Таким образом, нами установлена специфика структурообразования персональной идентичности в юношеском возрасте в условиях образовательной среды в зависимости от высоких и низких значений показателей социально-психологической адаптированности.

Заключение

В современной науке сохраняется многозначность толкования термина «идентичность», понятия «Я». Установлены закономерности трансформации структурно-функциональной организации персональной идентичности в юношеском возрасте в условиях образовательной среды и их связь с понижением значений показателей социально-психологической адаптированности. Применение принципов метасистемного подхода позволяет, анализируя компонентный состав структур персональной идентичности, установить, что в юношеском возрасте проблемное Я выступает как компонент персональной идентичности

второго и вместе с тем высшего уровня, который отвечает за регуляцию других структурно-функциональных компонентов персональной идентичности и реализует целевую функцию системы – социально-психологическую адаптированность, т.е. выполняет метарегулятивную функцию.

Полученные результаты подтверждают гипотезу об уровне строения персональной идентичности: персональная идентичность содержит в себе несколько уровней и может быть определена как многоуровневая подсистема личности, отражающая осознаваемое и переживаемое субъективное представление о себе, формирующееся в результате осознания субъектом образов «Я» и определяющее, в частности, успешность адаптированности к различным средам.

Таким образом, у субъектов образовательного процесса в юношеском возрасте в условиях образовательной среды базовым структурно-функциональным компонентом персональной идентичности является проблемное Я: чем выше его значения, тем более выражен кризис персональной идентичности (трудности в использовании других компонентов структуры) и тем ниже значения показателей социально-психологической адаптированности. Анализируя компонентный состав структур персональной идентичности, мы определили, что в юношеском возрасте проблемное Я рассматривается как компонент персональной идентичности второго и вместе с тем высшего уровня, отвечающий за регуляцию других структурно-функциональных компонентов персональной идентичности и реализующий целевую функцию системы – социально-психологическую адаптированность, т.е. называется метарегулятивным компонентом. Выявленные нами два ведущих компонента структуры персональной идентичности – коммуникативный и физический – связаны с другими компонентами в части изменения их содержания. Высшим уровнем выступает метауровень, соподчиняющий себе все иные. Не исключено, что метауровень (в нашем понимании) является макроуровнем, который включает дальнейшую дифференциацию, но эта конкретизация может стать целью дальнейших исследований.

Литература

- Блинова О.А.* Обретение персональной идентичности: диалектика индивидуального и социального // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. 2009. № 11. С. 51–56.
- Веричева Е.К.* Диалогические концепции идентичности личности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. Тамбов: Грамота, 2012. № 2(16). С. 38–40.
- Иванова Н.Л.* Социальная идентичность: теория и практика / Н.Л. Иванова, Т.В. Румянцева. М.: Изд-во СГУ, 2009. 453 с.
- Карпов А.В.* Метасистемная организация уровней структур психики / А.В. Карпов. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. 504 с.
- Карпов А.В.* Рефлексивная детерминация деятельности и личности / А.В. Карпов. М.: РАО, 2012. 476 с.

- Мид Дж.* Сознание, самость и общество / Социология: Классические и современные парадигмы. Хрестоматия, Рос.об-во социологов, Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД РФ (МГИМО-ун-т); Авт.-сост. С.А. Кравченко, М.О. Мнацаканян. М.: АНК ИЛ, 1998. 329 с.
- Сергиенко Е.А.* Ментальная репрезентация: динамика и структура / Под ред. А.В. Брушлинского, М.: ИП РАН, 1998. 320 с.
- Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И.* Модель психического. Структура и динамика. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. 503 с.
- Труфанова Е.О.* Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 95–105.
- Ушакова Д.В.* Когнитивная психология / под ред. В. Н. Дружинина. Москва: ПЕР СЭ, 2002. 478 с.
- Федорова Е.В.* Специфика адаптированности профессиональных спортсменов с кризисной и адаптивной идентичностью // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2015. Т. 1. № 1. С. 305–309.
- Фодор Дж., Пылишин З.* Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // Язык и интеллект Москва: Прогресс, 1996. С. 230–313.
- Шадриков В. Д.* Ментальное развитие человека. Москва: Аспект Пресс, 2007. 288 с.
- Шадриков В.Д.* Способности и интеллект человека. М., 2004. 350 с.
- Шаткин М.А.* Персональная идентичность: структура, функции, становление: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания». Диссертация на соискание ученого звания канд. философских наук / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2004. 139 с.
- Шеманов А.Ю.* Самоидентификация человека и культура. М.: Академический проект, 2007. 479 с.
- Эриксон Э.Г.* Детство и общество / Перевод, науч. ред. и примеч. А. А. Алексеева; Статьи Д. Элkinда, Сони́на В. А. СПб. Психол. центр «Ленато»; Балашиха: Фонд «Унив. кн.», 1996. 589 с.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.
- Kolb S.K.* Metacognition Metaphors. New York, 1995. 185 p.
- Rosch E. et al.* Basic objects in natural categories. Cognitive Psychology. 1976. V. 81. P. 390–398.

References

- Blinova O.A.* Acquisition of personal identity: dialectics of individual and social // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Culturology. 2009. № 11. P. 51–56.
- Vericheva E.K.* Dialogical concepts of personality identity // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. In 2 ch. Tambov: Diploma, 2012. № 2(16). P. 38–40.
- Ivanova N.L.* Social identity: theory and practice / N.L. Ivanova, T.V. Rummyantsev. M.: Publishing House of SGU, 2009. 453 p.
- Karpov A.V.* Metasystem organization of level structures of the psyche. M.: Publishing House of IP RAN, 2004. 504 p.

- Karpov A.V.* Reflexive determination of activity and personality. M.: RAO, 2012. 476 p.
- Mead J.* Consciousness, self and society / Sociology: Classical and modern paradigms: Reader, Ros. about-in sociologists, Moscow. state Institute of International relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-un-t); Aut.-stat. S.A. Kravchenko, M.O. Mnatsakanyan. M.: ANKIL, 1998. 329 p.
- Sergienko E.A.* Mental representation: dynamics and structure / Ed. A.V. Brushlinsky, Moscow: IP RAN, 1998. 320 p.
- Sergienko E.A., Ulanova A.Yu., Lebedeva E.I.* The mental model. Structure and dynamics. Moscow: Publishing House «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2020. 503 p.
- Trufanova E.O.* Identity and I // Questions of Philosophy. 2008. № 6. P. 95–105.
- Ushakova D.V.* Cognitive psychology / ed. V. N. Druzhinina. Moscow: PER SE, 2002. 478 p.
- Fedorova E.V.* Specificity of adaptability of professional athletes with crisis and adaptive identity / M.M. Kashapov, E.V. Fedorova // European Social Science Journal. 2015. № 1. V. 1. P. 305–309.
- Fodor J., Pylishin Z.* Connectionism and cognitive structure: a critical review // Language and Intellect Moscow: Progress, 1996. P. 230–313.
- Shadrikov V.D.* Mental development of a person. Moscow: Aspect Press, 2007. 288 p.
- Shadrikov V.D.* Human abilities and intelligence. M., 2004. 350 p.
- Shatkin M.A.* Personal identity: structure, functions, formation: specialty 09.00.01 «Ontology and theory of knowledge»: dissertation for the academic title of Ph.D. Philosophical Sciences / Sarat. state un-t im. N.G. Chernyshevsky. Saratov, 2004. 139 p.
- Shemanov A.Yu.* Human self-identification and culture. M.: Academic project, 2007. 479 p.
- Erickson E.G.* Childhood and Society / Translation, scientific ed. and note. A. A. Alekseeva; Articles by D. Elkind, V.A. Sonin. St. Petersburg: Psychol. center «Lentato»; Balashikha: Fund «Univ. kn.», 1996. 589p.
- Erikson E.* Identity: youth and crisis. M.: Flinta, 2006. 342 p.
- Kolb S.K.* Metacognition Metaphors. New York, 1995. 185 p.
- Rosch E. et al.* Basic objects in natural categories. Cognitive Psychology. 1976. V. 81. P. 390–398.

Информация об авторах

Карпов Анатолий Викторович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4547-2848>, e-mail: anvikar56@yandex.ru

Пошехонова Юлия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии, Ярославский

государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5478-1381>, e-mail: yskvo@mail.ru

Федорова Елена Владимировна, психолог, член Европейской Ассоциации развития психоанализа и психотерапии (ЕАРПП) Национального отделения МОО ЕСРР (Vienna, Austria) в России, соискатель ученой степени кандидата психологических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1451-5905>, e-mail: cml222523@mail.ru

Information about the authors

Anatoly V. Karpov, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Corresponding Member of RAO, Dean of the Faculty of Psychology, Head of the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4547-2848>, e-mail: anvikar56@yandex.ru

Yulia V. Poshekhonova, Ph.D., Associate Professor, Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology. P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5478-1381> e-mail: yskvo@mail.ru

Elena V. Fedorova, Psychologist, Applicant for the Degree of Candidate of Psychological Sciences, Member of the European Association for the Development of Psychoanalysis and Psychotherapy (EAPP) of the National Branch of the Interregional Public Organization ECPP (Vienna, Austria) in Russia, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1451-5905>, e-mail: cml222523@mail.ru

Получена: 27.08.2022

Принята в печать: 30.09.2022

Received: 27.08.2022

Accepted: 30.09.2022

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ЭТНОСОВ РФ

В. Н. ШЛЯПНИКОВ

Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия

В работе с позиции культурно-исторического подхода рассматриваются этнокультурные факторы волевой регуляции личности. Выдвигается гипотеза о взаимосвязи особенностей волевой регуляции и ценностных ориентаций личности в соответствии со спецификой национальной культуры. Цель работы — изучение взаимосвязи ценностных ориентаций и особенностей состояния волевой регуляции у представителей различных этнических групп (русских, коми, тувинцев, кабардинцев, марийцев, корейцев). Всего в исследовании приняли участие 600 человек в возрасте от 18 до 30 лет (выборки были сбалансированы по полу). Для диагностики состояния волевой регуляции респондентов использовались: «Шкала контроля за действием» Ю. Куля, «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении», методика самооценки волевых качеств личности. Для диагностики особенностей ценностно-смысловой сферы личности использовались: тест смысловых ориентаций, методика ценностных ориентаций Ш. Шварца. Показано наличие значимых положительных связей между ценностными ориентациями и показателями состояния волевой регуляции. Эта закономерность по-разному проявилась в сравниваемых этнических группах. Соответственно, можно предположить, что ценностно-смысловые отношения играют разную роль в волевой регуляции у представителей различных культур.

Ключевые слова: воля, волевая регуляция, самоконтроль, саморегуляция, волевые качества, кросс-культурный подход, этнос, ценностные ориентации, ценности, ценностно-смысловая сфера.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00597, <https://rscf.ru/project/21-18-00597/>.

Для цитаты: Шляпников В. Н. Взаимосвязь волевой регуляции и ценностных ориентаций личности у представителей различных этносов РФ // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 3. С. 21—37. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_02.

Для контактов: Шляпников Владимир Николаевич, shlyapnikov.vladimir@gmail.com

RELATIONSHIP BETWEEN VOLITIONAL REGULATION AND VALUE ORIENTATIONS AMONG VARIOUS ETHNIC GROUPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

VLADIMIR N. SHLYAPNIKOV

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

The paper analyses the ethnocultural factors of volitional regulation from the cultural-historical perspective. A hypothesis is put forward about the relationship between the specifics of volitional regulation and value orientations in accordance with specific of ethnic culture. The aim of the work is to study the relationship between value orientations and features of volitional regulation among representatives of various ethnic groups (Russians, Komis, Tuvans, Kabardians, Mari, Koreans). A total of 600 people aged 18 to 30 years took part in the study (the samples were gender balanced). To evaluate the individual characteristics of volitional regulation in the respondents, the following techniques were used: the Action Control Scale by J. Kuhl; the «Questionnaire for revealing the expression of self-control in the emotional sphere, activity and behavior»; the technique for self-assessment of volitional qualities. To evaluate individual values the following techniques were used: the Purpose in Life Test; the Schwartz Value Survey. The study revealed significant positive correlations between the intensity of volitional self-control and value orientations. This pattern revealed in different ways in the compared ethnic groups. Accordingly, it can be assumed that values play a different role in volitional regulation among representatives of different cultures.

Keywords: volition, will, volitional regulation, self-control, self-regulation, volitional qualities, cross-cultural approach, ethnos, values, value orientations.

Funding. This work was supported by Russian Science Foundation (project No 21-18-00597. See details: <https://rscf.ru/project/21-18-00597/>).

For citation: *Shlyapnikov V. N.* Relationship between Volitional Regulation and Value Orientations among various ethnic groups of the Russian Federation // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2022. V. 3. № 3. P. 21–37. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_02 (in Russ.).

Corresponding author: Vladimir N. Shlyapnikov, shlyapnikov.vladimir@gmail.com

Введение

Понятие воли имеет фундаментальное значение для современной психологии, поскольку оно исторически тесно связано с такими ключевыми проблемами, как: самодетерминация, саморегуляция, принятие решений, реализация намерений и т.д. (Zhu, 2004). Несмотря на попытки ряда исследователей свести проблему воли к другим психическим процессам и функциям, исследования

последних десятилетий позволяют рассматривать волю как самостоятельную психологическую реальность, отличную от мотивационных и когнитивных процессов (Шляпников, 2019).

В наиболее обобщенном виде в зарубежной психологии под волей понимается самостоятельный психический мета-процесс, обеспечивающий управление внутренними ресурсами субъекта в процессе реализации намерения в действии (Baumann et al., 2018). В отечественной психологии в рамках культурно-исторического подхода сложилось представление о воле как о высшей психической функции (Божович, 2001; Выготский, 2000; Иванников, Гусев, Барабанов, 2019). В частности, В.А. Иванников предлагает рассматривать волю как одну из «форм (способов) произвольной регуляции, которая состоит в овладении человеком собственным поведением и психическими процессами для решения задач, которые личность принимает как свои собственные в соответствии со своими ценностно-смысловыми установками» (Иванников, Шляпников, 2012).

Воля, как высшая психическая функция, имеет социальное происхождение и определяется характером специфических жизненных задач, которые общество ставит перед человеком. В частности, это имеет отношение к этническим общностям. Исследования показывают наличие кросс-культурных различий у представителей различных этнических групп, что подтверждает предположение о роли национальной культуры в формировании волевой регуляции субъекта (Иванников, Шляпников, 2019; Шляпников, 2018). В частности, позитивная этническая идентичность положительно коррелирует с показателями состояния волевой регуляции (Шляпников, 2019).

Тем не менее, природа этих закономерностей остается не до конца раскрытой. Согласно представлениям, сложившимся в отечественной психологии, одним из главных средств волевой регуляции являются смысловые образования личности, в частности, ценности как наиболее обобщенные смысловые отношения человека с окружающей действительностью (Schwartz, 2012). Исследования показывают, что национальные группы различаются по структуре ценностных ориентаций, в частности, исследования Ш. Шварца показывают, что в странах Западной Европы преобладают ценности Эгалитаризма, Гармонии, Интеллектуальной свободы, в странах Азии – Иерархия и Включенность, а в англоговорящих странах – Мастерство и Эмоциональная автономия (Schwartz, 2014). Соответственно, мы можем предположить, что национальная культура опосредствованно влияет на состояние волевой регуляции субъекта, формируя у него определенную систему ценностей, характерную для данной культуры. Исходя из этого, можно выдвинуть гипотезу о наличии положительной связи между показателями волевой регуляции и ценностными ориентациями личности в соответствии со спецификой национальной культуры.

В связи с этим целью данной работы является изучение взаимосвязи показателей состояния волевой регуляции и ценностных ориентаций личности у представителей шести этнических групп (русских, коми, тувинцев, кабардинцев, марийцев, корейцев).

Метод

Описание выборки. С целью проверки выдвинутой нами гипотезы были обследованы шесть групп, составленных из представителей коми-зырян, проживающих в г. Сыктывкар; русских, проживающих в г. Москва; тувинцев, проживающих в г. Кызыл; кабардинцев, проживающих в г. Нальчик; марийцев, проживающих в г. Йошкар-Ола; корейцев, проживающих в г. Хабаровск. Группы были уравнены по полу и возрасту, и большей частью состояли из студентов, а также молодых специалистов. Всего в исследовании приняло участие 600 человек, в их числе:

Коми-зыряне – 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 20 до 24 лет (средний возраст 21,5 год);

Русские – 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 20 до 24 лет (средний возраст 22,05 года);

Тувинцы – 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 25 до 30 лет (средний возраст 26,5 лет);

Кабардинцы – 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст 19,5 года);

Марийцы – 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 25 до 30 лет (средний возраст 25,5 лет);

Корейцы – 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 20 до 23 лет (средний возраст 25 лет).

Методики. Для диагностики состояния волевой регуляции использовались методики: субшкала «Контроль за действием при планировании» из опросника «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина (1997) (Шапкин, 1997); «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров, В.К. Васильева и С.В. Фирсова) (Ильин, 2000); формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо-Рубинштейн в адаптации В.А. Иванникова, Е.В. Эйдмана (1990) (Иванников, Эйдман, 1990). Для диагностики состояния ценностно-смысловой сферы личности использовались тест СЖО (Леонтьев, 1999) и методика ценностных ориентаций Ш. Шварца (Карандашев, 2004). Также использовался опросник, который содержал вопросы, касающиеся ряда демографических характеристик респондентов (пол, возраст, образование, семейное положение).

Для проверки наличия различий между группами использовался непараметрический тест Крускала-Уоллиса. Для оценки значимости связей между переменными использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Для статистической обработки данных использовался статистический пакет IBM SPSS Statistics v.23.

Процедура. Опросные листы раздавались и заполнялись респондентами в индивидуальном порядке в присутствии исследователя. Участие в исследовании носило добровольный характер.

Результаты

Сравнение групп по показателям состояния волевой регуляции и ценностным ориентациям

В табл. 1 представлены результаты сравнения групп по показателям состояния волевой регуляции и ценностным ориентациям.

Таблица 1

Сравнение среднегрупповых показателей состояния волевой регуляции и значений ценностных ориентаций в сравниваемых этнических группах (тест Крускала-Уоллиса)

	Русские		Тыва		Коми		Кабарда		Корейцы		Марийцы		χ ²
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	
Конформность	8,35	2,25	10,48	1,96	9,43	2,27	10,86	2,64	6,47	1,12	9,71	2,01	225,45**
Традиции	7,55	2,16	10,20	2,77	8,63	2,33	10,02	2,39	5,74	1,22	9,06	2,17	226,48**
Доброта	8,62	2,32	10,52	2,14	10,05	3,88	10,80	1,91	7,94	1,02	9,71	1,97	143,63**
Универсализм	8,23	1,91	10,01	1,96	9,05	2,14	9,97	1,76	8,17	0,74	9,09	1,87	93,09**
Самостоятельность	10,11	1,87	11,14	1,96	10,65	2,17	11,53	1,57	9,22	0,83	10,66	1,81	126,52**
Стимуляция	8,30	2,21	10,38	3,34	9,19	2,31	9,96	2,20	7,04	1,20	9,27	2,08	145,61**
Гедонизм	9,42	2,02	10,65	3,40	9,55	2,55	10,78	2,09	9,33	1,09	9,88	2,23	43,12**
Достижения	8,85	2,02	10,32	2,25	9,57	2,22	10,37	2,01	8,35	0,96	9,79	1,93	89,00**
Власть	8,08	2,10	10,05	2,09	8,84	2,31	10,09	1,97	9,32	1,00	8,96	2,07	64,53**
Безопасность	9,98	1,92	11,04	2,07	10,60	2,14	11,55	1,57	9,49	0,75	10,23	1,91	101,61**
Тест СЖО	108,32	33,31	86,12	51,92	98,36	31,08	94,51	40,60	87,63	11,71	95,88	38,25	81,56**
Шкала контроля за действием	4,89	2,72	6,08	2,85	5,53	2,76	5,59	2,97	5,95	1,64	5,86	2,81	9,08**
Эмоциональный самоконтроль	12,22	2,96	13,51	2,98	13,25	3,14	13,43	3,71	11,32	2,52	13,86	2,79	50,94**
Поведенческий самоконтроль	15,85	4,14	18,39	3,65	16,98	3,83	17,40	3,73	13,21	3,07	17,33	3,55	112,7**
Социальный самоконтроль	15,04	3,51	17,95	3,19	17,22	3,65	17,85	4,46	13,90	2,92	17,56	3,27	109,36**
Общий балл волевой самооценки	72,35	11,32	78,58	11,58	74,12	10,71	78,92	12,02	57,71	8,78	76,18	9,53	186,61**

Примечание: * – p<0,05, ** – p<0,01.

Как видно из табл. 1, сравниваемые нами группы значительно различаются по всем сравниваемым показателям. Тем не менее, эти различия носят скорее количественный, чем качественный характер. Наибольшие значения показателей по методике Ш. Шварца наблюдаются в группах тувинцев и кабардинцев, а наименьшие – в группе корейцев. Вместе с этим, во всех группах наблюдается сходная иерархия ценностей: первые три места занимают самостоятельность, безопасность, гедонизм, а три последних места – традиции, власть, универсализм. Вероятно, такое распределение ценностей отчасти связано с возрастным составом выборки, состоящей из молодых людей (Schwartz, 1992; Schwartz, 2012).

Таким образом, мы не обнаружили значимых качественных различий по показателям ценностных ориентаций у представителей сравниваемых групп. Тем не менее, наибольшие значения ценностных ориентаций наблюдаются в группах с более высокими показателями состояния волевой регуляции (тувинцы, кабардинцы), а наименьшие – в группах с низкими показателями состояния волевой регуляции (русские, корейцы) (Иванников, Шляпников, 2019). Рассмотрим более подробно характер этой закономерности.

Корреляционный анализ между показателями состояния волевой регуляции и ценностными ориентациями личности.

В табл. 2 представлены результаты корреляционного анализа между показателями состояния волевой регуляции и ценностными ориентациями личности у представителей сравниваемых этнических групп.

Таблица 2

Корреляционный анализ между показателями состояния волевой регуляции и ценностными ориентациями личности у представителей сравниваемых этнических групп (коэффициент Спирмена)

	Тест СЖО	Комфортность	Традиции	Доброта	Универсализм	Самостоятельность	Стимуляция	Гедонизм	Достижения	Власть	Безопасность
Русские											
Шкала контроля за действием	,408**	,059	,119	,273**	-,042	,105	,138	-,177	,072	,094	,098
Эмоциональный самоконтроль	,127	,019	,145	,004	-,025	,154	,067	-,027	,095	-,166	,144
Поведенческий самоконтроль	,252**	,272**	,352**	,379**	,356**	,325**	,321**	,076	,294**	,286**	,312**
Социальный самоконтроль	,113	,388**	,373**	,427**	,300**	,194*	,244**	-,018	,294**	,279**	,264**
Общий балл волевой самооценки	,333**	,220*	,314**	,307**	,204*	,227*	,300**	-,022	,212*	,212*	,183
Тыва											
Шкала контроля за действием	,203	,173	,226*	,224*	,189	,204	,213*	,196	,171	,153	,170
Эмоциональный самоконтроль	,147	,126	,202	,253*	,114	,096	,065	,031	,158	,089	,171
Поведенческий самоконтроль	,072	,429**	,310**	,362**	,314**	,366**	,382**	,320**	,255*	,244*	,374**

Социальный самоконтроль	,062	,136	,088	,146	,160	,166	,128	,094	,080	,082	,164
Общий балл волевой самооценки	,064	,341**	,308**	,256*	,247*	,319**	,408**	,298**	,166	,185	,361**
Коми											
Шкала контроля за действием	,298**	,057	,086	,041	,016	,165	,052	,096	,091	,050	,022
Эмоциональный самоконтроль	,189*	,085	,174	,080	,044	,035	,069	,071	,101	-,012	,041
Поведенческий самоконтроль	,247*	,125	,172	,255**	,121	,264**	,093	,148	,186	,103	,243*
Социальный самоконтроль	,261**	,042	,042	,055	-,052	,067	-,093	,031	,065	-,114	,061
Общий балл волевой самооценки	,404**	,176	,214*	,360**	,249*	,418**	,169	,256**	,351**	,283**	,212*
Кабарда											
Шкала контроля за действием	,383**	,126	,248*	,248*	,193	,328**	,315**	,216*	,383**	,226*	,279**
Эмоциональный самоконтроль	,045	,194	,091	,276**	,112	,149	,121	,021	,158	,101	,194
Поведенческий самоконтроль	,235*	,205	,129	,228*	,063	,271*	,230*	,087	,150	,134	,234*
Социальный самоконтроль	,236*	,203	,151	,201	,013	,104	,190	,041	,038	,022	,184
Общий балл волевой самооценки	,391**	,307**	,320**	,409**	,297**	,404**	,319**	,262*	,358**	,326**	,395**
Корейцы											
Шкала контроля за действием	-,074	-,013	,199*	,208*	,217*	,010	,162	,087	,063	,254*	,108
Эмоциональный самоконтроль	-,069	,134	,102	,046	-,132	-,082	,005	-,038	,035	-,165	,038
Поведенческий самоконтроль	,062	,103	,191	,203*	,113	,153	,070	-,063	,034	,036	-,073
Социальный самоконтроль	,042	,279**	,087	-,178	,237*	,108	,021	-,211*	,096	-,045	,072
Общий балл волевой самооценки	,162	-,017	,157	,166	-,007	,010	,194	-,195	-,001	-,066	-,058
Марийцы											
Шкала контроля за действием	,285**	,184*	,199*	,152	,154	,251**	,231**	,179*	,258**	,133	,176*
Эмоциональный самоконтроль	,176	-,080	,013	-,068	,028	-,004	-,001	,009	-,030	,059	,110
Поведенческий самоконтроль	,386**	,144	,150	,156	,160	,193*	,126	,180*	,160	,159	,209*
Социальный самоконтроль	,165	,252**	,239**	,134	,175	,092	,166	,029	,032	-,013	,258**
Общий балл волевой самооценки	,455**	,212*	,256**	,285**	,326**	,314**	,290**	,380**	,365**	,400**	,283**

Примечание: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$.

Как видно из табл. 2, были обнаружены множественные значимые связи между показателями состояния волевой регуляции, с одной стороны, и ценностными ориентациями и показателями теста СЖО – с другой. Вместе с этим полученные результаты свидетельствуют о том, что обнаруженные закономерности по-разному проявляются в сравниваемых группах. Рассмотрим эти закономерности более подробно.

Шкала контроля за действием. В целом показатели «Шкалы контроля за действием» положительно коррелируют с ценностными ориентациями, хотя здесь и преобладают слабые связи. В группе марийцев и кабардинцев показатели теста коррелируют практически со всеми ценностными ориентациями. В остальных группах значимых корреляций существенно меньше, а в группе коми они отсутствуют. В связи с этим можно предположить, что связи между показателями «Шкалы контроля за действием» и ценностными ориентациями не специфичны по отношению к содержанию ценности. Значения теста СЖО положительно коррелируют с показателями «Шкалы контроля за действием» во всех группах, кроме тувинцев и корейцев.

Эмоциональный самоконтроль. Значимые корреляции между выраженностью эмоционального самоконтроля и ценностными ориентациями практически отсутствуют. Исключение составляет корреляции с добротой в группах тувинцев и кабардинцев. Показатели теста СЖО значимо коррелируют с выраженностью эмоционального самоконтроля только в группе коми. В связи с этим можно заключить, что ценностные ориентации практически не связаны с эмоциональным самоконтролем.

Поведенческий самоконтроль. Показатели поведенческого самоконтроля также положительно коррелируют с ценностными ориентациями. В группе русских и тувинцев показатели этой субшкалы положительно коррелируют практически со всеми ценностными ориентациями. В остальных группах значимых корреляций существенно меньше. Как в случае со «Шкалой контроля за действием», зависимость связей от содержания ценностей не обнаруживается. Значения теста СЖО положительно коррелируют с показателями поведенческого самоконтроля во всех группах, кроме тувинцев и корейцев, что согласуется с результатами корреляционного анализа по «Шкале контроля за действием».

Социальный самоконтроль. В целом показатели поведенческого самоконтроля положительно коррелируют с ценностными ориентациями. В группе русских показатели этой субшкалы положительно коррелируют практически со всеми ценностными ориентациями. В остальных группах значимых корреляций существенно меньше. У тувинцев и коми они отсутствуют совсем. Как в случае со «Шкалой контроля за действием», зависимость связей от содержания ценностей не обнаруживается. Значения теста СЖО положительно коррелируют с показателями социального самоконтроля в группах коми и кабардинцев.

Волевая самооценка. В целом общий балл волевой самооценки положительно коррелирует с ценностными ориентациями. Во всех группах, за исключением корейцев, показатели волевой самооценки коррелируют практически со всеми ценностными ориентациями. Значения теста СЖО положительно коррелируют с волевой самооценкой во всех группах, кроме тувинцев и корейцев, что согласуется с результатами корреляционного анализа по «Шкале контроля за действием».

Таким образом, в целом показатели волевой регуляции положительно связаны с ценностными ориентациями личности. Вместе с этим данная закономерность по-разному проявляется в сравниваемых этнических группах.

Обсуждение результатов

В целом полученные нами результаты подтверждают выдвинутую гипотезу: показатели состояния волевой регуляции положительно коррелируют со значениями ценностных ориентаций и теста СЖО. Какова же природа этой связи? С одной стороны, полученные результаты могут свидетельствовать в пользу представлений о смысловых образованиях личности как о средствах волевой регуляции, развиваемых в работах Л.И. Божович, В.А. Иванникова, Е.О. Смирновой (Божович, 2001; Иванников и др., 2014; Смирнова, 2015). С другой стороны, реализация ценностей в деятельности предъявляет повышенные требования к волевой регуляции субъекта, поскольку ценности, как мотивационные факторы данные в идеальной и обобщенной форме, обладают меньшей побудительной силой, чем конкретно-ситуативные мотивы, данные в наглядно образной форме (Божович, 2001; Выготский, 2000). В определенной мере эти объяснения могут дополнять друг друга. Реализация ценностей требует обращения к волевой регуляции, а воля, в свою очередь, опирается на развитые смысловые отношения личности (Божович, 2001; Иванников и др., 2014).

Вместе с этим обнаруженные закономерности имеют ряд особенностей.

Во-первых, в ходе исследования было показано, что в сравниваемых группах практически отсутствует специфика связи показателей состояния волевой регуляции и ценностных ориентаций в зависимости от их содержания. Можно было бы ожидать, что ценности «Достижения» или «Самостоятельности», предполагающие высокий уровень активности субъекта, скорее будут коррелировать с показателями состояния волевой регуляции, чем ценности «Стимуляции» и «Гедонизма», предполагающие более пассивную роль субъекта. Тем не менее, показатели состояния волевой регуляции либо коррелируют практически со всеми ценностными ориентациями, либо корреляции носят единичный характер или отсутствуют вовсе. Получается, что факт наличия ценностной ориентации, независимо от ее содержания, является фактором волевой регуляции. В связи с этим можно предположить, что развитие ценностно-смысловой сферы субъекта в целом способствует формированию волевой регуляции личности, в частности, ее высшим проявлениям — «волевой организацией личности», основанной на развитой системе смысловых отношений человека с миром [1; 7].

Во-вторых, разные компоненты волевой регуляции по-разному связаны с ценностными ориентациями.

Самооценка волевых качеств. Наиболее тесная связь наблюдается между ценностями и самооценкой волевых качеств. Эта закономерность прослеживается практически во всех сравниваемых группах, т.е. носит скорее универсальный характер. Данный факт не вызывает удивления, поскольку, согласно сложившимся в отечественной психологии представлениям, ценности напрямую определяют самоотношение субъекта и содержание образа «Я» (Непомнящая и др., 1980). Как показывают исследования, чем больше развита ценностно-смысловая сфера личности, тем более развиты у субъекта

представления о себе как о субъекте деятельности и о субъекте переживаний (Непомнящая и др., 1980). В связи с этим можно предположить, что развитые ценностно-смысловые отношения способствуют осознанию себя в качестве источника своих действий (sense of agency), приносящих моральное удовлетворение, что может приводить к росту самооценки волевых качеств личности (Haggard, Eitam, 2015).

Тест СЖО. Отметим, что показатели теста СЖО положительно коррелируют с показателями состояния волевой регуляции практически во всех группах, кроме тувинцев и корейцев. Эти результаты хорошо согласуются с данными исследований других авторов и подтверждают представления о воле как о личностном уровне произвольной регуляции, проявляющейся только в личностно значимых ситуациях, т.е. в ситуациях, имеющих для субъекта определенный личностный смысл (Иванников и др., 2014). Вместе с этим полученные результаты свидетельствуют о том, что данная закономерность имеет этнокультурную специфику. Обращает на себя внимание и тот факт, что данная связь отсутствует в регионах с низким качеством жизни (Тыва, Хабаровский край) (Рейтинг, 2017).

Поведенческий и социальный самоконтроль. Более избирательный характер носят связи между ценностями и показателями поведенческого и социального самоконтроля, которые наблюдаются только в группе русских и тувинцев. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с разными уровнями регуляции поведения: уровнем социальных норм и ценностей (поведенческий и социальный самоконтроль) и уровнем личных ценностей (ценностные ориентации) (Леонтьев, 1999; Schwartz, 2012). В большинстве групп эти уровни функционируют относительно независимо друг от друга. Вместе с этим у русских и тувинцев ценностные ориентации и самоконтроль связаны друг с другом. Вероятно, это говорит о том, что в данных группах ценности являются средством волевого самоконтроля, а самоконтроль может рассматриваться как одна из универсальных ценностей для данных групп.

Шкала контроля за действием. Аналогичная закономерность наблюдается с показателями «Шкалы контроля за действием», которые коррелируют с ценностными ориентациями только в группах марийцев и кабардинцев. С одной стороны, «Шкала контроля за действием» измеряет индивидуальные особенности регуляции деятельности на уровне целевых установок, а методика Ш. Шварца — на уровне ценностно-смысловых установок, т.е. здесь мы тоже имеем дело с разными уровнями регуляции (Baumann et al., 2018; Schwartz, 2012). С другой стороны, в группах марийцев и кабардинцев у респондентов с более эффективным типом волевой регуляции (ориентация на действие) наблюдается более развитая смысловая сфера, а у респондентов с менее эффективным типом (ориентация на состояние) — менее развитая. В связи с этим можно предположить, что в данных группах развитая система ценностей личностей может становиться одной из средств реализации намерения в действии, что соответствует положениям теории Ю. Куля, а ориентация на действие может рассматриваться как одна из универсальных ценностей для данных групп.

Эмоциональный самоконтроль. Связь между ценностями и эмоциональным самоконтролем практически отсутствует во всех группах. Вероятно, это связано с тем, что самоконтроль в эмоциональной сфере в большей степени определяется социальными нормами, чем ценностями.

Наконец, было обнаружено, что связь состояния волевой регуляции и ценностных ориентаций обладает этнокультурной спецификой. В группе русских эта связь теснее всего: ценностные ориентации коррелируют с поведенческим и социальным самоконтролем, а также с самооценкой волевых качеств. В группе марийцев и кабардинцев – с показателями «Шкалы контроля за действием» и самооценкой волевых качеств. В группе тувинцев – с поведенческим самоконтролем и самооценкой волевых качеств. В группе коми – только с самооценкой волевых качеств. В группе корейцев значимые связи практически отсутствуют.

Русские. Наибольшее число значимых связей между показателями состояния волевой регуляции и ценностными ориентациями наблюдается в группе русских. Главная особенность данной группы состоит в том, что показатели поведенческого и социального самоконтроля в основном коррелируют с ценностными ориентациями по Ш. Шварцу, а показатели «Шкалы контроля за действием» – со значениями теста СЖО. Поскольку методика Ш. Шварца оценивает надситуативные смысловые образования, связанные с жизненными задачами, универсальными для всего человечества, а тест СЖО – осмысленность жизни конкретного человека здесь и теперь, мы можем предположить, что в данной группе «самоконтроль» выступает в качестве универсальной культурной ценности и его проявления носят надситуативный характер, а «ориентация на действие» преимущественно проявляется в лично значимых ситуациях. Иными словами, для русских самоконтроль важен всегда, а ориентация на действие нужна в ситуациях, имеющих смысл лично для конкретного человека. В целом можно сказать, что в группе русских ценности являются важным средством волевой регуляции. Это предположение хорошо согласуется с данными об отсутствии связей между показателями состояния волевой регуляции и этнической идентичности для русских, а также объясняет достаточно низкие показатели «Шкалы контроля за действием» в данной группе в целом (Шляпников, 2019).

Кабардинцы и марийцы. В группах кабардинцев и марийцев также наблюдается относительно большое количество значимых связей между показателями состояния волевой регуляции и ценностными ориентациями. Главная особенность данных групп: показатели самоконтроля, в первую очередь, связаны с тестом СЖО, а показатели «Шкалы контроля за действием» – и с тестом СЖО, и с ценностными ориентациями по Ш. Шварцу. Соответственно, мы можем предположить, что в данных группах «ориентация на действие» выступает в качестве универсальной культурной ценности и его проявления могут носить надситуативный характер, а «самоконтроль» преимущественно проявляется в лично значимых ситуациях. Иными словами, для кабардинцев и марийцев ориентация на действие важна всегда и нужна в ситуациях, имеющих смысл лично для конкретного человека, а самоконтроль проявляется только в ситуациях, имеющих смысл лично для данного человека. Это предположе-

ние хорошо объясняет более высокие показатели по «Шкале контроля за действием» в данных группах (Иванников, Шляпников, 2019). В целом, можно заключить, что в этих группах ценности являются также важным средством волевой регуляции, причем, речь идет как о личных, так и социальных ценностях. Наряду с этим, в группе кабардинцев важными факторами самоконтроля являются социальные факторы: этническая идентичность, особенности традиционного образа жизни и культуры (Шляпников, 2019).

Тувинцы. В группе тувинцев значимых связей между показателями состояния волевой регуляции и ценностными ориентациями существенно меньше. Главные особенности данной группы: показатели поведенческого самоконтроля коррелируют с ценностными ориентациями по Ш. Шварцу; показатели теста СЖО не коррелируют ни с одним показателем состояния волевой регуляции. Соответственно, можно предположить, что в данной группе «самоконтроль» выступает в качестве универсальной культурной ценности и его проявления носят надситуативный характер. Иными словами, для тувинцев самоконтроль важен всегда. В целом, можно заключить, что в группе тувинцев ценности не являются важным средством волевой регуляции, гораздо большую роль здесь играют социальные факторы: этническая идентичность, особенности традиционного образа жизни, условия проживания (Иванников, Шляпников, 2019; Шляпников, 2019).

Коми. В группе коми количество значимых связей между показателями состояния волевой регуляции и ценностными ориентациями относительно невелико. Однако значения теста СЖО значимо коррелируют со всеми показателями состояния волевой регуляции. В связи с этим, можно предположить, что в целом в группе тувинцев ценности не являются важным средством волевой регуляции, а обращение к волевой регуляции происходит преимущественно в лично значимых ситуациях. Иными словами, воля нужна только в ситуациях, имеющих смысл лично для конкретного человека. Вместе с этим в группе коми важным фактором волевой регуляции являются особенности условий проживания (Иванников, Шляпников, 2019).

Корейцы. В группе корейцев связи между показателями состояния волевой регуляции и ценностными ориентациями практически отсутствуют. Эти результаты позволяют предположить, что в целом в группе корейцев ценности не являются важным средством волевой регуляции. Вместе с этим в группе корейцев большую роль играют социальные факторы: этническая идентичность, особенности традиционного образа жизни, условия проживания (Шляпников, 2019).

Заключение

В целом полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу. Ценностные ориентации положительно коррелируют с показателями состояния волевой регуляции, что хорошо согласуется с данными других авторов (Иванников, Гусев, Барабанов, 2019). Характер обнаруженных связей позволяет предположить, что не отдельные ценности, а развитая система смысловых от-

ношений личности с миром составляет основу для высших форм волевой регуляции – волевой организации личности (Божович, 2001).

Вместе с этим было показано, что эта закономерность по-разному проявляется в сравниваемых этнических группах, а значит ценностно-смысловые отношения играют разную роль в волевой регуляции у представителей различных культур. Необходимость обращения к волевой регуляции может быть обусловлена разными факторами: личностной значимостью ситуации (русские, коми), общекультурными ценностями (кабардинцы, марийцы), социальными нормами (тувинцы, корейцы), условиями жизни (тувинцы, коми).

Также полученные результаты позволяют предположить, что в ряде национальных культур «самоконтроль» (русских) и «ориентация на действие» (кабардинцы, марийцы), а также связанные с ними волевые качества, могут выступать в качестве самостоятельной ценности, однако, эта гипотеза нуждается в дополнительной проверке.

Литература

- Божович Л.И.* Развитие воли в онтогенезе // Проблемы формирования личности. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. С. 302–332.
- Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 512–755.
- Иванников В.А., Шляпников В.Н.* Воля как продукт общественно-исторического развития человечества // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 111–121.
- Иванников В.А., Шляпников В.Н.* Особенности волевой регуляции у представителей разных этнокультурных групп // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 1. С. 70–84. doi: 10.17759/exppsy.2019120106.
- Иванников В.А., Эйдман Е.В.* Структура волевых качеств по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 3. С. 39–49.
- Иванников В. А., Гусев А. Н., Барбанов Д. Д.* Связь осмысленности жизни и способа контроля за действием с самооценками студентами волевых качеств // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 2. С. 27–44.
- Иванников В.А., Барбанов Д.Д., Монроз А.В., Шляпников В.Н., Эйдман Е.В.* Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.
- Ильин Е.П.* Психология воли. СПб: Питер, 2000. 288 с.
- Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб: Речь, 2004. 70 с.
- Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
- Леонтьев Д.А.* Три грани смысла // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 299–331.

- Непомнящая Н.И., Каневская М.Е., Пахомова О.Н., Барцалакина В.В., Рубцова С.Н., Музе Э.Н.* Ценностность как центральный компонент психологической структуры личности // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 103–111.
- Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2017 [Электронный ресурс]. МИА Россия сегодня. 2017. URL:<https://ria.ru/infografika/20180214/1514552265.html> (Дата обращения: 30.06.2020).
- Смирнова Е.О.* К проблеме воли и произвольности в культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 9–15. doi: 10.17759/chp.2015110302.
- Шапкин С.А.* Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997. 140 с.
- Шляпников В.Н.* Уроки зарубежной психологии воли // Актуальные проблемы психологического знания. 2019. № 3–4. С. 83–92.
- Шляпников В.Н.* Взаимосвязь показателей состояния волевой регуляции и этнической идентичности // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 3. С. 83–90. doi:10.17759/chp.2019150309.
- Шляпников В.Н.* Особенности волевой регуляции у кабардинцев, коми, тувинцев и русских // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 4. С. 107–115. doi:10.17759/exppsy.2018110409.
- Baumann N., Kazén M., Quirin M., Koole S.L.* Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition. Hogrefe Publishing, 2018. 433 p.
- Haggard P., Eitam, B.* (Eds.) The Sense of Agency. New York: Oxford University Press. 2015. 448 p.
- Mischel W., Ayduk O., Berman M.G., Casey B.J., Gotlib I.H., Jonides J., Kross E., Teslovich T., Wilson N.L., Zayas V., Shoda Y.* Willpower over the life span: decomposing self-regulation // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2011. V. 6(2). P. 252–256.
- Schwartz S. H.* Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology. 1992. V. 25. P. 1–65.
- Schwartz S. H.* An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. V. 2(1). doi:10.9707/2307-0919.1116.
- Schwartz S. H.* National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance // Handbook of the Economics of Art and Culture, V. 2. Elsevier B.V., 2014. P. 547–586. doi:10.1016/B978-0-444-53776-8.00020-9.
- Zhu J.* Understanding of volition // Philosophical psychology. 2004. V. 17 (2). P. 247–273.

References

- Bozhovich L.I.* Razvitie voli v ontogeneze [The development volition in ontogenesis]. Problemy formirovaniya lichnosti [Problems of Personality Development]. Moscow: Publ. MPSI, Voronezh: Publ. NPO “MODEK”, 2001. P. 302–332. (In Russ.).

- Ivinskii L.S.* Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [The History of High Mental Functions Development]. Psikhologiya [Psychology]. Moscow: Publ. EKSMO-Press, 2000. P. 512–755. (In Russ.).
- Ivannikov V.A., Shlyapnikov V.N.* Volya kak produkt obshchestvenno-istoricheskogo razvitiya chelovechestva [Volition as a result of social-historical development of humanity]. Psikhologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii Zhurnal], 2012. V. 33. № 3. P. 111–121. (In Russ.).
- Ivannikov V.A., Shlyapnikov V.N.* Osobennosti volevoj reguljatsii u predstavitelej raznykh jetnokul'turnykh grupp [Features of volitional regulation among representatives of different ethnocultural groups]. Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia), 2019. V. 12. № 1. P. 70–84. doi:10.17759/exppsy.2019120106. (In Russ.).
- Ivannikov V.A., Eidman E.V.* Struktura volevykh kachestv po dannym samootsenki [Structure of volitional qualities according to self-assessment data]. Psikhologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii Zhurnal], 1990. V. 11. № 3. P. 39–49. (In Russ.).
- Ivannikov V. A., Gusev A. N., Barbanov D. D.* Svyaz' osmyslennosti zhizni i sposoba kontrolya za deistviem s samootsenkami studentami volevykh kachestv [Meaningfulness and action orientation as predictors of self-control and willpower traits]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologija [Moscow University Psychology Bulletin], 2019. № 2. P. 27–44. (In Russ.).
- Ivannikov V.A., Barabanov D.D., Monroz A.V., Shlyapnikov V.N., Eidman E.V.* Mesto ponyatiya «volya» v sovremennoi psikhologii [The role of the notion of will in contemporary psychology]. Voprosy psikhologii [Voprosy Psikhologii], 2014. № 2. P. 15–23. (In Russ.).
- Il'in E.P.* Psikhologiya voli [The Psychology of Volition]. Saint-Peterburg: Publ. Piter, 2000. 288 p. (In Russ.).
- Karandashev V.N.* Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennosti lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo [The Schwartz Value Survey for the study of personality values: concept and methodological guidance]. Saint-Peterburg: Publ. Rech', 2004. 70 p. (In Russ.).
- Leont'ev D.A.* Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO) [Purpose-in-life test]. Moscow: Publ. Smysl, 2000. 18 p. (In Russ.).
- Leont'ev D.A.* Tri grani smysla [Three facets of meaning]. In Vojskunnii A.E. (eds.), Traditsii i perspektivy deyatel'nostnogo podkhoda v psikhologii: shkola A.N. Leont'eva [Traditions and prospects of the activity approach in psychology: A.N. Leontiev's school]. Moscow: Publ. Smysl, 1999. P. 299–331. (In Russ.).
- Nepomnyashchaya N.I., Kanevskaya M.E., Pakhomova O.N., Bartsalakina V.V., Rubtsova S.N., Muze E.N.* Tsennost' kak tsentral'nyi komponent psikhologicheskoi struktury lichnosti [Value as a central component of the psychological structure of personality]. Voprosy psikhologii [Voprosy Psikhologii], 1980. № 1. P. 103–111. (In Russ.).
- Reiting Rossiiskikh regionov po kachestvu zhizni – 2017 [Elektronnyi resurs] [Rating of Russian regions on quality of life]. MIA Rossiya segodnya [Russia Today],

2017. URL:<https://ria.ru/infografika/20180214/1514552265.html> (Accessed 30.06.2020). (In Russ.).
- Smirnova E.O.* K probleme voli i proizvod'nosti v kul'turno-istoricheskoy psikhologii [On the Problem of Will and Self-Regulation in Cultural-Historical Psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. V. 11. № 3. P. 9–15. doi:10.17759/chp.2015110302 (In Russ., abstr. in Engl.).
- Shapkin S.A.* Eksperimental'noe izuchenie volevykh protsessov [Experimental study of volitional processes]. Moscow: Publ. Smysl, 1997. 140 p. (In Russ.).
- Shlyapnikov V.N.* Uroki zarubezhnoi psikhologii voli [Lessons from foreign psychology of volition]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya [Actual problems of psychological knowledge]*, 2019. № 3–4. P. 83–92. (In Russ.).
- Shlyapnikov V.N.* Vzaimosvjaz' pokazatelej sostojanija volevoj reguljaciji i jetnicheskoy identichnosti [Relationship between Volitional Regulation and Ethnic Identity]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. V. 15. № 3. P. 83–90. doi:10.17759/chp.2019150309 (In Russ., abstr. in Engl.).
- Shlyapnikov V.N.* Osobennosti volevoi reguljatsii u kabardintsev, komi, tuvintsev i russkikh [Features of Volitional Regulation of Kabardians, Komi, Tuvinians and Russians]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2018. V. 11. № 4. P. 107–115. doi:10.17759/exppsy.2018110409 (In Russ., Abstr. in Engl.).
- Baumann N., Kazén M., Quirin M., Koole S.L.* Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition. Göttingen: Hogrefe Publ., 2018. 433 p.
- Haggard P., Eitam B.* (Eds.) *The Sense of Agency*. New York: Oxford University Press, 2015. 448 p.
- Mischel W. et al.* Willpower over the life span: decomposing self-regulation. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2011. V. 6(2). P. 252–256.
- Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*, 1992. V. 25. P. 1–65.
- Schwartz S.H.* An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2012. V. 2(1). doi:10.9707/2307-0919.1116
- Schwartz S.H.* National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance. *Handbook of the Economics of Art and Culture*. V. 2. Elsevier B.V., 2014. P. 547–586. DOI:10.1016/B978-0-444-53776-8.00020-9
- Zhu J.* Understanding of volition. *Philosophical psychology*, 2004. V. 17 (2). P. 247–273.

Информация об авторах

Шляпников Владимир Николаевич, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности и дифференциальной психологии, Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

Information about the authors

Vladimir N. Shlyapnikov, Ph.D. in Psychology, Head of the Department of Personality and Individual Differences, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

Получена: 22.08.2022

Принята в печать: 30.09.2022

Received: 22.08.2022

Accepted: 30.09.2022

ЭСКАПИЗМ КАК ФАКТОР И СТРАТЕГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Т. Н. САВЧЕНКО ^a, О. И. ТЕСЛАВСКАЯ ^{a,b}

^aИнститут психологии Российской академии наук, г. Москва, Россия

^bГосударственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия

В статье рассматривается эскапизм в его конструктивных (адаптивных) и деструктивных (дезадаптивных) формах как фактор формирования адаптационного потенциала личности. Проанализировано понятие адаптации в современной психологической науке, ее уровни, различные классификации ее типов и форм. Особый акцент сделан на рассмотрении психологической адаптации с позиций системного и полисистемного подхода, в рамках которого предлагается рассмотрение функциональных, структурных и динамических аспектов адаптации в их взаимосвязи. Основная функция психологической адаптации заключается в разрешении метасистемных противоречий и несоответствий в ее функционировании как системы по законам более широкой, «внешней» метасистемы, компонентом которой она является, или внутрисистемных противоречий, т. е. рассогласовании компонентов внутри самой системы, которой она и является. Выделяется три основных подструктуры адаптации: иерархическая (физиологический, психофизиологический, психологический, социально психологический уровни рассмотрения); координатная; общие, особенные и индивидуальные характеристики процесса. При рассмотрении факторов детерминант адаптации и дезадаптации особенно выделяются устойчивость эмоционального фона и внутренняя и внешняя сбалансированность системы ценностей субъекта. Эскапизм (бегство/уход от реальности) рассматривается как один из факторов и стратегий адаптивного процесса. В соответствии с уровнями иерархической структуры адаптации выделены различные подходы к понятию «эскапизм»: процессуальный (когнитивно, внутрилично, мотивационно); функциональный (в личностно и социально психологическом измерении); функционально деятельностный. Уточнено определение эскапизма как деятельности компенсаторного характера, направленной на минимизацию или устранение внутрисистемных и межсистемных рассогласований, которая реализуется путем погружения в альтернативное психологическое пространство. Поставлены вопросы о соотношении эскапизма и механизмов психологической защиты совладания, деструктивных и конструктивных самопроцессов в его структуре, адаптивном и дезадаптивном характере различных форм эскапистской деятельности.

Ключевые слова: адаптация, эскапизм, полисистемный подход, стратегии совладания, внутренний конфликт, ценности, субъективное качество жизни, самосознание.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке Российского Научного Фонда (Заявка № 22 28 01774).

Для цитаты: *Савченко Т. Н., Теславская О. И.* Эскапизм как фактор и стратегия психологической адаптации личности // *Познание и переживание*. 2022. Т. 3. № 3. С. 38—63. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_03.

Для контактов: Теславская Оксана Игоревна, teslavskaia@gmail.com

ESCAPISM AS A FACTOR AND STRATEGY OF PSYCHOLOGICAL ADAPTATION

TATIANA N. SAVCHENKO ^a, OXANA I. TESLAVSKAIA ^{a,b}

^a Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

The article discusses the concept of adaptation in modern psychological science, its levels, various classifications of its types and forms. Particular emphasis is placed on the consideration of psychological adaptation from the standpoint of a systemic and polysystemic approach, within which it is proposed to consider the functional, structural and dynamic aspects of adaptation in their relationship. The main function of psychological adaptation is to resolve metasystemic contradictions and inconsistencies in the functioning of adaptation as a system according to the laws of a wider, “external” metasytem, of which it is a component, or intrasystemic contradictions, i.e. mismatch of components within the system itself, which it is. There are three main substructures of adaptation: hierarchical (physiological, psychophysiological, psychological, socio-psychological levels of consideration); coordination; general, special and individual characteristics of the process. When considering the determinants of adaptation and maladjustment, the stability of the emotional background and the internal and external balance of the subject’s value system are highlighted. Escapism (escape/avoidance from reality) is considered as both one of the key determinants and strategies of the adaptive process. In accordance with the levels of the hierarchical structure of adaptation, various approaches to the concept of «escapism» are distinguished: procedural (cognitive, intrapersonal, motivational), functional (in the personal and socio-psychological dimension), functional and activity. The definition of escapism has been clarified as an activity of a compensatory nature, aimed at minimizing or eliminating intra-system and inter-system mismatches, which is realized by immersion in an alternative psychological space. Questions have been raised about the relationship between escapism and the mechanisms of psychological defense coping, destructive and constructive self-processes in its structure, the adaptive and maladaptive nature of various forms of escapist activity.

Keywords: adaptation, escapism, polysystemic approach, coping strategies, internal conflict, values, subjective quality of life, self concept.

Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation (№ 22-28-01774).

For citation: *Savchenko T. N., Teslavskaia O. I.* Escapism as a factor and strategy of psychological adaptation // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2022. V. 3. № 3. P. 38—63. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_03 (in Russ).

Corresponding author: Oxana I. Teslavskaia, teslavskaia@gmail.com

Введение

Адаптация рассматривается как единый биопсихосоциальный механизм, который с помощью процессов саморегуляции обеспечивает целостность организма, его гомеостаз, эффективность его деятельности. Адаптированного человека отличает высокая продуктивность его деятельности, в первую очередь профессиональной, общая удовлетворенность жизнью и психическое равновесие, успешность в разрешении глубинных внутренних противоречий, конструктивные отношения с социальным окружением и благоприятное протекание эмоциональных процессов. Положительные итоги адаптивного процесса приводят личность к оптимальному соотношению целей и ценностей личности и среды, реализации ее внутриличностного потенциала в конкретных условиях жизнедеятельности.

Важнейшим фактором, определяющим успешность адаптации (и дезадаптации) личности, выступает ее способность эффективно разрешать трудные жизненные ситуации и находить оптимальные способы минимизации внутренних и внешних противоречий. Одним из глобальных способов приведения в равновесие как различных внутренних психических структур и систем субъекта, так и гармонизации отношений в системе «человек мир» является эскапизм. Спектр его форм варьируется от условно «нормативных» (фантазирование, чтение, прослушивание музыки, просмотр телевизора, путешествия и др.), до более «спорных» с точки зрения их пользы (уход в миноритарные субкультуры и секты, дауншифтинг, номадизм, смена партнера, занятий, профессиональных ролей) и деструктивных (экстремальные увлечения, трудовголизм, чрезмерное использование интернета, употребление ПАВ, азартные игры, нарушения пищевого поведения, суицидальное поведение). Изучение эскапизма как высшего регуляторно поведенческого механизма и его деятельностных форм в конечном счете позволит увеличить возможности его прогнозирования и контроля, а, следовательно, обеспечить повышение адаптационного потенциала субъекта.

Целью данной статьи является анализ эскапизма и его конструктивных (адаптивных) и деструктивных (дезадаптивных) форм как фактора формирования адаптационного потенциала личности.

Понятие адаптации в современной психологической науке

Понятие «адаптация» перешло в социальные науки из биологических в силу существующих проблем, связанных с организацией жизнедеятельности человека в социуме. Целым рядом российских ученых ведутся исследования адаптации, ее функциональных, структурных, динамических аспектов, детерминант, механизмов и стратегий. Разработаны методологические и теоретические основания исследований адаптации и дезадаптивных форм поведения (Березин, 1988; Петровский, 1996; Дикая, 1996; Александровский, 1997; Менделевич, 1996; Налчалджян, 1998; Беличева, 2001; Ромм, 2002; Медведев, 2003; Реан, 2004; Журавлев, Купрейченко, 2007; Бодров, 2007; Яницкий, Портнова, Богомолов, 2007,

и др.), в т.ч. в соотношении с другими психологическими понятиями (Журавлев, Купрейченко, 2007); изучены ее социально психологические аспекты (Журавлев, Купрейченко, 2007; Зараковский, Казакова, 2007; Прохоров, 2007, и др.), личностные детерминанты (Березин, 1988; Сергиенко, 2007; Посохова, 2007; Удачина, Квасовец, Стерлигова, 2007; Ребеко, 2007, и др.), факторы адаптации к профессиональной деятельности (Завалишина, 2007; Ермолаева, 2007 и др.), в т.ч. в экстремальных условиях (Береговой, Жданов, 1992; Крылова, Дикая, 2007; Лазебная, 2007, и др.).

Значительное число исследователей адаптации человека предлагает полностью отказаться от использования термина «приспособление», но в их определениях все таки присутствует неизбежное для адаптации изменение субъекта или перестройка структуры гомеостатического саморегулирования в соответствии с требованиями среды. Современные исследования адаптации неизбежно включают изучение взаимодействия субъекта и социальной среды с акцентом на его значимости и помещают сознание и деятельность индивида в общественное пространство, рассматривая их с точки зрения общественной пользы (Журавлев, Купрейченко, 2007). Наиболее полным представляется определение адаптации как «процесса установления оптимального соответствия личности и окружающей среды в ходе осуществления жизнедеятельности человека, позволяющего удовлетворить актуальные потребности и реализовать связанные с ним значимые цели» (Березин, 1988, С.4). Более емкое определение с точки зрения основных индикаторов успешной адаптации – процесс достижения «такого взаимоотношения личности и группы, когда личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность, удовлетворяет свои основные социальные потребности; в полной мере идет навстречу ролевым ожиданиям эталонной группы, переживает состояния самоутверждения, свободного выражения творческих способностей» (Налчаджян, 2009, С. 26–27).

Одни авторы считают, что человек всегда находится в процессе адаптации, другие же полагают, что личность «начинает осуществлять адаптивные процессы в тех случаях, когда оказывается в проблемных ситуациях (а не только при переживании конфликтных ситуаций)», т.е. процессы личностной адаптации имеют место в случае изменения социальных условий жизни человека таким образом, что привычное поведение оказывается невозможным или малоэффективным. В частности, С.А. Шапкин и Л.Г. Дикая (1996) считают, что процесс адаптации представляет собой активное формирование стратегий совладания со стрессогенной ситуацией посредством механизмов разных уровней регуляции. Проблема общей адаптации, таким образом, при обретает более специфический характер и трансформируется в проблемы эффективности отдельных защитных механизмов, стратегий совладающего поведения (копинг стратегий) и защитно адаптивных комплексов (Налчаджян, 2009), предназначение которых заключается в том, чтобы помочь личности справиться с угрозой, адаптироваться к требованиям ситуации, поддерживать физическое и психическое здоровье и удовлетворенность социальными отношениями.

Типы, уровни, формы психологической адаптации

Классификации психологических механизмов адаптации построены на различных основаниях, что нередко затрудняет сопоставление результатов исследований. Разными авторами выделяются следующие виды, типы и формы адаптации и дезадаптации: психофизиологическая, психическая, социально психологическая (Березин, 1988); природная и адаптация к социальной среде (Петровский, 1996); превентивная, стабилизационная, социально обусловленная и личностно обусловленная (Медведев, 2003); радикальная, гиперадаптация, гармоническая, конформистская, девиантная, дезадаптация (Змановская, 2004); принудительная, встречная, ресурсная, фоновая (Ромм, 2002); устойчивая и неустойчивая (Куликов, 2004); адаптивные стратегии самораскрытия личности и стратегии самосохранения личности (Посохова, 2007); прогрессивная (совпадает с направлением развития личности) и регрессивная («обходной» адаптивный путь через регрессивный механизм) (Дикая, 2007); нормальная, девиантная, неконформистская, патологическая; путем преобразования проблемной ситуации (с опорой на сознательно принятое решение) и путем сохранения проблемной ситуации (актуализация психологических защит) (Налчаджян, 2009); волевая, рефлексивная, конструктивная и капитулятивная (Береговой, Жданов, 1992).

Выделяются как детерминанты успешной адаптации, так и конкретные дезадаптивные поведенческие формы: внешняя (конфликтность личности, неудовлетворенность отношениями с социумом, противостояние, изоляция, неадекватность мотивации, невозможность установить дружеские связи) и внутриличностная (неудовлетворенность собой, отсутствие самоконтроля, саморазрушение, блокировка личностного роста) (Менделевич, 2001); социально пассивная, патогенная, психосоциальная, асоциальная дезадаптация (Беличева, 1993).

А.А. Реан полагает, что при выборе стратегии адаптации личность оценивает требования социальной среды, собственный потенциал в плане самозменения и психофизиологические затраты на адаптацию. Им предложена интегральная типологическая модель адаптации в зависимости от внешних (соответствие поведения требованиям общества, степень конфликтности и социальности поведения) и внутренних (психоэмоциональной стабильности, комфортом, удовлетворенностью, отсутствием переживания угрозы) критериев, в противовес критерию «активный пассивный» (поскольку даже приспособление предполагает минимальную активность). А.А.Реан выделяет четыре общих типа адаптации: 1), 2) Im (Imaginaru – «мнимый») – неполная, односторонняя адаптация либо по внешнему, либо по внутреннему критерию; 3) Re адаптация (Real – «действительная») – системная, полная адаптация по обоим критериям; 4) Дезадаптация (отсутствие адаптации по обоим критериям) (Реан, 2004).

Адаптация с позиций системного и полисистемного подходов

Сложность и междисциплинарный характер проблемы психической адаптации обуславливают необходимость применения процедур системного анализа и рассмотрение функциональных, структурных и динамических аспектов адаптации в их взаимосвязи. В системном подходе можно выделить три основных подструктуры адаптации: 1) иерархическая, включающая характеристики каждого из четырех уровней организации состояния: физиологический (нейрофизиологические характеристики, морфологические и биохимические изменения, сдвиги физиологических функций); психофизиологический (вегетативные реакции, изменения психомоторики, сенсорики); психологический (изменения психических функций и настроения); социально психологический (характеристики поведения, деятельности и отношения); 2) координационная (характеристики, полученные объективными методами исследования и субъективные данные о чувствах и переживаниях субъекта); 3) общие (универсальные характеристики процесса адаптации), особенные и индивидуальные (специфика адаптивных процессов отдельного субъекта) характеристики процесса. Данная структурная схема системного подхода к изучению адаптации просматривается в большинстве работ по исследованию конкретных форм психической адаптации. Можно сказать, что такое понимание психической адаптации включает все известное многообразие определений функций адаптации: приспособительной, интегрирующей, организующей, регуляторной, уравнивающей и/или дезорганизующей ориентирования в социальной среде и т. д.

Для описания адаптивных процессов наиболее перспективен полисистемный подход (Б.Ф. Ломов, Д.Н. Завалишина, В.А. Барабанщиков), поскольку адаптация проявляется в разрешении метасистемных противоречий между ее системой и законами более широкой системы или во внутрисистемных противоречиях и рассогласовании компонентов внутри самой системы. Противоречия, созревающие внутри системы, являются ответом на давление «извне», и, наоборот, внутренние противоречия инициируют перестройку внешних связей системы, выводящих ее на новое место в контексте более широкой системы и тем самым на новый виток развития. При этом Ю.А. Александровский полагает, что возникновение состояния дезадаптации возможно только при нарушении функциональных возможностей всей системы, и важно выделить такую подсистему, которая бы обладала совокупностью существенных свойств глобальной системы (Александровский, 1997). Такой подсистемой, выполняющей также и функцию связующего звена между психическими процессами и жизненной средой, является личность. Если процессы преимущественно реализуют функцию отражения состояния – функцию регулирования; свойства личности, объединенные актуальным или реальным «Я» – функцию высшего интегратора психической адаптации, включая дифференциацию, регулирование и отражение, то адаптация отражает процесс взаимосвязи функций психических процессов и свойств личности: их периодичность, изменчивость,

интенсивность. Психическое состояние человека и его отношение к самому себе и окружающей реальности (уровень сознания и самосознания) – характеристики, детерминирующие адаптационный процесс (Дикая, 2007).

Функции самосознания во многом перекликаются с функциями ценностных ориентаций, которые детерминируют регулирующую, целеполагающую и интегрирующую функцию сознания. Ценностная среда является полем проявления как сознания, так и самосознания; она «обнажает» незримую личность и становится неотъемлемой частью сознания, движущим фактором, который обеспечивает личности возможность изменяться, преобразовывать свое «Я», свое бытие, репрезентирует «границы» ее самосознания, а также вектор ее будущего преобразования и развития. Самосознание личности развивается одновременно и взаимозависимо с компонентами ценностных ориентаций. Оно «выпрямляет» когнитивные компоненты «образа Я», подстраивая их к уровню высших ценностных ориентаций. В практической жизни личности, определяя иерархию ценностных ориентаций, можно проследить и развитие структурных компонентов самосознания, что позволяет некоторым исследователям включать ведущие жизненные смыслы в структуру Я концепции (Молчанова, 2011). Адаптация, наряду с социализацией и индивидуализацией – ключевой процесс, определяющий формирование ценностей личности, а ценности выступают одним из факторов адаптационного потенциала. Социальные системы ценностей могут быть как помехой адаптации, так и способствовать ей (Дикая, 2007).

Процесс адаптации стадиялен и имеет ряд этапов: 1) первичная реакция (слабая ориентация в ситуации, отсутствие достаточных ресурсов для овладения; наблюдается спонтанное либо реактивное поведение, в противовес активной целенаправленной деятельности; яркая эмоциональная реакция, сигнализирующая о нарушении внутрисистемного либо межсистемного равновесия); 2) ориентировочная деятельность (оценка ситуации и приобретение знаний для ее разрешения); 3) внутренняя переработка и осмысление (сознательный выбор верной стратегии поведения для построения новой системы взаимодействия); 4) действия по преобразованию исходной ситуации; 5) продуктивное внутри/межсистемное взаимодействие и достижение состояния адаптированности (Мельникова, 1998). При этом имеются эмпирические данные о том, что в затруднительных ситуациях жизненных перемен, требующих оперативной личностной перестройки, происходит изменение образа Я и личности, созвучное общему ходу адаптивного процесса. Оно включает: 1) изменение отношения к себе; 2) разрушение образа Я («утрата себя») и дестабилизацию личности; 3) перестройку образа Я; 4) «обретение себя», изменение личности и последующую оптимизацию психического состояния (Карцева, 1989).

Факторы-детерминанты и индикаторы адаптации и дезадаптации

Классификации показателей, как и типов адаптации, могут охватывать уровень психической адаптации, психологической и социально психологической, либо все уровни сразу, а также выходить за их пределы; акцентиро

ваться на личностных либо средовых детерминантах показателей адаптации, либо рассматривать их в совокупности, а также в целом осуществляться по смешанным основаниям. Например, М.В. Ромм (2002) перечисляет целый ряд глобальных барьеров, тормозящих психологическую адаптацию: возрастные, эмоционально психологические, мировоззренческие, знаковые, тезаурусные, контрсуггестивные, ситуативные, национально культурные, режимные, временные. Следует сказать и о том, что одни исследователи исходят из парадигмы «психологии здоровья» и склонны анализировать индикаторы детерминанты успешной адаптации, в то время как другие сосредотачиваются на факторах и показателях дезадаптивного поведения. В целом Ж. Годфруа (1992) выделены медицинские критерии дезадаптации (эмоциональные расстройства и клинические проявления) и немедицинские, когда при отсутствии явных эмоциональных нарушений личность не может преодолеть стресс, уходит в себя и разрывает нормальные отношения с другими. Не претендуя на полноту охвата всех имеющихся в научной литературе критериев психологической адаптации, попробуем выделить основные из них на психологическом и социально психологическом уровне рассмотрения адаптивной подсистемы.

В качестве показателей психической дезадаптации М.Е. Бачериков (1995) выделяет проблемы в эмоциональной (снижение или неустойчивость настроения, раздражительность, обидчивость) и когнитивной сфере (негативное мышление, склонность к искаженным трактовкам ситуации, образование сверхценных суждений, которые приводят к поведенческим нарушениям). С точки зрения Н.Н. Мельниковой (1998), наиболее весомым показателем уровня психической адаптации является эмоциональный комфорт и стабильность, уравновешенность, устойчивое позитивное отношение к ситуации. В.В. Гриценко (2002) отмечает, что наиболее важным признаком адаптированности является эмоциональная удовлетворенность в различных жизненных сферах. Аналогичным образом Д.В. Менделевич (2001) полагает, что главным признаком дезадаптации является эмоциональная неуравновешенность, в то время как адаптированную личность на психическом уровне отличает гармония взаимоотношений с собой и окружающими, критический подход к обстоятельствам жизни, а на социально психологическом – самокоррекция поведения в соответствии с нормами, типичными для разных коллективов, и самоутверждение без ущерба для окружающих (Менделевич, 2001).

Наиболее общепринятые личностные детерминанты показатели уровня социально психологической адаптации личности – принятие себя, принятие других, интернальность/экстернальность, эмоциональный комфорт, стремление к доминированию, эскапизм – объединены в методике оценки соответствующего показателя К. Роджерса и Р. Даймонд (см. Осницкий, 2004) и успешно применяются в ряде эмпирических исследований (см. напр. Миллер, 2007; Теславская, Савченко, 2019 и др.). В частности, адаптированность на межгрупповом уровне, с точки зрения Л.В. Миллер (2007), характеризуется

совокупностью субъектно-средовых показателей: социальным самочувствием (показатели интернальности, самопринятия и принятия других, эмоционального комфорта методики К. Роджерса, Р. Даймонд), отсутствием эскапизма (та же методика); интеграцией и успешным взаимодействием с социальной средой; положительной оценкой влияния на адаптацию внешних обстоятельств, оптимизмом; наличием работы и удовлетворенностью ею. При этом отечественными учеными выделяются и другие критерии. В частности, А.А. Налчаджян (2009), как уже выше упоминалось в его определении самого процесса социально-психологической адаптации, полагает, что адаптированность состоит в отсутствии длительных внешних и внутренних конфликтов при выполнении личностью ведущей деятельности, успешное удовлетворение ею своих потребностей, соответствие ролевым ожиданиям референтной группы, преобладание позитивных внутриличностных процессов – самоутверждения и самореализации в значимой для себя сфере. А.А. Реан (2004) говорит о том, что для успешной адаптации важен учет требований социальной среды, направленность на решение проблемы, четкое представление о цели, общая осознанность поведения.

Особого внимания заслуживают многочисленные упоминания о роли в социально-психологической адаптации оптимального соотношения ценностей личности и окружающего ее социума. Д.А. Леонтьев (1996) считает согласованность ценностей индивида и социальной группы, к которой он принадлежит, ключевым критерием адаптации (Леонтьев, 1996). Г. Матулене (2002) среди прочих показателей (мотивация и внутренняя удовлетворенность деятельностью; успешное межличностное общение; стресс и перенапряжение в ведущей деятельности (отсутствие); баланс между требованиями ситуации и личностными ресурсами) упоминает о факторе соответствия ценностей деятельности ценностям выполняющего ее субъекта (способностью данные требования выполнять). Е.П. Белинская и О.А. Тихомандрицкая полагают, что факторами показателями адаптивного поведения служат умение находить баланс между своими ценностями и социальной ролью, умение ориентироваться не на конкретные социальные требования, а на принятие универсальной системы ценностей, а также способность к изменению своих ценностных ориентаций и Я-концепции (Белинская, Тихомандрицкая, 2001).

Эскапизм как фактор психологической адаптации личности

Глобальные внешние и внутренние противоречия, в первую очередь, несоответствие реальных и желаемых ценностных структур как в сознании индивида, так и в системе отношений субъект-окружение могут привести личность к выбору стратегии ухода от реальности, или эскапизму. Эскапизм (англ. *escapism* – «бегство от жизни», русский аналог – «уход от реальности») в самом общем виде означает «стремление личности уйти из реального мира в более радостный или безопасный». Трудности в его изучении обусловлены общим многоо

бразием подходов в гуманитарных науках, многоуровневостью, многоаспектностью данного явления и чрезвычайной вариативностью его деятельностных форм. Тем не менее, прикладываются усилия к всестороннему анализу данного понятия (См. напр. Savchenko, Olkina, 2016; Теславская, Кардапольцева, Беловол, Савченко, 2017; Савченко, Теславская, 2021, и др.). Можно обозначить несколько основных подходов, которые раскрывают данное явление на различных уровнях, созвучных выделенным ранее психическому, психологическому и социально психологическому уровням подсистемы адаптации и являются взаимодополняемыми.

На психическом уровне можно выделить когнитивно процессуальный подход, в котором уход от реальности по сути приравнивается к психическому процессу воображения/фантазирования компенсаторного характера. Здесь необходимо пояснить, что подавляющим большинством исследователей (Рубинштейн, 1935; Беркинблит, Петровский, 1968; Додонов, 1978; Короленко, Фролова, 1979; Натадзе, 1972; Налчаджян, 2010; и др.) обычно выделяются два противоположных вида воображения – пассивное и активное, которые различаются по степени проявления волевых усилий и степени активности, осознанности мечтающего субъекта. Однако при изучении эскапизма в форме фантазирования позитивная, творческая сторона воображения обычно не учитывается; данному явлению приписывается исключительно функция компенсации неудовлетворенных в реальной жизни качеств и недостающих субъекту личностных качеств и свойств.

На психологическом уровне можно выделить три подхода:

1) внутриличностно процессуальный: эскапизм изучается на внутрисистемном уровне и предстает как бегство от себя, точнее, от негативных эмоций, возникающих при неудаче или несоответствии личности своим собственным завышенным стандартам (Vaumeister, 1990, 1991a, b). В рамках данного подхода поднимается вопрос о соотношении эскапизма и прочих дезадаптивных самопроцессов (самоизбегание, самоотвращение, самообвинение, самофокусировка, самоповреждение и др.), а также наличие в структуре данного феномена специфических состояний сознания – «когнитивная деконструкция (когнитивное сужение), расторможенность, явления диссоциативного круга («отлет от реальности», «саморасщепление», «утра идентичности»);

2) мотивационно процессуальный – эскапизм рассматривается как мотив к осуществлению одного вида активности с целью избегания другой, сопряженной с необходимостью разрешать накопленные жизненные противоречия и переживать негативные эмоции (Stenseng, 2009). Отмечается, что за счет активного внимания к интересной деятельности, сопровождаемого когнитивной поглощенностью, потоковыми состояниями, временной диссоциацией и утратой чувства «Я», способствовать переживанию когнитивного сужения (описанного в первом подходе) могут многие виды обычных увлечений. Вместе эти психологические переживания работают в направлении того, чтобы человек смог отвлечься от себя, и этот процесс является нормативным. Результаты серии исследований выявили взаимосвязь самоподавления с неблагоприятным,

сниженной эмоциональной саморегуляцией и подверженностью депрессивному расстройству, а самораскрытия – с субъективной удовлетворенностью жизнью, таким образом эмпирически подтвердив наличие двух форм эскапизма (Stenseng, Rise, Kraft, 2011);

3) функциональный (Lazarus, Folkman, 1984; Naan, 1977; Vaillant, 2005 и др.). Здесь эскапизм рассматривается как частная копинг стратегия (защита) бегства/ухода/избегания; как группа эмоционально ориентированных стратегий совладания или как сложная иерархическая система механизмов психологической защиты и копинг механизмов (метакопинг, защитный адаптивный комплекс), предназначенных для сохранения оптимального уровня жизнедеятельности и самочувствия личности в ситуациях стресса. Соглашаясь с тем, что функционально эскапизм может быть охарактеризован как метакопинг, направленный на разрешение личностью трудных жизненных ситуаций с целью повышения ее уровня психологической адаптации, не можем не отметить, что задача по соотношению эскапизма с отдельными видами психологических защит, механизмов и метамеханизмов совладания оказывается архисложной, поскольку уже два десятилетия назад отдельных видов защит и копингов (без учета их возможных сочетаний и сплавов) насчитывалось более 400 (Skinner et al., 2003), и все их классификации в различных методиках диагностики копинг механизмов являются смешанными. В частности, в опроснике совладания со стрессом COPE (Carver, Scheier, Weintraub, 1989) выделяются шкалы мысленного (F2) и поведенческого (F9) ухода наравне с такими дезадаптивными стратегиями, как использование «успокоительных» (F12) и обращение к религии (F7). На наш взгляд, такое разведение не совсем корректно, поскольку, во первых, эти стратегии также являются формами ухода от реальности, а, во вторых, едва ли корректно ставить в один ряд с точки зрения их адаптивных возможностей.

Другой пример – наиболее интересующее нас в данном контексте явление диссоциации включает в себя ряд защит: отрицание, подавление, репрессию, вытеснение, замещение, изоляцию аффекта, являясь своего рода метазащитой II порядка (Коган, Семина, 2010). В таком случае эскапизм – это мета стратегия III порядка, включающая, как минимум, весь спектр диссоциативных явлений (и дереализацию, как «отлет от реальности», и деперсонализацию, как «отлет от себя»), а также компенсаторные механизмы, позволяющие личности конструировать как альтернативные психологические пространства, так и альтернативные образы «Я». Самым ярким примером может служить участие в ролевых играх онлайн и живого действия, когда у игроков одновременно присутствует возможность погружения в вымышленные и виртуальные среды и создания воображаемого образа «Я» в виде своего игрового персонажа, который будет обладать теми качествами, способностями и предметами, которых недостает игроку в реальной жизни. Одновременно с этим происходит и компенсация негативных переживаний, вызвавших исходные рассогласования, позитивными, «потокowymi».

Наконец, на социально психологическом уровне эскапизм также может пониматься двояко: также функционально, но более широко, с учетом микро и макросоциального измерения, как способ взаимодействия с миром в виде ухода (избегания) не только от внутрисистемных, но и межличностных, межгрупповых конфликтов в ряду прочих глобальных способов взаимодействия человека с социальными системами (болезненное противостояние, противодействие, конкуренция, доминирование, борьба и др.) (Thomas, Kilmann, 1974; Налчаджян, 1988; Менделевич, 1996; Гришина, 2008 и др.), вплоть до того, что уход от реальности можно считать глобальной стратегией жизни субъекта. Второй вариант – функционально деятельностный («избегающее поведение», «поведенческий уход», «хобби реакция») подход, при котором эскапизмом можно называть деятельность компенсаторного характера, направленную на минимизацию или устранение внутрисистемных и межсистемных рассогласований, в первую очередь, ценностных структур, которая реализуется путем погружения в альтернативное психологическое пространство, в т.ч. виртуальное. Психологическое пространство определяется как сформированная субъектом система позитивно или негативно значимых социальных объектов или явлений (включая его самого), занимающих конкретные позиции в структуре, находящихся в определенных связях друг с другом и выполняющих некоторые функции или роли в соответствии с определенными нормами, правилами, стандартами и закономерностями. Оно охватывает как объективные пространственно временные координаты, так и субъективные (значение, смысл, ценность), и для субъекта является сильно эмоционально заряженным (Журавлев, Купрейченко, 2007). Акцент на рассогласовании реальных и желаемых ценностных структур (Савченко, Головина, 2006) приводит к наиболее тяжелым эмоциональным последствиям для личности, хотя, безусловно, дисбаланс может возникать и между дугими подструктурами и системами. Гипотеза о взаимодетерминированности субъективного качества жизни и эскапизма подтверждена на репрезентативной российской выборке интернет пользователей: чрезмерные эскаписты отличаются сниженным уровнем СКЖ в целом, внешнесоциальной устройности (стабильная обстановка в стране, экология, уверенность в завтрашнем дне) и рядом показателей, характеризующих психологическое (внутренняя гармония, уверенность в себе, свобода от внутренних противоречий, личное пространство), соматическое (здоровье, активная жизнь) и социальное (социальное признание, интересная работа) благополучие личности (Теславская, Савченко, 2019).

Наконец, следует подчеркнуть, что для конструктивности (деструктивности) протекания адаптивного процесса одинаковое значение имеет как мотивация эскапизма, так и его содержание. Едва ли повседневные популярные увлечения – такие, как поездка в отпуск после усердного рабочего периода, прослушивание классической музыки, поход в музей или театр и др. – могут быть дезадаптивными. Как было показано в работе (Теславская, Савченко, 2019), «нормативный» эскапизм, хотя и сопровождается некоторой долей

самоподавления, тем не менее, обладает существенно большим потенциалом с точки зрения самораскрытия, т.е. по своей сути является более адаптивным, нежели «реализм», при котором уровень самораскрытия наиболее низкий (Рис. 1). Кроме того, при «чрезмерном» эскапизме наблюдается высокий уровень самораскрытия, что напоминает о вечной проблеме гениальных людей, в которых эти противоположные самопроцессы выражены в высокой мере и парадоксальным образом сочетаются, что несет отпечаток на личности и ее творчестве.

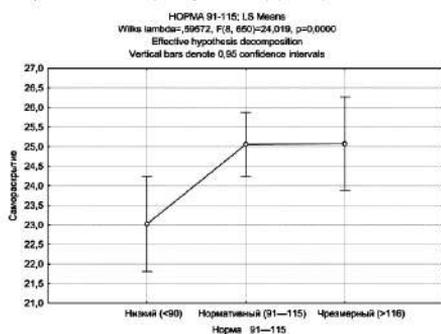

Рис. 1. Различия между респондентами с низким, средним и высоким уровнем эскапизма по показателю уровня самораскрытия

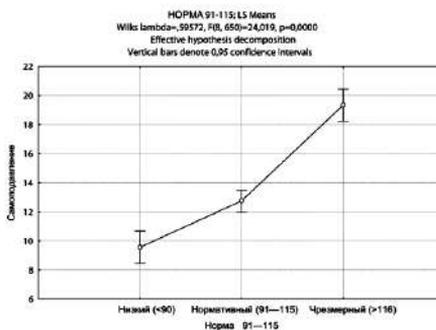

Рис. 2. Различия между респондентами с низким, средним и высоким уровнем эскапизма по показателю уровня самоподавления

Рис. 1. Различия между респондентами с низким, средним и высоким уровнем эскапизма по показателям самораскрытия и самоподавления (329 чел., возраст 18-52 г.)

С другой стороны, эскапистская деятельность вполне может казаться адаптивной по своей внешней форме (например, учеба или труд), сопровождаться позитивными, «потокowymi» переживаниями и состояниями (чтение увлекательной книги, медитация и др.), облегчающими внутрисистемные и межсистемные противоречия. Тем не менее, если эти «безобидные» формы эскапизма будут способствовать лишь откладыванию либо временному, а не реальному разрешению наличных расхождений, это может усугублять ситуацию, что в итоге может привести к откровенно деструктивному бегству от реальности. Это поднимает вопрос о «темной стороне хобби» (Stenseng, Rise, Craft, 2011), когда чрезмерная увлеченность деятельностью может приводить к тяжелым последствиям для личности. Так, результаты исследований последовательно доказывают, что мотивация бегства избегания реальности при осуществлении видеогейминга выступает мощным дезадаптивным фактором (Kwon, Jung Suk, Lee, 2009; Hagström, Kaldo, 2014; Kirby et al., 2015; Kim et al., 2017 и др.), имеющим сильные корреляции с глобальной неудовлетворенностью, дистрессом, отсутствием социальной поддержки оффлайн, склонностью к суициду (Kaczmarek, Dążkowski, 2014; Blasi et al., 2019; Larche et al., 2021 и др.), вследствие чего эскапизм был включен в качестве диагностического симптома для определения интернет игровой аддикции. Тем не

менее, на наш взгляд, подобный «болезненный» оттенок эскапизма обусловлен недостаточностью проведенных эмпирических исследований в более широком контексте — с охватом всех возможных видов деятельности, в первую очередь, досуговых, для столь категоричного заключения о негативной роли эскапизма в адаптационном процессе.

Заключение

В настоящее время понимание адаптации к объективному внешнему миру и субъективному внутреннему миру человека холистично. С точки зрения полисистемного подхода, адаптация в наиболее общем виде понимается как непрерывно развивающийся процесс, включающий биологические, психологические и социальные процессы, находящиеся во внутрисистемных и межсистемных взаимоотношениях, и направлена на поддержание равновесия как внутри организма (аутопластическая адаптация), так и между организмом и окружающей средой (аллопластическая адаптация). При этом нельзя не отметить, что адаптивная функция психики наиболее отчетливо проявляется в проблемных жизненных ситуациях, в связи с чем в исследованиях адаптационного потенциала представляется плодотворным использование копинг подхода.

Основная функция психологической адаптации заключается в разрешении метасистемных противоречий и несоответствий между различными подструктурами психики или в системе субъект окружающее психологическое пространство и, соответственно, предполагает, либо изменение внутренних структур, либо преобразование окружающей среды. В настоящее время наиболее актуальным представляется изучение социально психологической адаптации. Центральной, системообразующей характеристикой всего композиционного состава психологической адаптации является отношение субъекта к окружающей реальности и характеристики его самосознания (возможности саморегуляции, самоконтроля, самооценки в установлении равновесия между внешними влияниями, внутренним состоянием и поведением). Соотношение ценностей личности и окружающего ее социума является ключевым фактором детерминантой успешности психической, психологической и социально психологической адаптации личности. В целом же адаптивность поведения определяется как объективными характеристиками среды, так и субъективными особенностями, и может обеспечиваться оптимальным сочетанием деятельности, действий и операций.

Эскапизм как один из ключевых факторов адаптации и одновременно ее стратегия может рассматриваться как эмоционально ориентированный метакопинг. На социально психологическом уровне представляется целесообразным добавить деятельностное измерение и охарактеризовать уход от реальности как деятельность, с помощью которой субъект стремится разрешить или минимизировать внутрисистемные и межсистемные рассогласования. Эта деятельность по своей природе компенсаторна. Она призвана уравновесить

негативные переживания, возникающие при появлении субъективно значимых рассогласований в подструктурах личности или системе личность среда, осуществить уход из некомфортного психологического пространства в более благоприятное и компенсировать неприятные эмоции позитивными. Видом деятельности, в наибольшей степени подходящей под такого рода задачи, являются увлечения, или хобби, отличительной чертой которых является удовольствие от процесса их осуществления и их сопровождение конструктивными самопроцессами – самораскрытием, самореализацией, самопознанием и др., а также приятными, «поточными» состояниями.

Многочисленные исследования эскапизма в форме погружения в виртуальные игровые среды (видеогейминг) наделяют рассматриваемое явление болезненным оттенком. Тем не менее, при рассмотрении различных деятельностных форм эскапизма, наряду с «деструктивными», можно выделить, как минимум, его «нормативные» формы, когда личность испытывает максимальный уровень самораскрытия при относительно невысоком уровне самоподавления. Это ставит вопрос о «позитивном» эскапизме и возможностях его различных форм в обеспечении максимального уровня позитивных самопроцессов при одновременной минимизации деструктивных, а также о «золотой середине» ухода от реальности (сколько времени допустимо тратить на ту или иную форму эскапизма?).

Одной из перспективных задач является проверка того, насколько эскапизм может выступать как фактор формирования адаптационного потенциала личности. В связи с этим необходима доработка существующей методики оценки уровня выраженности эскапизма (см. Теславская, Савченко, 2019) с учетом социально психологического (деятельностного) измерения данного феномена, которая помимо показателя глобальной неудовлетворенности при выборе стратегии избегания внутренних/внешних противоречий, диссоциативного и компенсаторного факторов, должна включать специальный блок вопросов, уточняющих «внешнюю» сторону эскапистской активности: общее соотношение деятельностей в структуре жизнедеятельности субъекта, характер и частоту увлечений (хобби) и их чередование, особенности протекающих в их основе глобальных адаптивных и дезадаптивных самопроцессов и их соотношение. При этом должно быть учтено сугубо социальное измерение эскапизма (склонность к уходу в различные миноритарные сообщества и группы).

Литература

- Бачериков Н. Е., Воронцов М. П., Петрюк П. Т., Цыганенко А. Я.* Эмоциональный стресс в этиологии и патогенезе психических и психосоматических заболеваний. Харьков: Основа, 1995.
- Беличева С.А.* Основы превентивной психологии. М.: Консорциум, 1993.
- Белинская Е.П.* Социальная психология личности: Учебн. Пособие для вузов / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М.: Аспект Пресс, 2001.

- Береговой Г.Т., Жданов О.И.* О стилях поведения операторов в экстремальных условиях деятельности // Психол. Журнал. 1992. Т. 13. № 2. С. 49–53.
- Березин Ф.Б.* Психологическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988.
- Беркинблит М. Б., Петровский А. В.* Психология фантазии. М.: Политиздат, 1968.
- Бодров В.А.* Психологические механизмы адаптации человека // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 42–61.
- Годфруа Ж.Г.* Что такое психология. В 2 х т. Т. 1: Пер. с франц. М.: Мир, 1992.
- Гришина Н.В.* Психология конфликта. СПб: Питер, 2008.
- Дикая Л.Г.* Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 17–41.
- Додонов Б.И.* Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. С. 47–50.
- Ермолаева Е.П.* Идентификационные аспекты социальной адаптации профессионалов // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 195–216.
- Журавлев А.Л., Куррейченко А.Б.* Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально психологических понятий // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 62–95.
- Завалишина Д.Н.* Динамический аспект профессиональной адаптации // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 353–368.
- Зараковский Г.М., Е.К. Казакова Е.К.* Адаптация населения России к новым условиям и качество жизни. // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 111–128.
- Змановская Е.В.* Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). Учеб. Пособие для студ. Вузов – 2 е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 288 с.
- Карцева Т.Б.* Изменение образа Я в ситуациях жизненных перемен. Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 1989.
- Коган Б.М., Семина Т.Е.* Проблема диссоциации в психологии и психиатрии // Системная психология и социология. 2010. № 1 (2). С. 43–52.
- Короленко Ц.П., Фролова Г.В.* Вселенная внутри тебя. Новосибирск, 1979. С. 103–121

- Красильников И. А.* Внутриличностный конфликт и психологическая адаптация: Учеб. пособие к спецкурсу для студентов ф та философии и психологии. Саратов: Изд во Саратов. ун та, 2006.
- Куликов Л.В.* Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: учебное пособие. СПб: Питер, 2004. 464 с.
- Лазебная Е.О.* Преодоление психологических последствий воздействия экстремального (травматического) стресса: посттравматическая стрессовая адаптация // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 561–576.
- Леонтьев Д.А.* От социальных ценностей к личностным: социология и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Моск. Ун та. Сер. 14. Психология. 1996. № 4. С. 35–44.
- Матулене Г.* От социальной адаптации к деятельности (краткий обзор зарубежной литературы) // Психол. Журн. 2005. Т. 23. № 2. С. 108–112.
- Медведев В.И.* Адаптация человека. СПб: Институт мозга человека РАН, 2003.
- Мельникова Н.Н.* Процесс социально психологической адаптации. Подходы к изучению // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология. Сборник научных трудов / Под ред. Н.А. Батурина. Челябинск: Изд во ЮрУрГУ, 1998. Т. 1. С. 31–49.
- Менделевич В.Д.* Антиципационные механизмы неврозогенеза // Психол. Журн. 1996. Т. 17. № 4. С. 107–115.
- Менделевич В.Д.* Психология девиантного поведения: Учебн. Пособ. / М.: МЕДпресс, 2001.
- Молчанова Е.В.* Проблема ценностных ориентаций личности в структуре самосознания. Автореф. дисс. на соиск. канд. фил. н. Чебоксары, 2011.
- Налчаджян А.А.* Социально психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван: Изд во АН АрмССР, 1988.
- Налчаджян А.А.* Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. 2 е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010.
- Натадзе Р.Г.* Воображение как фактор поведения. Тбилиси, 1972. С. 5–12.
- Осницкий А. К.* Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43–56.
- Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности / Ростов на Дону: Феникос, 1996.
- Посохова С.Т.* Индивидуальные стратегии личностной адаптации // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 276–289.
- Прохоров А.О.* Саморегуляция психических состояний как фактор социальной адаптации субъекта. // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 195–216.

- Реан А.А.* Психология личности. Социализация, поведение, общение / А.А. Реан. СПб: Прайм ЕВРОЗНАК, 2004.
- Ребеко Т.А.* Опыт категоризации и выделения новых и существенных параметров объекта в процессе адаптации // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 326–340.
- Ромм М.В.* Адаптация личности в социуме: теоретико методологический аспект / М.В. Ромм. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма РАН, 2002. 275 с.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии (4 е изд.). СПб: Питер, 2000.
- Савченко Т. Н., Головина Г. М.* Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2006.
- Савченко Т.Н., Олькина О.И., Беловол Е.В., Кардапольцева А.А., Головина Г.М.* Разработка методики диагностики склонности к эскапизму // Процедуры и методы экспериментально психологических исследований. М.: ИП РАН, 2016. С. 100–108.
- Савченко Т.Н., Теславская О.И.* Уход от реальности (эскапизм): отечественные и зарубежные психологические подходы к определению понятия // Коллективный труд «Разработка понятий в современной психологии». М.: ИП РАН, 2021. Т. 3. С. 672–702.
- Сергиенко Е.А.* Становление контроля поведения как проявление индивидуальности и его роль в процессе адаптации // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 251–275.
- Теславская О.И., Кардапольцева А.А., Беловол Е.В., Савченко Т.Н.* Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии // Психологический журнал. 2017. № 6(38). С. 53–65.
- Теславская О.И., Савченко Т.Н.* Субъективное качество жизни и психологическая адаптация у лиц с низким, средним и высоким уровнем эскапизма // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 162–176. doi: 10.17759/expsy.2019120212.
- Удачина Е.Г., Квасовец С.В., Стерлигова О.П.* Взаимосвязь независимости и индивидуально личностных характеристик в процессе социальной адаптации // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 313–325.
- Шапкин А.С., Дикая Л.Г.* Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегии адаптации // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 1. С. 19–34.
- Яницкий М.С., Портнова А.Г., Богомолов А.М.* Психологическая адаптация: функциональные, структурные и динамические аспекты // Психология

- адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2007. С. 96–108.
- Baumeister R.F.* Escaping the self: Alcoholism, spirituality, masochism and other flights from the burden of selfhood. Basic Books, 1991b.
- Baumeister R.F.* Suicide as escape from self // *Psychological Review*. 1990. V. 97(1). P. 90–113.
- Baumeister R.F.* The self against itself: Escape or defeat // R. C. Curtis (Ed.). *The relational self: Theoretical convergences in psychoanalysis and social psychology*. N. Y.: Guilford, 1991. P. 238–256.
- Blasi M.D., Giardina A., Giordano C., Coco G.L., Tosto C., Billieux J., Schimmenti A.* Problematic video game use as an emotional coping strategy: Evidence from a sample of MMORPG gamers, 2019.
- Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K.* Assessing coping strategies: A theoretically based approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. V. 56. № 2. P. 267–283.
- Haan N. *Coping and Defending: Processes of self environment organization*. N.Y.: Academic Press, 1977.
- Hagstrom D., Kaldo V.* Escapism among players of MMORPGs – conceptual clarification, its relation to mental health factors and development of a new measure // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2014. V. 17(1). P. 19–40.
- Kaczmarek L.D., Drązkowski D.* MMORPG escapism predicts decreased well being: examination of gaming time, game realism beliefs and online social support for offline problems // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2014. V. 17(5). P. 298–302.
- Kim D.* et al. Internet game addiction, depression and escape from negative emotions in adulthood: A nationwide community sample of Korea // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 2017. V. 205(7). P. 568–573.
- Király O., Urbán R., Griffiths M.D., Agoston C., Nagygyörgy K., Kökönyei G., Demetrovics Z.* The mediating effect of gaming motivation between psychiatric symptoms and problematic online gaming: An online survey // *Journal of Medical Internet Research*. 2015. V. 17(4).
- Kwon J., Jung J-S., Lee J.* The Effects of Escape from Self and Interpersonal Relationship on the Pathological Use of Internet Games // *Community Mental Health Journal*. 2009. V. 47. P. 113–121.
- Larche C.J., Tran P., Kruger T.B., Dhaliwal N., Dixon M.J.* Escaping the woes through flow? Examining the relationship between escapism, depression and flow experience in role playing and platform games // *Journal of Gambling Issues*. 2021. V. 46. URL:<http://jgi.camh.net/index.php/jgi/article/view/4097/4588>. (Дата обращения: 09.11.2022).
- Lazarus R.S.* *Stress and Emotion*. N. Y.: Springer, S. Folkman, 1984.
- Skinner E.A., Edge K., Altman J., Sherwood H.* Searching for the structure of coping: a review and critique of category systems for classifying ways of coping // *Psychological Bulletin*. 2003. V. 129. № 2. P. 216–269.

- Stenseng F., Rise J., Kraft P.* The dark side of leisure: obsessive passion and its covariates and outcomes // *Leisure Studies*. 2011. V. 30(1). P. 49–62.
- Stenseng F.A.* Dualistic approach to leisure activity engagement – on the dynamics of passion, escapism and life satisfaction. Oslo: University of Oslo, Faculty of Social Sciences, 2009.
- Thomas K.W., Kilmann R.H.* The Thomas–Kilmann Conflict Mode Instrument. Mountain View, CA: CPP Inc., 1974.
- Vaillant G.E.* Theoretical hierarchy of adaptive ego mechanisms // *Archives of General Psychiatry*. 1971. V. 24. P. 107–118.

References

- Bacherikov N. E., Voroncov M. P., Petryuk P. T., Cyganenko A. Ya.* Emocional'nyy stress v etiologii i patogeneze psihicheskikh i psihosomaticeskikh zabozevanij [Emotional stress in the etiology and pathogenesis of mental and psychosomatic diseases]. Kharkov: Foundation, 1995. (In Russ.)
- Belicheva S.A.* Osnovy preventivnoj psihologii. [Fundamentals of Preventive Psychology]. Moscow, Consortium, 1993. (In Russ.)
- Belinskaya E.P., Tihomandrickaya O.A.* Social'naya psihologiya lichnosti: Uchebn. Posobie dlya vuzov [Social psychology of personality: Studies. Manual for universities]. Moscow, Aspect Press, 2001. (In Russ.)
- Beregovoj G.T., ZHDanov O.I.* O stilyah povedeniya operatorov v ekstremal'nyh usloviyah deyatel'nosti [About the styles of behavior of operators in extreme conditions of activity] // *Psychological Journal*. 1992. V. 13. № 2. P. 49–53. (In Russ.)
- Berezin F.B.* Psihologicheskaya i psihofiziologicheskaya adaptaciya cheloveka [Psychological and psychophysiological adaptation of an individual]. Leningrad, Nauka, 1988. (In Russ.)
- Berkinblit M. B., Petrovskij A. V.* Psihologiya fantazii [Psychology of fantasy]. Moscow, Polizdat, 1968. (In Russ.)
- Bodrov V.A.* Psihologicheskie mekhanizmy adaptacii cheloveka [Psychological mechanisms of human adaptation] // *Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy* [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 42–61. (In Russ.)
- Godfrua ZH. G.* CHto takoe psihologiya [What is psychology?]. V. 1(2). Translated from French. Moscow, Mir, 1992. (In Russ.)
- Grishina N.V.* Psihologiya konflikta [Psychology of Conflict]. Saint Petersburg, Peter, 2008. (In Russ.)
- Dikaya L.G.* Adaptaciya: metodologicheskie problemy i osnovnye napravleniya issledovanij [Adaptation: methodological problems and the main directions of research] // *Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy* [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 17–41. (In Russ.)

- Dodonov B.I.* Emociya kak cennost' [Emotion as a value]. Moscow, Polizdat, 1978. P. 47–50. (In Russ.).
- Ermolaeva E.P.* Identifikacionnye aspekty social'noj adaptacii professionalov [Identification aspects of social adaptation of professionals] // Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 195–216. (In Russ.).
- Zhuravlev A.L., Kuprejchenko A.B.* Samoopredelenie, adaptaciya i socializaciya: sootnoshenie i mesto v sisteme social'no psihologicheskikh ponyatij [Self determination, adaptation and socialization: correlation and place in the system of socio psychological concepts] // Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 62–95. (In Russ.).
- Zavalishina D.N.* Dinamicheskij aspekt professional'noj adaptacii [Dynamic aspect of professional adaptation] // Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 353–368. (In Russ.).
- Zarakovskij G.M., E.K. Kazakova E.K.* Adaptaciya naseleniya Rossii k novym usloviyam i kachestvo zhizni [Adaptation of the Russian population to new conditions and quality of life] // Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 111–128. (In Russ.).
- Zmanovskaya E.V.* Deviantologiya: (Psihologiya otklonyayushchegosya povedeniya) Ucheb. Posobie dlya stud. Vuzov. 2 e izd. [Deviantology: (Psychology of deviant behavior) Studies. Manual for students. Universities – 2nd edition]. Moscow, Academia, 2004. (In Russ.).
- Karceva T.B.* Izmenenie obraza YA v situacijah zhiznennyh peremen. Avto-ref. dis... kand. psihol. nauk [Changing the Self image in situations of life changes. Autoref. dis... cand. Psychol. sciences]. Moscow, 1989. (In Russ.).
- Kogan B.M., Semina T.E.* Problema dissociacii v psihologii i psihiatrii [The problem of dissociation in psychology and psychiatry] // Systemic Psychology and Psychiatry, 2010. № 1(2). P. 43–52. (In Russ.).
- Korolenko C. P., Frolova G. V.* Vselennaya vnuti tebya [The universe inside you]. Novosibirsk, 1979. (In Russ.).
- Krasil'nikov I. A.* Vnutrilichnostnyj konflikt i psihologicheskaya adaptaciya: Ucheb. posobie k speckursu dlya studentov f ta filosofii i psihologii [Intrapersonal conflict and psychological adaptation: Textbook for a special course for students of philosophy and psychology]. Saratov, Saratov State University, 2006. (In Russ.).
- Kulikov L.V.* Psihogigiena lichnosti. Voprosy psihologicheskoy ustojchivosti i psiho profilaktiki: uchebnoe posobie [Psychohygen of personality. Questions of psycho

- logical stability and psychoprophylaxis: textbook]. Saint Petersburg, Peter, 2004. (In Russ.).
- Lazebnaya E.O.* Preodolenie psihologicheskikh posledstvij vozdejstviya ekstremal'nogo (travmaticheskogo) stressa: posttravmaticheskaya stressovaya adaptaciya. [Overcoming the psychological consequences of exposure to extreme (traumatic) stress: post traumatic stress adaptation] // *Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy* [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 561–576. (In Russ.).
- Leont'ev D.A.* Ot social'nyh cennostej k lichnostnym: sociologiya i fenomenologiya cennostnoj regulyacii deyatel'nosti [From social values to personal values: sociology and phenomenology of value regulation of activity] // *MSU Bulletin. Ser. 14. Psychology.* 1996. № 4. P. 35–44. (In Russ.).
- Matulene G.* Ot social'noj adaptacii k deyatel'nosti (kratkij obzor zarubezhnoj literatury). [From social adaptation to activity (a brief review of foreign literature)] // *Psychological Journal.* 2005. № 2(23). P. 108–112. (In Russ.).
- Medvedev V.I.* Adaptaciya cheloveka [Adaptation of a person]. Saint Petersburg, Institute of the Human Brain of the Russian Academy of Sciences, 2003. (In Russ.).
- Mel'nikova N.N.* Process social'no psihologicheskoy adaptacii. Podhody k izucheniyu [The process of socio psychological adaptation. Approaches to the study] // *Teoreticheskaya, eksperimental'naya i prakticheskaya psihologiya. Sbornik nauchnyh trudov* [Theoretical, experimental and practical psychology. Collection of scientific papers] / Pod red. N.A. Baturina. CHelyabinsk: Izd vo YUrUrGU, 1998. V. 1. P. 31–49. (In Russ.).
- Mendelevich V.D.* Anticipacionnye mekhanizmy nevrozogeneza [Anticipatory mechanisms of neurogenesis] // *Psihol. ZHurn* [Psych. Journ.]. 1996. V. 17. № 4. P. 107–115. (In Russ.).
- Mendelevich V.D.* Psihologiya deviantnogo povedeniya: Uchebn. Posob. [Psychology of deviant behavior: Proc. Benef.] / M.: MEDpress, 2001. (In Russ.).
- Molchanova E.V.* Problema cennostnyh orientacij lichnosti v strukture samosoznaniya. Avtoref. diss. na soisk. kand. fil. n. [The problem of value orientations of personality in the structure of self consciousness. Autoref. diss. Cand. Sci. in Philosophy]. Cheboksary, 2011. (In Russ.).
- Nalchadzhyan A.A.* Social'no psihicheskaya adaptaciya lichnosti (formy, mekhanizmy i strategii). [Socio psychological adaptation of personality (forms, mechanisms and strategies)]. Erevan, Academy of Sciences of ArmSSR, 1988. (In Russ.).
- Nalchadzhyan A.A.* Psihologicheskaya adaptaciya: mekhanizmy i strategii. 2 e izd., pererab. i dop. [Psychological adaptation: mechanisms and strategies. 2nd ed., reprint. and additional]. Moscow: Eksmo (Psychological Education), 2010. (In Russ.).
- Natadze R.G.* Voobrazhenie kak faktor povedeniya [Imagination as a factor of behavior]. Tbilisi, 1972. P. 5–12. (In Russ.).
- Osnickij A.K.* Opredelenie harakteristik social'noj adaptacii [Defining the characteristics of social adaptation] // *Psychology & School.* 2004. № 1. P. 43–56. (In Russ.).

- Petrovskij V.A.* Lichnost' v psihologii: paradigma sub"ektnosti [Personality in Psychology: the Paradigm of subjectivity]. Rostov on Don, Phoenix, 1996. (In Russ.).
- Posohova S.T.* Individual'nye strategii lichnostnoj adaptacii [Individual strategies of personal adaptation] // Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 276–289. (In Russ.).
- Prohorov A.O.* Samoregulyaciya psihicheskikh sostoyanij kak faktor social'noj adaptacii sub"ekta [Self regulation of mental states as a factor of social adaptation of the subject] // Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 195–216. (In Russ.).
- Rean A.A.* Psihologiya lichnosti. Socializaciya, povedenie, obshchenie [Psychology of personality. Socialization, behavior, communication]. Saint Petersburg, Prime Euroznak, 2004. (In Russ.).
- Rebeko T.A.* Opyt kategorizacii i vydeleniya novyh i sushchestvennykh parametrov ob"ekta v processe adaptacii [Experience of categorization and identification of new and essential parameters of the object in the process of adaptation] // Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 326–340. (In Russ.).
- Romm M.V.* Adaptaciya lichnosti v sociume: teoretiko metodologicheskij aspekt. [Adaptation of personality in society: theoretical and methodological aspect]. Novosibirsk, Science. Siberian Publishing Company RAS, 2002. (In Russ.).
- Rubinshtejn S.L.* Osnovy obshchej psihologii [Fundamentals of general psychology]. 4 th Ed. Saint Petersburg, 2000. (In Russ.).
- Savchenko T.N., Golovina G.M.* Sub"ektivnoe kachestvo zhizni: podhody, metody ocenki, prikladnye issledovaniya [Subjective life quality: approaches, assessment methods, applied research]. Moscow, Institute of Psychology RAS, 2006. (In Russ.).
- Savchenko T.N., Ol'kina O.I., Belovol E.V., Kardapol'ceva A.A., Golovina G.M.* Razrabotka metodiki diagnostiki sklonnosti k eskapizmu [Development of methods for diagnosing the tendency to escapism] // Procedures and methods of experimental psychological research. Moscow, Institute of Psychology RAS, 2016. P. 100–108. (In Russ.).
- Savchenko T.N., Teslavskaya O.I.* Uhod ot real'nosti (eskapizm): otechestvennye i zarubezhnye psihologicheskie podhody k opredeleniyu ponyatiya [Escape from reality (escapism): domestic and foreign psychological approaches to the definition of the concept] // Collective work "Development of concepts in modern psychology". Moscow, Institute of Psychology RAS, 2021. V. 3. P. 672–702. (In Russ.).
- Sergienko E.A.* Stanovlenie kontrolya povedeniya kak proyavlenie individual'nosti i ego rol' v processe adaptacii [The formation of behavior control as a manifestation

- of individuality and its role in the adaptation process] // *Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy* [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 251–275. (In Russ.).
- Teslavskaya O.I., Kardapol'ceva A.A., Belovol E.V., Savchenko T.N.* Eskapizm kak predmet issledovaniya v sovremennoj nauchnoj psihologii [Escapism as a subject of research in modern scientific psychology] // *Psychological Journal*. 2017. № 6(38). P. 53–65. (In Russ.).
- Teslavskaya O.I., Savchenko T.N.* Sub"ektivnoe kachestvo zhizni i psihologicheskaya adaptaciya u lic s nizkim, srednim i vysokim urovnem eskapizma [Subjective quality of life and psychological adaptation in people with low, medium and high levels of escapism] // *Experimental Psychology*. 2019. V. 12. № 2. P. 162–176. doi:10.17759/exppsy.2019120212. (In Russ.).
- Udachina E.G., Kvasovets S.V., Sterligova O.P.* The relationship of utility dependence and individual personal characteristics in the process of social adaptation [The relationship of utility dependence and individual personal characteristics in the process of social adaptation] // *Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy* [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 313–325. (In Russ.).
- Shapkin A.S., Dikaya L.G.* Deyatel'nost' v osobyh usloviyah: komponentnyj analiz struktury i strategii adaptacii [Activities in special conditions: component analysis of the structure and adaptation strategy] // *Psychological Journal*. 1996. V. 17. № 1. P. 19–34. (In Russ.).
- Yanickij M.S., Portnova A.G., Bogomolov A.M.* Psihologicheskaya adaptaciya: funkcional'nye, strukturnye i dinamicheskie aspekty [Psychological adaptation: functional, structural and dynamic aspects] // *Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy* [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] / In Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Moscow, IPRAS, 2007. P. 96–108. (In Russ.).
- Baumeister R.F.* Escaping the self: Alcoholism, spirituality, masochism and other flights from the burden of selfhood. Basic Books, 1991b.
- Baumeister R.F.* Suicide as escape from self // *Psychological Review*. 1990. V. 97(1). P. 90–113.
- Baumeister R.F.* The self against itself: Escape or defeat // R.C. Curtis (Ed.). *The relational self: Theoretical convergences in psychoanalysis and social psychology*. N.Y.: Guilford, 1991. P. 238–256.
- Blasi M.D., Giardina A., Giordano C., Coco G.L., Tosto C., Billieux J., Schimmenti A.* Problematic video game use as an emotional coping strategy: Evidence from a sample of MMORPG gamers, 2019.
- Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K.* Assessing coping strategies: A theoretically based approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. V. 56. № 2. P. 267–283.

- Haan N.* Coping and Defending: Processes of self environment organization. N.Y.: Academic Press, 1977.
- Hagstrom D., Kaldo V.* Escapism among players of MMORPGs – conceptual clarification, its relation to mental health factors and development of a new measure // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2014. V. 17(1). P. 19–40.
- Kaczmarek L.D., Drązkowski D.* MMORPG escapism predicts decreased well being: examination of gaming time, game realism beliefs and online social support for offline problems // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2014. V. 17(5). P. 298–302.
- Kim D. et al.* Internet game addiction, depression and escape from negative emotions in adulthood: A nationwide community sample of Korea // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 2017. V. 205(7). P. 568–573.
- Király O., Urbán R., Griffiths M.D., Ágoston C., Nagygyörgy K., Kökönyei G., Demetrovics Z.* The mediating effect of gaming motivation between psychiatric symptoms and problematic online gaming: An online survey // *Journal of Medical Internet Research*. 2015. V. 17(4).
- Kwon J., Jung J.-S., Lee J.* The Effects of Escape from Self and Interpersonal Relationship on the Pathological Use of Internet Games // *Community Mental Health Journal*. 2009. V. 47. P. 113–121.
- Larche C.J., Tran P., Kruger T.B., Dhaliwal N., Dixon M.J.* Escaping the woes through flow? Examining the relationship between escapism, depression and flow experience in role playing and platform games // *Journal of Gambling Issues*. 2021. V. 46. URL:<http://jgi.camh.net/index.php/jgi/article/view/4097/4588> (Accessed: 09.11.2022).
- Lazarus R. S.* Stress and Emotion. N.Y.: Springer, S. Folkman, 1984.
- Skinner E.A., Edge K., Altman J., Sherwood H.* Searching for the structure of coping: a review and critique of category systems for classifying ways of coping // *Psychological Bulletin*. 2003. V. 129. № 2. P. 216–269.
- Stenseng F., Rise J., Kraft P.* The dark side of leisure: obsessive passion and its covariates and outcomes // *Leisure Studies*. 2011. V. 30(1). P. 49–62.
- Stenseng F.A.* Dualistic approach to leisure activity engagement – on the dynamics of passion, escapism and life satisfaction. Oslo: University of Oslo, Faculty of Social Sciences, 2009.
- Thomas K.W., Kilmann R.H.* The Thomas–Kilmann Conflict Mode Instrument. Mountain View, CA: CPP Inc., 1974.
- Vaillant G.E.* Theoretical hierarchy of adaptive ego mechanisms // *Archives of General Psychiatry*. 1971. V. 24. P. 107–118.

Информация об авторах

Савченко Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Россия, ORCID: https://orcid.org/0000_0002_4301_5590, e mail: t.n.savchenko@mail.ru

Теславская Оксана Игоревна, старший преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук; ассоциированный научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7804-8563>, e-mail: teslavskaia@gmail.com

Information about the authors

Tatyana N. Savchenko, Candidate in Psychology (PhD), Leading Research Fellow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4301-5590>, e-mail: t.n.savchenko@mail.ru

Оксана И. Теславская, Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities; Associate Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7804-8563>, e-mail: teslavskaia@gmail.com

Получена: 06.09.2022

Принята в печать: 30.09.2022

Received: 06.09.2022

Accepted: 30.09.2022

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ДИНАМИЧЕСКИЕ ЭКСПРЕССИИ БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ ДЕТЕЙ: ИНДУКЦИЯ И САМООЦЕНКА

Е. Г. ХОЗЕ^{a, b}, С. П. КУЛАГИН^c, Е. А. ЛУПЕНКО^{a, b}, И. А. БАСЮЛ^{a, b, d},
М. М. МАРИНОВА^{a, b}

^a Московский государственный психолого-педагогический университет,
г. Москва, Россия

^b Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия

^c Центр поддержки семьи и детства Северо-западного административного
округа, г. Москва, Россия

^d Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Россия

В работе представлены результаты выполнения исследовательского проекта, направленного на проработку проблем диагностики и коррекции эмоциональной сферы детей. С учетом возрастных особенностей разработаны процедуры индукции и самооценки эмоциональных состояний у детей. Подготовлен и апробирован с участием детей и подростков визуальный контент для индукции и самооценки эмоциональных состояний детей. В результате получены динамические и статические естественные экспрессии индуцированных базовых эмоций. Подготовлены уникальные динамические и статические слабо- и ярко выраженные экспрессии естественных индуцированных эмоций детей, предназначенные для использования в качестве стимульного материала в экспериментальных исследованиях, изучающих особенности восприятия и выражения базовых эмоций.

Ключевые слова: индукция базовых эмоций, динамические естественные экспрессии индуцированных эмоций детей, самооценка эмоций детьми.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 19-013-00958 «Динамика индуцируемых эмоциональных состояний у детей младшего и среднего школьного возраста».

Для цитаты: Хозе Е. Г., Кулагин С. П., Лупенко Е. А., Басюл И. А., Маринова М. М. Естественные динамические экспрессии базовых эмоций детей: индукция и самооценка // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 3. С. 64–86. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_04

Для контактов: Хозе Евгений Геннадиевич, house.yu@gmail.com

NATURAL DYNAMIC EXPRESSIONS OF CHILDREN'S BASIC EMOTIONS: INDUCTION AND SELF-ASSESSMENT

EVGENY G. KHOZE E. ^{a, b}, SERGEY P. KULAGIN ^c, ELENA A. LUPENKO ^{a, b},
IVAN A. BASYUL ^{a, b, d}, MARIA M. MARINOVA ^{a, b}

^a Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

^b Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

^c North-Western Administrative District Family and Children's Support Centre,
Moscow, Russia

^d Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The paper presents the results of a research project aimed at working out the problems of diagnosing and correcting the emotional sphere of children. Considering age characteristics, procedures for induction and self-assessment of emotional states in children have been developed. Visual content for the induction and self-assessment of the emotional states of children was prepared and tested with the participation of both children and adolescents. As a result, dynamic and static natural expressions of induced basic emotions were obtained. Unique expressions of weak and strong intensity of naturally induced emotions of children have been prepared in dynamic and static format, intended for use as stimulus material in experimental research studying the features of perception and expression of basic emotions.

Keywords: induction of basic emotions, dynamic natural expressions of induced emotions in children, self-assessment of emotions by children.

Funding. The study was supported by RFBR grant #19-013-00958, «Dynamics of Induced Emotional States in Children of Elementary and Middle School Age.

For citation: Khoze E. G., Kulagin S. P., Lupenko E. A., Basyul I. A., Marinova M. M. Natural dynamic expressions of children's basic emotions: induction and self-assessment // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2022. V. 3. № 3. P. 64—86. doi: 10.51217/cog-exp_2022_03_03_04 (in Russ).

Corresponding author: Evgeny G. Khoze, house.yu@gmail.com

Введение

Естественные мимические экспрессии, отражающие эмоциональные состояния детей как экологически валидные стимульные изображения представляют особый интерес для исследователей, изучающих восприятие и выражение эмоций. Одним из возможных способов получения естественных эмоциональных экспрессий является процедура индукции, в процессе которой переживание вызывается путем воздействия на натурщика эмоциональным контентом различной модальности, вызывающим у него эмоциональные переживания. Под-

готовка естественных экспрессий при помощи индукции вызвала особую заинтересованность исследователей после опубликования работ Велтена (Velten, 1968), который разработал процедуры индукции эмоциональных состояний для лабораторных исследований (mood induction procedure (MIP)) (Brenner, 2000). В работах многочисленных авторов можно найти данные об использовании подобных процедур при решении задач профилактики и улучшения эмоциональных состояний у взрослых (Clark, 1983; Goodwin & Williams, 1982; Gross & Levenson, 1995; Isen & Gorgoglione, 1983; Kenealy, 1986; Larson & Sinnett, 1991; Martin, 1990; Mayer, Allen, & Beauregard, 1995; Pignatiello, Camp, Elder & Raser, 1989; Westermann, Spies, Stahl & Hesse, 1996); для изучения влияния эмоциональных состояний на когнитивные, социальные (Westermann et al., 1996) и нейронные процессы (Westermann et al., 1996; Mayberg et al., 1999); память (Bower, 1981); творчество (Davis, 2009); принятие решений (Isen & Means, 1983); поведение (Gendolla, 2000); а также для проверки эффективности эмоциональных воздействий (Kuijsters et al., 2015). В ряде работ обсуждается использование методов индукции для экспериментального исследования эмоциональных состояний и поведения детей (Masters, Felleman & Barden, 1981; Moore, 1985; Silverman, 1986; Cohen, 2006). В последнее время методы индукции используются при создании баз мимических эмоциональных экспрессий, которые могут быть использованы как для исследования процессов восприятия в качестве стимульного материала с участием респондентов, так и для машинного обучения нейросетевых классификаторов с использованием технологий искусственного интеллекта (Pantic, 2009; Ко, 2018). Индукция эмоциональных состояний может выполняться при помощи музыкальных стимулов (Västfjäll, 2002), аффективного видео контента (Gross & Levenson, 1995; Khana et al., 2019), аффективных статических изображений (Lang et al., 2008), воображения эмоциональных ситуаций (Velten, 1968) и воспоминания событий из личного опыта (Strack et al., 1985).

При использовании процедуры индукции при помощи воспоминаний ребенка просят восстановить в памяти и остановиться на ситуации из личного опыта, в которой он переживал определенное состояние. Прежде чем ребенок начнет вспоминать контекст ситуации из прошлого, его просят описать состояние, которое он испытывал. Иногда экспериментаторы дают задание вспомнить только одну ситуацию (Moore, Underwood & Rosenhan, 1973), иногда две (Potts, Morse, Felleman & Masters, 1986) или три (Fry & Preston, 1981). Однако зависимость интенсивности переживаний от количества воспоминаний специально не исследовалась. Большинство исследователей ограничивают время на воспоминание в пределах 30 секунд (Underwood, Moore & Rosenhan, 1973), но иногда даются 1 минута (Moore, Clybourne & Underwood, 1976), 1,5 минуты (Eisenberg et al., 1988), 3 минуты (Fry & Preston, 1981) или 5 минут (Baumann, Cialdini & Kendrick, 1983). Для контроля за распределением внимания детей просят смотреть на пустую карточку на плакате (Graves & Lahey, 1981) или, периодически устанавливая зрительный контакт, напоминают им, чтобы они продолжали вспоминать (Moore et al.,

1973; Vanty & Vaillant, 1975). Карлсон и Мастерс использовали интерактивные видеоматериалы с музыкальными эмоциональными стимулами и динамической марионеткой, которая моделировала образ необходимого состояния (Carlson & Masters, 1986). Исследователь Бреннер отмечает, что контролировать внимание особенно важно при работе с детьми младшего возраста, у которых эта способность еще недостаточно развита, в отличие от детей более старшего возраста (Brenner, 2000). В ряде исследований детям предлагалось сосредоточиться либо на себе, либо на других (Barnett, King & Howard, 1979; Carlson & Masters, 1986). Например, чтобы изучить влияние индуцированных состояний на альтруизм, Барнетт с коллегами просили ребенка представлять, что он чувствовал бы сам в определенной ситуации или кто-то другой (Barnett et al., 1979). Процедуры, ориентированные на себя или другого, успешно вызывали положительные и отрицательные переживания, хотя не изучалось, какой модальности переживания индуцируются более эффективно. Карлсон и Мастерс также эффективно индуцировали положительные и отрицательные переживания, прося детей подумать о счастливых или грустных ситуациях, происходящих с ними или с кем-то из друзей (Carlson & Masters, 1986).

В ряде работ экспериментаторы систематически регулировали валентность и параметры возбуждения в самогенерируемых образах (Masters, Barden & Ford, 1979; Ridgeway & Waters, 1987; Masters et al., 1979). В данном случае детей просили представлять положительные и отрицательные переживания, связанные с высоким или низким уровнем возбуждения. Например, для индукции положительной валентности с высоким уровнем возбуждения детям предлагалось вспомнить и удерживать внимание на переживании, которое заставило их почувствовать себя настолько счастливыми, что им просто хотелось подпрыгнуть, а для индукции положительного переживания низкого уровня возбуждения необходимо было вспомнить и остановиться на опыте, во время которого они были настолько счастливыми, что им хотелось только сидеть и улыбаться (Masters et al., 1979; Ridgeway & Waters, 1987).

Для восстановления спокойного состояния большинство экспериментаторов просили детей либо посчитать (Rosenhan, Underwood & Moore, 1974), либо подумать о нейтральном объекте, находящемся в помещении в течение времени, эквивалентном условиям задачи (Kendrick, Baumann & Cialdini, 1979). Некоторые экспериментаторы просили ребенка спокойно посидеть (Moore et al., 1973) или описать свой маршрут из дома в школу (Eisenberg et al., 1988), прочитать инструкции на карте (Fry & Preston, 1981) или сложить пазл (Fry, 1975). В другом случае для восстановления спокойствия заводили разговор на нейтральную тему (Carlson, Felleman & Masters, 1983) или задавали серию аффективно нейтральных вопросов (Barnett et al., 1979).

Таким образом, в процедуре индукции с использованием самогенерирующих переживания воспоминаний экспериментаторы использовали инструменты контроля внимания, варьировали количеством воспоминаний и степенью возбуждения, продолжительностью и фокусировкой на себе или на другом.

Использование различных процедур индукции позволяли получать статистически значимые различия между разными переживаниями, но влияние описанных модификаций на интенсивность индуцируемых переживаний требует дополнительных исследований.

В нашей работе разработана процедура индукции эмоциональных состояний детей с использованием статических изображений сказочных героев (персонажей) с самоотчетом о переживаемых эмоциях. Самоотчет выполнялся либо в повторной демонстрации стимульных изображений и экспресс-вопросов по окончании демонстрации основной серии, либо при помощи альтернативного выбора схематического изображения базовых эмоций между сериями стимульных изображений отдельных эмоций. А также разработаны процедуры видеорегистрации индуцированных динамических экспрессий эмоциональных состояний детей младшего и среднего школьного возраста, которые, однако, требуют дополнительных процедурно-технических доработок.

Процедуры индукции и видеорегистрации эмоциональных состояний детей

Подготовка стимульного материала. На первом этапе подбирались визуальные стимулы, вызывающие переживания семи базовых эмоций по Экману (радость, страх, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение) (Ekman, Friesen, 1971). Из алфавитного перечня сказочных героев, размещенного на портале для работы с детьми, был отобран первоначальный перечень сказочных персонажей (www.7gy.ru). В подборе принимали участие сотрудники детского отделения ГБУ территориального центра социального обслуживания «Тушино», филиала «Покровское-Стрешнево» отделения социальной помощи семье и детям города Москвы. Затем перечень уточнялся и дополнялся уже с участием детей и подростков, вовлеченных в групповую игру. Игра начиналась со знакомства участников друг с другом, формирования доверия и раскрепощения. Затем каждому из участников по очереди предлагалось перечислить известных им сказочных персонажей, после чего ведущий группы дополнял ряд героев из перечня отобранных ранее, но не названных участниками. В перечень вошли наиболее популярные герои классических русских и зарубежных (в основном западноевропейских) сказок, мультфильмов и фильмов для детей. Затем ведущий в интерактивной форме проводил занятие, на котором участники знакомились с базовыми эмоциями. Были описаны связанные с эмоциями явления, события, приведены примеры того, как они проявляются у человека (в поведении, ощущениях, позах, мимике и т.д.). На занятии были использованы материалы из методики Н.В. Пилипко (Пилипко, 2004; 2007). Описания сопровождалась демонстрацией поз, жестов и мимических выражений, связанных с базовыми эмоциями, в числе которых:

- «Радость» — открытая поза. Руки расставлены в стороны, ладонями наружу. Ноги чуть расставлены, свободны, носки смотрят в разные стороны. Туловище прямое, чуть подано вперед. На лице симметричная улыбка, глаза

сощурены, верхняя часть щек поднята вверх, губы разомкнуты, уголки губ оттянуты назад и вверх.

■ «Страх» — плечи сжаты, корпус отведен назад; одна рука прикрывает горло и нижнюю часть лица, другая развернута ладонью во вне (защищаясь от угрозы). Ноги сведены вместе и немного согнуты в коленях (в желании убежать). Глаза широко раскрыты, брови напряжены и сведены к переносице, в центре лба горизонтальные морщины. Рот немного раскрыт на вдохе, губы напряжены, растянуты.

■ «Удивление» — корпус туловища немного отклонен назад, плечи раскрыты, руки раскрыты ладонями вверх. Ноги поставлены в произвольной форме, колени чуть согнуты. Брови подняты вверх и изогнуты, на лбу горизонтальные морщины. Рот приоткрыт, нижняя челюсть опущена.

■ «Горе (печаль)» — тело сжато, плечи опущены и направлены вовнутрь, голова опущена, руки свободно висят вниз. Ноги вместе. Ступни чуть повернуты вовнутрь. Брови напряжены и сведены к переносице, подняты только внутренние уголки бровей. Нижняя губа приподнята, кожа на подбородке напряжена. Кожа над верхней губой слегка приподнята и растянута.

■ «Гнев» — тело напряжено и подано вперед. Руки согнуты в локтях, кулаки сжаты. Ноги расставлены, немного согнуты в коленях, пружинят. Брови опущены и сведены к переносице. Между бровей — вертикальные морщины. Верхние веки подняты, напряжены и слегка приподняты, проявляя носогубные складки. Ноздри слегка растянуты, кожа на подбородке напряжена. Губы плотно сжаты.

■ «Отвращение» — тело отклоняется назад, голова тоже повернута чуть назад и в пол-оборота. Одна нога впереди, другая сзади, как бы в желании человека развернуться и уйти. Одна рука развернута ладонью по направлению к источнику отвращения. Нос наморщен, щеки приподняты, брови опущены. Глаза сужены, верхняя губа приподнята. Ноздри слегка растянуты, уголки губ опущены, кожа на подбородке напряжена, нижняя губа опущена. Рот немного приоткрыт.

■ «Презрение» — осанка «горделивая». Плечи расправлены и чуть подняты вверх. Корпус развернут на три четверти. Голова высоко поднята и развернута в пол-оборота. Руки упираются кулаками в бока. Ноги расставлены, носки смотрят наружу. Асимметричная улыбка, напряжение одного из уголков рта. Глаза прищурены.

На следующем этапе дети участвовали в игре, в которой предлагалось добровольно вызвавшемуся ребенку выбрать из набора карточку со сказочным персонажем и изобразить его невербально — жестами, мимикой, движениями тела, без использования вербальных сообщений и звуков. В то же время, насколько это было возможно, необходимо было постараться передать эмоции и чувства, вызываемые персонажем. Остальные участники должны были отгадать, кого изображает показывающий, а отгадавший занимал его место. По завершении игры участники заполняли протоколы опроса, в которых необходимо было отнести персонажей из перечня (вписать в графу в протоколе)

к одной из базовых эмоций. Детям до 7 лет, не умеющим писать, помогали сведущие взрослые. Иногда в одну категорию вписывали несколько персонажей либо не вписывали ни одного, а также встречались протоколы, в которых были вписаны персонажи, не входящие в изначальный перечень. В итоге по количеству выборов, занесенных в протокол, были отобраны по три персонажа на каждую из 7 базовых эмоций – в общей сложности 21 стимульное изображение (таблица 1).

Таблица 1

**Стимульные изображения сказочных персонажей, используемых
для индукции базовых эмоций**

Модальность индуцируемого переживания	Сказочные персонажи
Радость	Золушка, Карлсон, Винни-Пух
Страх	Баба Яга, Кощей Бессмертный, Птица Сирин
Удивление	Золотая рыбка, Крошка Енот, Колобок
Печаль (горе)	Буратино, Пьеро, Федора
Гнев	Бармалей-1, Мачеха, Бармалей-2
Отвращение	Жаба, Кикимора, Чудовище
Презрение	Женихи (сыновья царя), родные дочери мачехи, Старуха («Золотая рыбка»)

В процессе подбора стимульных изображений сказочных персонажей в общей сложности было проведено 5 групповых занятий с участием от 5 до 10 детей и подростков в каждой группе. В целом в процедуре подбора и оценки изображений приняли участие 34 человека – дети и подростки от 6 до 15 лет (N-34; f-22, m-12; M-9,97; SD-2,08).

Подготовка схематических экспрессий для самооценки индуцируемых эмоций. Для выполнения самооценки эмоциональных состояний респондентов в процессе индукции были подготовлены схематические экспрессии базовых эмоций, которые отбирались из набора каллиграфических изображений, размещенных в открытом доступе в сети интернет из пособия для художников «Основы анатомии человека: овладение мимикой» ливанской художницы каллиграфа Джуманы Медлей (Medlej, 2014). (Рис.1).

Разработка метода самооценки эмоциональных состояний детей выполнялась с учетом возрастных особенностей детей младшего школьного возраста с использованием визуального стимульного материала – схематических экспрессий Медлей. По нашему мнению, самооценка при помощи визуального стимульного материала облегчает задачу детям младшего школьного возраста, в отличие от вербальных шкал, при работе с которыми они могут испытывать затруднения. У детей в этом возрасте еще недостаточно сформирован семантический аффективный словарь, необходимый для вербального описания эмоций.

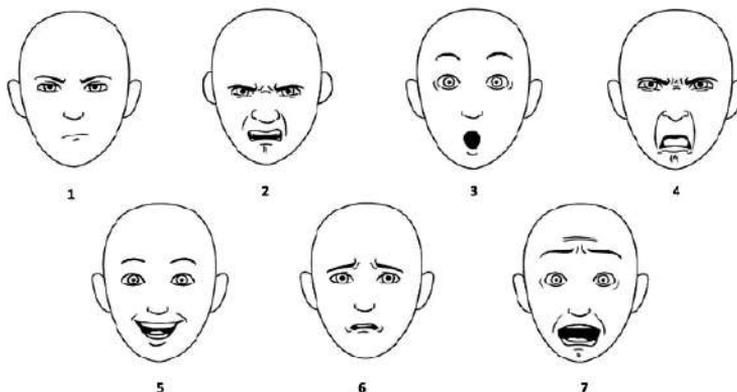

Рис. 1. Схематические экспрессии базовых эмоций: 1 – презрение; 2 – гнев; 3 – удивление; 4 – отвращение; 5 – радость; 6 – горе (печаль); 7 – страх

Особенности понимания вербальных обозначений базовых эмоций детьми младшего школьного возраста при помощи метода семантического дифференциала в сравнительном анализе оценок, полученных на взрослой и детской выборках, изучались нами ранее. Было показано: несмотря на то, что дети младшего школьного возраста более чем в 70% случаев оценивали аффективные понятия базовых эмоций также, как и взрослые, но все же оценивали их значительно менее выражено. Исходя из этого можно сделать вывод: несмотря на то, что понятия уже вошли в словарный запас, они еще не наделяются детьми таким же, как у взрослого, семантическим значением ввиду недостаточного жизненного опыта (Хозе, и др., 2021).

Процедура индукции и промежуточной самооценки переживаний. Процедура индукции выполнялась при помощи предъявления стимульных изображений, подобранных по модальности семи базовых эмоций с промежуточной самооценкой после каждой серии стимульных изображений одной из 7 базовых эмоций. Процедура самооценки выполнялась методом альтернативного выбора из экспонируемых на одном слайде схематических экспрессий 7 базовых эмоций (рис. 1). Стимульный материал демонстрировался в программе «PowerPoint 2016». На рисунке 2 представлен пример стимульной ситуации, использованной в окончательном варианте для индукции эмоционального состояния в модальности «горя» (печали).

В первоначальных сериях самооценка между сериями не выполнялась. Экспериментатор просил участников успокоиться и предупреждал о следующей серии картинок. Обратная связь, включающая эмоции при просмотре изображений, собиралась после завершения демонстрации полного набора картинок с их повторным предъявлением в беседе с экспериментатором. Участнику задавались вопросы о том, что он чувствовал, какие переживания, эмоции у него вызвали картинки.

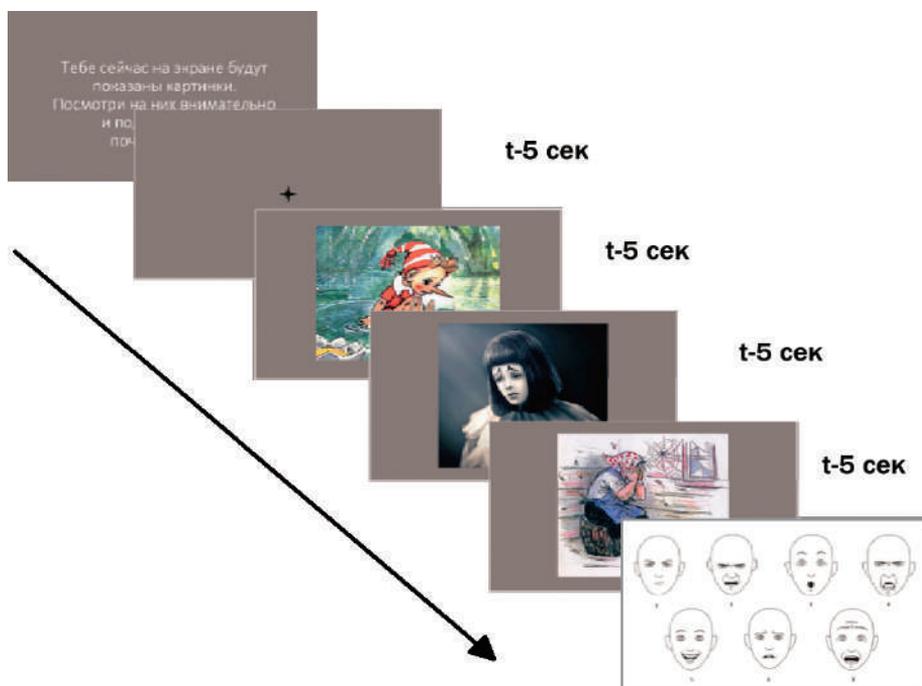

Рис. 2. Пример стимульной ситуации: индукция эмоционального состояния в модальности «горя» (печали)

Предъявление стимульных изображений начиналось с демонстрации краткой инструкции для детей, которая также проговаривалась экспериментатором: «Тебе сейчас на экране будут показаны картинки, посмотри на них внимательно и подумай, что ты почувствуешь». А также экспериментатор сообщал, что после картинок будут показаны смайлики (человечки), нужно будет выбрать тот, который соответствует чувству, возникшему при просмотре картинки каждым участником. Следующий слайд ориентировал внимание по центру экрана при помощи фиксационного объекта (четырёхконечной звездочки), а затем демонстрировалась серия эмоциональных стимулов по три изображения для каждой из семи базовых эмоций. В конце каждой серии предъявлялся слайд с набором схематических экспрессий базовых эмоций, пронумерованных от 1 до 7, и испытуемого просили назвать номер схематического изображения, отражающего его переживание после просмотра стимульных изображений. Все данные фиксировались в протоколе. В конце последней серии демонстрировался слайд с фразой «Спасибо за участие». Время демонстрации фиксационного объекта и стимульных изображений составляло 5 секунд, переходы между слайдами – «растворение», слайд со схематическими экспрессиями переключался экспериментатором после получения ответа, запуская следующую эмоциональную серию.

Непосредственно перед проведением процедуры индукции с участниками проводилась образовательная беседа с использованием методов сказкотерапии.

Детям разъясняли, что такое эмоции, какие бывают эмоции и как они проявляются. Экспериментатор просил вспомнить известные детям сказки и сказочных героев. В игровой форме совместно с экспериментатором, используя прилагательные, участники эксперимента наделяли героев эмоциональными характеристиками (например, веселый, злой, удивленный, печальный, страшный, испуганный, презрительный и др.). Параллельно с этим ребенок и экспериментатор невербально (пантомимически) демонстрировали друг другу, как они внешне выражаются. Затем ребенок при помощи релаксационных упражнений вводился в спокойное состояние. В качестве упражнений, например, ребенку давалось задание за одну минуту (ни больше ни меньше, как можно точнее, ведя подсчет времени в уме) дойти от одной стены до другой. Детям более младшего возраста давалось задание рисовать геометрические фигуры (линии, круг, треугольник).

Видеорегистрация естественных экспрессий. Видеорегистрация индуцированных естественных экспрессий выполнялась параллельно с демонстрацией аффективных стимульных изображений. Демонстрация стимульных изображений выполнялась на мониторе ноутбука ASUS Eee PC 1005PE, диагональю 10,4 дюйма, экран с разрешением 1024x600 точек, который располагался на столе в 60 сантиметрах от края, перед которым сидел ребенок. Ребенок сажался на неподвижный стул с регулируемой высотой, который вплотную придвигался к краю стола, за спиной на стене закреплялся белый фон. Ребенка просили сесть поудобнее и постараться не передвигаться. Видеорегистрация выполнялась крупным планом до плечевого пояса в анфас при помощи камеры высокого разрешения Panasonic Lumix DMC-LX7, которая устанавливалась на штативе на расстоянии 70 сантиметров от края стола, перед которым сидел ребенок. Запись производилась в формате AVCHD с прогрессивной разверткой PSH, разрешением 1920x1080 с частотой 50 fps. Используемое фокусное расстояние – 50 мм (эквивалент формата 35 мм). Время выполнения заданий участниками занимало от 3,33 до 8,54 минут. В общем плане получено 57,62 минут видеозаписей высокого разрешения с индуцированными эмоциональными экспрессиями детей. Однако необходимо отметить, что процедура видеорегистрации требует доработки. Зачастую из-за подвижности ребенка было сложно выдерживать ракурс съемки, и изображения получались немного искаженными. В результате изображения экспрессий получались с небольшим наклоном вперед, который может влиять на оценку эмоционального состояния, например, уклоном в сторону гнева/раздражения и стыда/вины.

В процедуре индукции приняли участие 10 детей в возрасте от 3 до 12 лет (один мальчик и девять девочек). Один ребенок младшего дошкольного возраста (девочка 3,5 лет), один – старшего дошкольного возраста (мальчик 6 лет), четыре – младшего школьного возраста, четверо – среднего школьного возраста. Один ребенок (девочка 8 лет), со слов матери, с установленным диагнозом легкой степени аутизма. Две девочки сестры-близнецы (11 лет), при выполнении заданий обе находились в помещении и наблюдали друг за другом; трое детей – мальчик (7 лет) и две девочки (9 и 12 лет) – сиблинги, также при выполнении

заданий все находились в помещении в присутствии матери. При выполнении задания девочкой 3,5 лет присутствовал отец. Все остальные дети при съемках находились без сопровождения родителей с их письменного согласия.

Этические аспекты. Участие детей в процедурах индукции и оценки проводилось с их устного согласия и письменного информированного согласия родителей. Родителям детально разъяснялись цели и задачи экспериментов, содержание и ход выполнения заданий, и были получены письменные согласия на участие их детей в экспериментальных исследованиях. В заявлении родители давали согласие на то, что видео и/или фотоизображения детей могут быть использованы в научных и/или образовательных целях и могут быть опубликованы в научных статьях при том, что не будут разглашаться персональные данные родителей и их ребенка (фамилии, имена, отчества). А также, в случае публикации или представления получаемых результатов исследований в статьях, на конференциях, при обучении студентов психологических факультетов, на видео и фотоизображениях, не будет маскироваться лицо и голос их ребенка.

При участии детей до 6 лет присутствие родителей было обязательным, при участии детей старше 6 лет – по желанию.

На рисунке 3 представлены раскодированные динамические естественные экспрессии базовых эмоций, полученные в процессе индукции (рис. 3).

Рис. 3-а. Естественная динамическая экспрессия страха (5 сек)
(определяемая ребенком как ужас)

Рис. 3-б. Естественная динамическая экспрессия радости (14 сек)

Рис. 3-в. Естественная динамическая экспрессия страха (4 сек)

Рис. 3-г. Естественная динамическая экспрессия печали (6 сек)

На рисунках 3-д – 3-ж представлены микровыражения с обозначением единиц действия (ЕД) (action unite (AU)) (Ekman, Friesen, 1978). ЕД – это основные действия отдельных мышц или групп мышц. Экман и Фризен проанализировали взаимосвязь между движением ЕД и выражением лица по «Системе кодирования эмоций и действий лица» (EMFACS) и заявили, что ЕД являются комплексными проявлениями движений мимических мышц, а не проявления отдельной мышцы. Во-первых, потому что они при одновременном проявлении работы двух или более мышц объединяются в одну ЕД, так как их проявление невозможно разделить. И во-вторых, проявления, вызванные одной мышцей, иногда разделяют на две или более ЕД, чтобы представить относительно независимые действия разных частей мышцы (Friesen, Ekman, 1983; Yao et.al., 2021).

Рис. 3-д. Естественное динамическое микровыражение отвращения (нос наморщен, щеки приподняты, брови слегка опущены, глаза слегка сужены (AU-9); верхняя губа слегка приподнята, выражены носогубные складки, ноздри слегка растянуты (AU-10); (время протекания около 1100 мс, между первым и третьим изображением 55 кадров).

Рис. 3-е. Естественное динамическое микровыражение гнева (брови слегка опущены и слегка сведены к переносице (AU-4+5); параллельно протекающее микровыражение презрения (в динамике инервируется правая носогубная складка); (время протекания около 880 мс, между первым и третьим изображением 44 кадра).

Рис. 3-ж. Естественные динамические экспрессии: спокойствие => радость (прищуренные глаза (AU-6)); презрение (приподнят левый уголок рта) => отвращение (уголки губ опущены, кожа на подбородке напряжена (AU-15+17) => затухание переживания (время протекания около 6 сек.)

На рисунках представлены примеры естественных экспрессий ярко выраженных базовых эмоций (рис. 3 - а, б, в, г) и примеры микровыражений базовых эмоций (рис. 3 - д, е, ж), которые отличаются фрагментарностью (проявляются в отдельных зонах лица: верхняя – лоб и брови; средняя – глаза и область носа; нижняя – от кончика носа до нижнего края подбородка) и скоротечностью. В общем плане удалось получить ярко выраженные естественные экспрессии базовых эмоций «радости», «страха» (ужаса), «грусти» (печали) и широкий спектр динамических микровыражений практически всех базовых эмоций. Уникальность полученных динамических изображений заключается в том, что, в отличие от ярко выраженных экспрессий, исследовать восприятие микроэкспрессий на статических изображениях не представляется возможным. Наиболее скоротечные микровыражения на временных интервалах 250-300 мс и ниже могут быть продемонстрированы только в динамике, так как в статике они просто не идентифицируются. Например, на рис. 3-е статическое изображение микровыражения презрения без специальных знаний может быть идентифицировано только либо высоко квалифицированным экспертом, хорошо знакомым с системой кодирования лицевых экспрессий Пола Экмана (Ekman, Friesen, 1978), либо на динамическом изображении внимательным наблюдателем, знакомым с эмоциональными экспрессиями базовых эмоций.

Результаты самооценки индуцированных эмоций. Результаты самооценки индуцированных эмоций, выполненные методом альтернативного выбора при помощи схематических экспрессий Медлей непосредственно после каждой серии стимульных воздействий, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты самооценки индуцированных эмоций участниками по методу альтернативного выбора

№	Модальность стимульных изображений	Участники			
		Девочка (близнец-1) (11 лет)	Девочка (близнец-2) (11 лет)	Девочка (6 лет)	Девочка (3 года)
Выбор схематических экспрессий					
1.	Радость	Радость	Радость	Радость	Радость
2.	Страх	Страх	Страх	Злость	Радость
3.	Удивление	Удивление	Нет ответа	Удивлен.	Радость
4.	Горе (печаль)	Горе	Горе	Горе	Горе
5.	Гнев	Гнев	Презрение	Злость	Отвращен.
6.	Отвращение	Отвращение	Страх	Презрение	Презрение
7.	Презрение	Презрение	Нет ответа	Презрение	Злость

В таблице 2 представлены результаты ответов четырех участников, в числе которых две девочки (в возрасте 6 и 3 лет) участвовали в целях апробации процедуры самооценки при помощи схематических экспрессий на детях более младшего возраста. Одной из двух других участниц (11 лет) выборы схематических изображений полностью совпадают с модальностью визуального

контента, используемого для индукции эмоций. На рисунке 3-ж та же участница демонстрирует спонтанные микровыражения в процессе индукции эмоции «отвращение». Вместе с тем, проявилась стандартная ошибка в оценке индуцированного «гнева», оцениваемого как презрение и/или отвращение, характерная для данного возраста. Участница 3-х летнего возраста получала инструкцию и стимульные воздействия, разработанные для детей младшего и среднего школьного возраста, что, вероятно, отразилось на самооценке при восприятии изображений страха.

Обсуждение результатов

Анализ ответов участников в форме беседы с экспериментатором также показал, что восприятие визуального контента – стимульных изображений «радости» – описывается аналогичными терминами всеми участниками, независимо от возраста (мальчик 6 лет, девочки 9 - 12 лет). Как и в процедуре с выбором схематических изображений, наиболее часто легко и правильно дети описывали стимульные изображения «радости» как вызывающие радость, например, «радость из-за того, что они дружат». Стимульные изображения «страха» достаточно легко описываются как страх. «Удивление», на котором изображены неожиданные встречи мультипликационных персонажей, описывались терминами: радость, веселье, доброта. «Горе» (печаль) могли быть определены, как «жалость», но чаще правильно определялись как грусть. Изображения «гнева» могли описываться в терминах страх/злые, а «отвращение» как неприятность или злые. Мальчик 6 лет негативные стимульные изображения описывал в терминах: ужас/ужасно, страх/страшно, за исключением «отвращения», которое описать не смог; позитивные стимульные изображения («радость», «удивление») описывал, как вызывающие радость. Девочка 9 лет с диагнозом расстройства аутистического спектра, на удивление, продемонстрировала высокую степень эрудиции при описании стимульных изображений, например, при демонстрации стимульных изображений страха описала их в терминах: «страх/очень страшно, отвращение какое-то было». Стимульные изображения «удивления» описала в терминах страха: «такое немного волнение..., что с каждым из персонажей что-то случится». После прояснения экспериментатором пояснила: «например, съедят кого-то или что-то еще». Изображения «горя» описала двумя понятиями «печаль, грусть». Изображения «страха» описала как «отвращение не очень сильное». «Отвращение» описала фразой «отвратительно, гадость просто какая-то». Наконец изображения «презрения» оценила с иронией и описала их как «смешные, забавные, хорошие персонажи». По всей вероятности, развитию ребенка родители уделяют пристальное внимание, ребенок демонстрирует жизнерадостность, хотя и присутствуют признаки аутичности (голова преимущественно склоняется вперед, взгляд исподлобья).

Таким образом, можно отметить, что возможность индуцирования эмоциональных переживаний базовых эмоций у детей младшего и среднего школьного возраста при помощи визуального статического контента оказалась значитель-

но сложнее, чем предполагалось, и зависит от индивидуальных и возрастных особенностей детей. Например, дети в возрасте 6, 9 лет, как правило, реагируют на предъявляемые статические изображения яркими переживаниями, сопровождающимися выраженными естественными мимическими экспрессиями на лице. В то же время дети в возрасте 11-12 лет реагируют на статические изображения менее ярко, переживания выражены слабо и сопровождаются фрагментарными микроэкспрессиями на лице; но они же оценивают модальность предъявляемого контента, индуцирующего эмоции более точно.

Наибольшие трудности в индукции базовых эмоций вызывают эмоции «гнева», «отвращения» и «презрения». Хотя «отвращение» как базовая эмоция, имеющая универсальную экспрессию, по всей вероятности, должна распознаваться с раннего возраста. В своей работе Вайден и Рассел поясняют, что в течение первых 5 лет дети испытывают отвращение, выражают его мимически на лице, развивают понятие «отвращение», понимают и произносят понятие «отвращение» или его синонимы, знают о причинах и последствиях отвращения и выделяют отвращение у других в контексте ситуации или поведения. В то же время, навык распознавания отвращения по выражению лица приобретает медленнее. Постепенное улучшение приводит к тому, что более половины 9-ти летних детей демонстрируют экспрессию отвращения при переживании этой эмоции, развитие с постепенным улучшением продолжается до позднего подросткового возраста или ранней взрослости. Результаты исследований показывают, что большинство детей до 8 лет, принявших участие в исследованиях, считают, что экспрессия отвращения на лице указывает на гнев (Widen & Russell, 2013).

В перспективе продолжение работ в этой области, выполняемых в рамках текущего проекта, может быть направлено на разработку диагностической методики и обучающих программ, предназначенных для изучения аффективных понятий в контексте социальных ситуаций, и на развитие навыков распознавания эмоциональных экспрессий у детей дошкольного, младшего и среднего школьного возрастов. Разработанный в данном проекте динамический стимульный материал графических emoji-экспрессий базовых эмоций (Хозе и др., 2021; 2021), а также подготовленные уникальные, экологически валидные динамические экспрессии естественных эмоций могут быть использованы в программах обучения детей.

Заключение

В данной работе с учетом возрастных особенностей, выражающихся в слабой сформированности вербального аффективного словаря, разработаны процедуры индукции и самооценки эмоциональных состояний у детей младшего и среднего школьного возраста. Подготовлен визуальный контент – статические стимульные изображения – для индукции базовых эмоций и выполнена их качественная оценка и апробация с участием экспертов – сотрудников Центра поддержки семьи и детства, детей и подростков. Проведены процедуры индукции и самооценки эмоциональных состояний базовых эмоций у детей младше-

го и среднего школьного возраста. Получены видеоизображения естественных эмоциональных экспрессий базовых эмоций детей. Выполнена процедура аннотирования видеозаписей, размечены спонтанные микро- и ярко выраженные экспрессии базовых эмоций. В дальнейшем планируется валидизация и создание базы детских спонтанных динамических экспрессий базовых эмоций.

Литература

- Пилипко Н.В.* Приглашение в мир общения. Развивающие занятия по психологии для младших классов. Часть 1, тетрадь 2. Москва, УЦ «Перспектива», 2007. 64 с.
- Пилипко Н.В.* Приглашение в мир общения. Развивающие занятия по психологии для младших классов. Часть 2. Москва, УЦ «Перспектива», 2004. 96 с.
- Хозе Е.Г., Басюл И.А., Лупенко Е.А., Юрьева М.В., Маринова М.М.* Семантическое сходство и различие в оценках вербальных обозначений базовых эмоций детьми младшего школьного возраста и взрослыми // Экспериментальная психология. Т. 14. № 3. 2021. С. 138–151. doi: 10.17759/expsy.2021140310.
- Хозе Е.Г., Лупенко Е.А., Юрьева М.В., Маринова М.М., Басюл И.А.* ГЛАВА 27 Эмодзи — экспрессии базовых эмоций как стимульный материал для исследования эмоциональной сферы детей. В книге: Лицо человека в контекстах природы, технологии и культуры. Московский институт психоанализа. Москва, 2021. С. 421–431.
- Golan O., Baron-Cohen S. & Hill J.* The Cambridge Mindreading (CAM) Face-Voice Battery: Testing Complex Emotion Recognition in Adults with and without Asperger Syndrome. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2006. V. 36. P. 169–183.
- Barnett M.A., King L.M. & Howard J.A.* Inducing affect about self and other: Effects on generosity in children. *Developmental Psychology*. 1979. V. 2. P. 164–167.
- Baumann D.J., Cialdini R.B. & Kendrick D.T.* Mood and sex differences in the development of altruism as hedonism. *Academic Psychology Bulletin*. 1983. V. 5. P. 299–307.
- Barnett M.A., King L.M. & Howard J.A.* Inducing affect about self and other: Effects on generosity in children. *Developmental Psychology*. 1979. V. 2. P. 164–167.
- Bower G.H.* Mood and memory. *Am. Psychol*. 1981. V. 36. P. 129–148. doi:10.1037/0003-066X.36.2.129.
- Brenner E.* Mood Induction in Children: Methodological Issues and Clinical Implications // *Review of General Psychology*. 2000. V. 4. № 3. P. 264–283. doi:10.1037/1089-2680.4.3.264.
- Carlson C.R., Felleman E.S., & Masters, J.C.* Influence of children's emotional states on the recognition of emotion in peers and social motives to change another's emotional state. *Motivation and Emotion*. 1983. V. 7. P. 61–79.
- Carlson C.R. & Masters J.C.* Inoculation by emotion: Effects of positive emotional states on children's reactions to social comparison. *Developmental Psychology*. 1986. V. 22. P. 760–765.

- Clark D.M.* On the induction of depressed mood in the laboratory: Evaluation and comparison of the Velten and musical procedures. *Advances in Behavior Research and Therapy*. 1983. V. 5. P. 27–49
- Davis M.A.* Understanding the relationship between mood and creativity: a meta-analysis. *Organ. Behav. Hum. Decis. Process*. 2009. V. 108. P. 25–38. doi:10.1016/j.obhdp.2008.04.001.
- Eisenberg N., Schaller M., Fabes R.A., Bustamante D., Mathy R.M. & Rhodes K.* Differentiation of personal distress and sympathy in children and adults. *Developmental Psychology*. 1988. V. 24. P. 766–775.
- Ekman P., Friesen W.V. & Ellsworth P.* Emotion in the human face: Guidelines for research and integration of findings. New York: Pergamon Press. 1971.
- Ekman P., Friesen W.* Facial Action Coding System: A Technique for the Measurement of Facial Movement. Palo Alto: Consulting Psychologists Press. 1978.
- Friesen W., Ekman P.* EMFACS-7: emotional facial action coding system. Unpublished manual, University of California, California. 1983.
- Fry P.S.* Affect and resistance to temptation. *Developmental Psychology*. 1975. V. 11. P. 466–472.
- Fry P.S. & Preston J.* Achievement performance of positive and negative affect subjects and their partners under conditions of cooperation and competition. *British Journal of Social Psychology*. 1981. V. 20. P. 23–29.
- Gendolla G.H.E.* On the impact of mood on behavior: an integrative theory and a review. *Rev. Gen. Psychol.* 2000. V. 4. P. 378–408. doi: 10.1037/1089-2680.4.4.378.
- Graves K.J. & Lahey B.B.* The effects of induced affective states on letter discrimination in disadvantaged preschool children. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 1981. V. 3. P. 149–154.
- Goodwin A.M. & Williams J.M.G.* Mood induction research — Its implications for clinical depression. *Behaviour Research and Therapy*. 1982. V. 20. P. 373–382.
- Gross J.J. & Levenson R.W.* Emotion elicitation using films. *Cognition and Emotion*. 1995. V. 9. P. 87–108.
- Isen A.M. and Gorgoglione J.M.* Some specific effects of four affect-induction procedures. *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 1983. V. 9. P. 136–143. doi:10.1177/0146167283091019.
- Kenealy P.M.* The Velten mood induction procedure: A methodological review. *Motivation and Emotion*. 1986. V. 10. P. 315–335.
- Kendrick D.T., Baumann D.J. & Cialdini R.B.* A step in the socialization of altruism as hedonism: Effects of negative mood on children's generosity under public and private conditions. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. V. 37. P. 747–755.
- Kuijsters A., Redi J., de Ruyter B. and Heynderickx I.* Lighting to make you feel better: improving the mood of elderly people with affective ambiances. *PLoS ONE*. 2015. 10:e0132732. doi:10.1371/journal.pone.0132732.
- Ko B.C.* A brief review of facial emotion recognition based on visual information. 2018. *Sensors* 18 (2). doi:10.3390/s18020401.
- Khan R.A., Arthur C., Meyer A., Bouakaz S.* A novel database of Children's Spontaneous Facial Expressions (LIRIS-CSE). *Image and Vision Computing*. 2019. V. 83–84. P. 61–69. doi:10.1016/j.imavis.2019.02.004.

- Lang P.J., Bradley M.M. and Cuthbert B.N.* International Affective Picture System (IAPS): Affective Ratings of Pictures and Instruction Manual. Technical Report A-8. Gainesville, FL: University of Florida. 2008.
- Larson R.J. & Sinnett L.M.* Meta-analysis of experimental manipulations: Some factors affecting the Velten mood induction procedure. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1991. V. 17. P. 323–334.
- Martin M.* On the induction of mood. *Clinical Psychology Review*. 1990. V. 10. P. 669–697
- Masters J.C., Barden R.C. & Ford M.E.* Affective states, expressive behavior, and learning in children. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. V. 37. P. 380–390.
- Masters J.C., Felleman E. S. & Barden R.C.* Experimental studies of affective states in children. In Lahey B.B. & Kazdin A.E., *Advances in clinical child psychology*. New York: Plenum. 1981. V. 4. P. 91–114.
- Mayer J.D., Allen J.P. & Beauregard K.* Mood inductions for four specific moods: A procedure employing guided imagery vignettes with music. *Journal of Mental Imagery*. 1995. V. 19. P. 133–150.
- Mayberg H.S., Liotti M., Brannan S.K., McGinnis S., Mahurin R.K., Jerabek P.A., et al.* Reciprocal limbic-cortical function and negative mood: converging PET findings in depression and normal sadness. *Am. J. Psychiatry*. 1999. V. 156. P. 675–682. doi:10.1176/ajp.156.5.675.
- Medlej J.* Human anatomy fundamentals: mastering facial expressions. Jun 5, 2014. URL: <https://design.tutsplus.com/ru/tutorials/human-anatomy-fundamentals-mastering-facial-expressions--cms-21140>.
- Moore B.S.* Behavioral consequences of affect. In Lewis M. & Saarni C. *The socialization of emotions*. New York: Plenum. 1985. P. 213–237.
- Moore B.S., Underwood B. & Rosenhan D.L.* Affect and altruism. *Developmental Psychology*. 1973. V. 11. P. 99–104.
- Pantic M.* Machine analysis of facial behaviour: naturalistic and dynamic behaviour, *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2009. V. 364. P. 3505–3513.
- Potts R., Morse M., Felleman E. & Masters J. C.* Children's emotions and memory for affective narrative content. *Motivation and Emotion*. 1986. V. 10. P. 39–57.
- Pignatiello M., Camp C.J., Elder S.T. & Raser L.A.* A psychophysiological comparison of the Velten and musical mood induction techniques. *Journal of Music Therapy*. 1989. V. 26. P. 140–154.
- Rosenhan D.L., Underwood B. & Moore B.* Affect moderates self-gratification and altruism. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. V. 30. P. 546–552.
- Ridgeway D. & Waters E.* Induced mood and preschoolers' behavior: Isolating the effects of hedonic tone and degree of arousal. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. V. 52. P. 620–625.
- Silverman W. K.* Psychological and behavioral effects of mood-induction procedures with children. *Perceptual and Motor Skills*. 1986. V. 63. P. 1327–1333.
- Strack F., Schwarz N. and Gschneidinger E.* Happiness and reminiscing: the role of time perspective, affect, and mode of thinking. *J. Pers. Soc. Psychol.* 1985. V. 49. P. 1460–1469. doi:10.1037/0022-3514.49.6.1460.

- Valstar M.F., Pantic M.* Induced disgust, happiness and surprise: an addition to the mmi facial expression database, in: Proceedings of Int'l Conf. Language Resources and Evaluation, Workshop on EMOTION, Malta. 2010. P. 65–70.
- Vanty D.F. & Vaillant S.K.* Affect and self-gratification. *Journal of Educational Research*. 1975. V. 69. P. 122–124.
- Västfjäll D.* Emotion induction through music: a review of the musical mood induction procedure. *Music. Sci.* 2002. V. 5. P. 173–211. doi:10.1177/10298649020050S107.
- Velten E.* A laboratory task for induction of mood states. *Behaviour Research and Therapy*. 1968. V. 6. P. 473–482.
- Westermann R., Spies K., Stahl G. & Hesse F.W.* Relative effectiveness and validity of mood induction procedures: A meta-analysis. *European Journal of Social Psychology*. 1996. V. 26. P. 557–580.
- Widen S.C. and Russell J.A.* Children's recognition of disgust in others, *Psychological Bulletin*. 2013. V. 139. P. 271–299. URL:<http://www.7gy.ru/shkola/nachalnaya-shkola/776-skazochnye-geroi-po-alfavitu.html>. (Дата обращения 10.10.2021).
- Yao L., Wan Y., Ni H. & Xu B.* Action unit classification for facial expression recognition using active learning and SVM. *Multimed Tools Appl*. 2021. V. 80. P. 24287–24301. doi:10.1007/s11042-021-10836-w.

References

- Pilipko N.V.* Priglasenie v mirobshcheniya. Razvivayushchie zanyatiya po psikhologii dlya mladshikh klassov. Chast' 1, tetrad' 2. Moskva, UTs «Perspektiva», 2007. 64 p. (In Russ.).
- Pilipko N.V.* Priglasenie v mirobshcheniya. Razvivayushchie zanyatiya po psikhologii dlya mladshikh klassov. Chast' 2. Moskva, UTs «Perspektiva», 2004. 96 p. (In Russ.).
- Khoze E.G., Basul I.A., Lupenko E.A., Yuryeva M.V., Marinova M.M.* Semantic Similarity and Difference in the Estimate of Verbal Designations of Basic Emotions by Young School Children and Adults. *Ekspierimental'naâpsihologiâ = Experimental Psychology (Russia)*, 2021. V. 14. № 3. P. 138–151. doi:10.17759/exppsy.2021140310. (In Russ., abstr. in Engl.).
- Khoze E.G., Lupenko E.A., Yur'eva M.V., Marinova M.M., Basyul I.A.* GLAVA 27 Emodzi-ekspressii bazovykh emotsii, kak stimul'nyi material dlya issledovaniya emotsional'noi sfery detei. V knige: Litso cheloveka v kontekstakh prirody, tekhnologii i kul'tury. Moskovskii institute psikhoanaliza. Moskva, 2021. P. 421–431. (In Russ.).
- Golan O., Baron-Cohen S. & Hill J.* The Cambridge Mindreading (CAM) Face-Voice Battery: Testing Complex Emotion Recognition in Adults with and without Asperger Syndrome. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2006. V. 36. P. 169–183.
- Barnett M.A., King L.M. & Howard J.A.* Inducing affect about self and other: Effects on generosity in children. *Developmental Psychology*. 1979. V. 2. P. 164–167.
- Baumann D.J., Cialdini R.B. & Kendrick D.T.* Mood and sex differences in the development of altruism as hedonism. *Academic Psychology Bulletin*. 1983. V. 5. P. 299–307.

- Barnett M.A., King L.M. & Howard J.A.* Inducing affect about self and other: Effects on generosity in children. *Developmental Psychology*. 1979. V. 2. P. 164–167.
- Bower G.H.* Mood and memory. *Am. Psychol.* 1981. V. 36. P. 129–148. doi:10.1037/0003-066X.36.2.129.
- Brenner E.* Mood Induction in Children: Methodological Issues and Clinical Implications // *Review of General Psychology*. 2000. V. 4. № 3. P. 264–283. doi:10.1037/1089-2680.4.3.264.
- Carlson C.R., Felleman E.S., & Masters, J.C.* Influence of children's emotional states on the recognition of emotion in peers and social motives to change another's emotional state. *Motivation and Emotion*. 1983. V. 7. P. 61–79.
- Carlson C.R. & Masters J.C.* Inoculation by emotion: Effects of positive emotional states on children's reactions to social comparison. *Developmental Psychology*. 1986. V. 22. P. 760–765.
- Clark D.M.* On the induction of depressed mood in the laboratory: Evaluation and comparison of the Velten and musical procedures. *Advances in Behavior Research and Therapy*. 1983. V. 5. P. 27–49
- Davis M.A.* Understanding the relationship between mood and creativity: a meta-analysis. *Organ. Behav. Hum. Decis. Process*. 2009. V. 108. P. 25–38. doi:10.1016/j.obhdp.2008.04.001.
- Eisenberg N., Schaller M., Fabes R.A., Bustamante D., Mathy R.M. & Rhodes K.* Differentiation of personal distress and sympathy in children and adults. *Developmental Psychology*. 1988. V. 24. P. 766–775.
- Ekman P., Friesen W.V. & Ellsworth P.* *Emotion in the human face: Guidelines for research and integration of findings*. New York: Pergamon Press. 1971.
- Ekman P., Friesen W.* *Facial Action Coding System: A Technique for the Measurement of Facial Movement*. Palo Alto: Consulting Psychologists Press. 1978.
- Friesen W., Ekman P.* EMFACS-7: emotional facial action coding system. Unpublished manual, University of California, California. 1983.
- Fry P.S.* Affect and resistance to temptation. *Developmental Psychology*. 1975. V. 11. P. 466–472.
- Fry P.S. & Preston J.* Achievement performance of positive and negative affect subjects and their partners under conditions of cooperation and competition. *British Journal of Social Psychology*. 1981. V. 20. P. 23–29.
- Gendolla G.H.E.* On the impact of mood on behavior: an integrative theory and a review. *Rev. Gen. Psychol.* 2000. V. 4. P. 378–408. doi: 10.1037/1089-2680.4.4.378.
- Graves K.J. & Lahey B.B.* The effects of induced affective states on letter discrimination in disadvantaged preschool children. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 1981. V. 3. P. 149–154.
- Goodwin A.M. & Williams J.M.G.* Mood induction research — Its implications for clinical depression. *Behaviour Research and Therapy*. 1982. V. 20. P. 373–382.
- Gross J.J. & Levenson R.W.* Emotion elicitation using films. *Cognition and Emotion*. 1995. V. 9. P. 87–108.
- Isen A.M. and Gorgoglione J.M.* Some specific effects of four affect-induction procedures. *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 1983. V. 9. P. 136–143. doi:10.1177/0146167283091019.
- Kenealy P.M.* The Velten mood induction procedure: A methodological review. *Motivation and Emotion*. 1986. V. 10. P. 315–335.

- Kendrick D.T., Baumann D.J. & Cialdini R.B.* A step in the socialization of altruism as hedonism: Effects of negative mood on children's generosity under public and private conditions. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. V. 37. P. 747–755.
- Kuijsters A., Redi J., de Ruyter B. and Heynderickx I.* Lighting to make you feel better: improving the mood of elderly people with affective ambiances. *PLoS ONE*. 2015. 10:e0132732. doi:10.1371/journal.pone.0132732.
- Ko B.C.* A brief review of facial emotion recognition based on visual information. 2018. *Sensors* 18 (2). doi:10.3390/s18020401.
- Khan R.A., Arthur C., Meyer A., Bouakaz S.* A novel database of Children's Spontaneous Facial Expressions (LIRIS-CSE). *Image and Vision Computing*. 2019. V. 83–84. P. 61–69. doi:10.1016/j.imavis.2019.02.004.
- Lang P.J., Bradley M.M. and Cuthbert B.N.* International Affective Picture System (IAPS): Affective Ratings of Pictures and Instruction Manual. Technical Report A-8. Gainesville, FL: University of Florida. 2008.
- Larson R.J. & Sinnett L.M.* Meta-analysis of experimental manipulations: Some factors affecting the Velten mood induction procedure. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1991. V. 17. P. 323–334.
- Martin M.* On the induction of mood. *Clinical Psychology Review*. 1990. V. 10. P. 669–697
- Masters J.C., Barden R.C. & Ford M.E.* Affective states, expressive behavior, and learning in children. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. V. 37. P. 380–390.
- Masters J.C., Felleman E. S. & Barden R.C.* Experimental studies of affective states in children. In Lahey B.B. & Kazdin A.E., *Advances in clinical child psychology*. New York: Plenum. 1981. V. 4. P. 91–114.
- Mayer J.D., Allen J.P. & Beauregard K.* Mood inductions for four specific moods: A procedure employing guided imagery vignettes with music. *Journal of Mental Imagery*. 1995. V. 19. P. 133–150.
- Mayberg H.S., Liotti M., Brannan S.K., McGinnis S., Mahurin R.K., Jerabek P.A., et al.* Reciprocal limbic-cortical function and negative mood: converging PET findings in depression and normal sadness. *Am. J. Psychiatry*. 1999. V. 156. P. 675–682. doi:10.1176/ajp.156.5.675.
- Medlej J.* Human anatomy fundamentals: mastering facial expressions. Jun 5, 2014. URL: <https://design.tutsplus.com/ru/tutorials/human-anatomy-fundamentals-mastering-facial-expressions--cms-21140>.
- Moore B.S.* Behavioral consequences of affect. In Lewis M. & Saarni C. *The socialization of emotions*. New York: Plenum. 1985. P. 213–237.
- Moore B.S., Underwood B. & Rosenhan D.L.* Affect and altruism. *Developmental Psychology*. 1973. V. 11. P. 99–104.
- Pantic M.* Machine analysis of facial behaviour: naturalistic and dynamic behaviour, *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2009. V. 364. P. 3505–3513.
- Potts R., Morse M., Felleman E. & Masters J. C.* Children's emotions and memory for affective narrative content. *Motivation and Emotion*. 1986. V. 10. P. 39–57.
- Pignatiello M., Camp C.J., Elder S.T. & Raser L.A.* A psychophysiological comparison of the Velten and musical mood induction techniques. *Journal of Music Therapy*. 1989. V. 26. P. 140–154.

- Rosenhan D.L., Underwood B. & Moore B.* Affect moderates self-gratification and altruism. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. V. 30. P. 546–552.
- Ridgeway D. & Waters E.* Induced mood and preschoolers' behavior: Isolating the effects of hedonic tone and degree of arousal. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. V. 52. P. 620–625.
- Silverman W. K.* Psychological and behavioral effects of mood-induction procedures with children. *Perceptual and Motor Skills*. 1986. V. 63. P. 1327–1333.
- Strack F., Schwarz N. and Gschneidinger E.* Happiness and reminiscing: the role of time perspective, affect, and mode of thinking. *J. Pers. Soc. Psychol.* 1985. V. 49. P. 1460–1469. doi:10.1037/0022-3514.49.6.1460.
- Valstar M.F., Pantic M.* Induced disgust, happiness and surprise: an addition to the mmi facial expression database, in: *Proceedings of Int'l Conf. Language Resources and Evaluation, Workshop on EMOTION, Malta*. 2010. P. 65–70.
- Vanty D.F. & Vaillant S.K.* Affect and self-gratification. *Journal of Educational Research*. 1975. V. 69. P. 122–124.
- Västfjäll D.* Emotion induction through music: a review of the musical mood induction procedure. *Music. Sci.* 2002. V. 5. P. 173–211. doi:10.1177/10298649020050S107.
- Velten E.* A laboratory task for induction of mood states. *Behaviour Research and Therapy*. 1968. V. 6. P. 473–482.
- Westermann R., Spies K., Stahl G. & Hesse F.W.* Relative effectiveness and validity of mood induction procedures: A meta-analysis. *European Journal of Social Psychology*. 1996. V. 26. P. 557–580.
- Widen S.C. and Russell J.A.* Children's recognition of disgust in others, *Psychological Bulletin*. 2013. V. 139. P. 271–299. URL:<http://www.7gy.ru/shkola/nachalnaya-shkola/776-skazochnye-geroi-po-alfavitu.html>. (Дата обращения 10.10.2021).
- Yao L., Wan Y., Ni H. & Xu B.* Action unit classification for facial expression recognition using active learning and SVM. *Multimed Tools Appl.* 2021. V. 80. P. 24287–24301. doi:10.1007/s11042-021-10836-w.

Информация об авторах

Хозе Евгений Геннадиевич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Центра экспериментальной психологии, заведующий лабораторией экспериментальной и практической психологии, доцент кафедры общей психологии, Институт экспериментальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9355-1693>, email: house.yu@gmail.com

Кулагин Сергей Павлович, Центр поддержки семьи и детства Северо-западного административного округа, г. Москва, Россия, e-mail: kulagin-sp@mail.ru

Лупенко Елена Анатольевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Центра экспериментальной психологии, Институт экспериментальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет; Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4026-7581>, e-mail: elena-lupenko@yandex.ru

Басюл Иван Андреевич, младший научный сотрудник, лаборатория познавательных процессов и математической психологии, Институт психологии Российской академии наук; преподаватель кафедры общей психологии, Московский институт психоанализа; лаборант-исследователь, Институт экспериментальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3153-2096>, e-mail: ivbasul@gmail.com

Маринова Мария Михайловна, помощник директора Института экспериментальной психологии, специалист по УМП, Московский государственный психолого-педагогический университет; аспирант, Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8862-4007>, e-mail: marinovamm@yandex.ru

Information about the authors

Evgeny G. Khoze, Ph.D. in Psychology, Senior Researcher at the Center of Experimental Psychology, Institute of Experimental Psychology, Moscow State University of Psychology & Education; Head of the Laboratory of Experimental and Practical Psychology, Associate Professor at the General Psychology Department, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9355-1693>, e-mail: house.yu@gmail.com

Sergey P. Kulagin, North-Western Administrative District Family and Children's Support Centre, Moscow, Russia, e-mail: kulagin-sp@mail.ru

Elena A. Lupenko, Ph.D. in Psychology, Senior Researcher, Center for Experimental Psychology, Institute of Experimental Psychology, Moscow State University of Psychology & Education; Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4026-7581>, e-mail: elena-lupenko@yandex.ru

Ivan A. Basul, Junior Researcher, Laboratory of Cognitive Processes and Mathematical Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; Lecturer, Department of General Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3153-2096>, e-mail: ivbasul@gmail.com

Maria M. Marinova, Assistant Director of the Institute of Experimental Psychology, Academic Services Specialist, Moscow State University of Psychology & Education; Postgraduate Student, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8862-4007>, e-mail: marinovamm@yandex.ru

Получена: 12.01.2022

Принята в печать: 30.09.2022

Received: 12.01.2022

Accepted: 30.09.2022

РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ И ЕГО СВЯЗЬ С КОНТРОЛЕМ ПОВЕДЕНИЯ У РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Г.А. ВИЛЕНСКАЯ

Институт психологии Российской академии наук,
г. Москва, Россия

В рамках системно-субъектного подхода и концепции контроля поведения изучалась роль контроля поведения родителей в формировании родительского отношения к ребенку и развитию контроля поведения у детей. Изучение взаимосвязи родительского и детского контроля поведения в сочетании с характеристиками родительского воспитания даст возможность понять механизмы комплексного влияния родительского поведения на различные аспекты саморегуляции ребенка. Вклад родителей в развитие контроля поведения детей оценивался не только прямо (взаимосвязи контроля поведения родителей с контролем поведения детей), но и опосредованно – через стиль родительского воспитания. Участвовали 130 пар родитель-ребенок. В качестве методик исследования применены опросник контроля поведения, разрабатываемый в лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ИПРАН (Е.А. Сергиенко, И.И. Ветрова, Г.А. Виленская), опросник ОРО Варги-Столина, опросник BRIEF для родителей. Обнаружено, что контроль поведения родителей связан с контролем поведения детей через характер родительского отношения, при этом наибольший вклад в контроль поведения детей вносят принятие, симбиоз, авторитарная гиперсоциализация и инфантилизация детей, а с контролем поведения родителей наиболее тесно связаны принятие ребенка и авторитарная гиперсоциализация.

Ключевые слова: контроль поведения, родительское отношение, младшие школьники, когнитивный контроль, эмоциональный контроль, волевой контроль, принятие, кооперация, гиперсоциализация.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию 0138-2022-0005 «Онто- и субъектогенез психического развития человека в разных жизненных ситуациях»

Для цитаты: *Виленская Г.А.* Родительское отношение и его связь с контролем поведения у родителей и детей младшего школьного возраста // *Познание и переживание.* 2022. Т. 3. № 3. С. 87–103. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_05.

Для контактов: Виленская Галина Альфредовна, vga2001@mail.ru

PARENTAL ATTITUDE AND ITS RELATIONSHIP WITH THE CONTROL OF BEHAVIOR IN PARENTS AND CHILDREN OF PRIMARY SCHOOL AGE

GALINA A. VILENSKAYA

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Within the framework of the system-subject approach and the concept of behavioral control, the role of parental behavioral control in the development of parental attitudes and the development of behavioral control in children was studied. The investigation of the relationship between parental and child behavioral control in combination with the characteristics of parental child-rearing will provide an opportunity to understand the mechanisms of the complex influence of parental behavior on various aspects of the child's self-regulation. The contribution of parents to the development of children's behavioral control was assessed as directly (the relationship between control of parental behavior and control of children's behavior), as indirectly – through the style of parenting. 130 parent-child pairs participated. For assessment, a behavioral control questionnaire developed in the laboratory of psychology of the development of a subject in normal and post-traumatic states of the IPRAN (E.A. Sergienko, I.I. Vetrova, G.A. Vilenskaya), the questionnaire of parental attitudes, BRIEF for parents. It was found that parental behavioral control is associated with the child's behavioral control through the parental attitudes, while the greatest contribution to the children's behavioral control is made by acceptance, symbiosis, authoritarian hypersocialization and infantilization of children, and acceptance of the child and authoritarian hypersocialization are most closely associated with the parental behavioral control.

Keywords: behavioral control, parental attitude, children, cognitive control, emotional control, volitional control, acceptance, cooperation, hypersocialization.

Funding. The work was carried out according to the state assignment 0138-2022-0005 «Onto- and subjectogenesis of human mental development in different life situations»

For citation: *Vilenskaya G.A.* Parental attitude and its relationship with the control of behavior in parents and children of primary school age // *Poznanie i perezivanie [Cognition and Experience]*. 2022. V. 3. № 3. P. 87–103. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_05 (in Russ.).

Corresponding author: Galina A. Vilenskaya, vga2001@mail.ru

Несмотря на то, что важность влияния родителей на развитие саморегуляции у детей общепризнана, исследований, касающихся того, как индивидуальные особенности родителей и особенности их саморегуляции связаны с развитием саморегуляции детей, обнаруживается мало.

Например, обнаружено, что если дети демонстрировали высокий уровень негативных эмоций, то экстравертные матери проявляли по отношению к ним повышенный контроль, а если уровень негативных эмоций у детей был низок, то и материнский контроль был понижен (Clark, Kochanska, Ready, 2000). Матери с низкой доброжелательностью чаще вели себя авторитарно по отношению

к детям с эмоциональной дисрегуляцией (Coplan et al., 2008). К сверхконтролю были склонны низкоэмпатичные матери детей с регуляторными проблемами (Clark, Kochanska, Ready, 2000) и матери с высоким уровнем нейротизма в отношении более застенчивого ребенка (Coplan et al., 2008).

В нескольких работах была показана зависимость характера связи родительских воспитательных практик с саморегуляцией детей от индивидуальных особенностей детей. Например, агрессивное поведение у детей с высоким уровнем активности связано с недостаточным родительским присмотром, а у боязливых детей – с применением телесных наказаний (Colder et al., 1997). К усилению экстернатальных поведенческих проблем у детей с низким уровнем доброжелательности приводит авторитарный стиль воспитания, а у детей с низким уровнем сознательности – жесткость и непоследовательность в воспитании (Prinz et al., 2009).

Среди практик родительского воспитания, важных для развития саморегуляции, выделяются такие характеристики, как сензитивность и склонность родителя вмешиваться в жизнь ребенка (Rothbart et al., 2011; Sroufe, 2000).

Сензитивное родительство предполагает своевременный и адекватный ответ родителя на действия и нужды ребенка, что поддерживает ребенка в его регуляторных усилиях; кроме того, ребенок, наблюдая за родителями, может усвоить примеры адекватных регуляторных стратегий (Sroufe, 2000). Склонность к излишнему вмешательству в поведение ребенка приводит к тому, что родители ведут себя излишне директивно, сверхстимулирующе, мешают собственной активности ребенка (Biringen, Robinson & Emde, 2008). В нескольких лонгитюдных исследованиях показаны долговременные негативные эффекты ограничивающего, вмешивающегося, чрезмерно контролирующего материнского поведения, отражающиеся на регуляторных способностях детей. При этом поведение матерей оценивалось в младенчестве, а саморегуляция детей (преимущественно контроль импульсивности) – в раннем возрасте (Taylor et al., 2013) и у младших школьников (Olson et al., 2002). Для отцовского поведения выявлены те же тенденции, но у дошкольников и на более коротком временном отрезке (Stevenson & Cníc, 2013). Еще одно лонгитюдное исследование (2-10 лет) продемонстрировало непрямо влияние материнского сверхконтроля в 2 года через эмоциональную регуляцию и контроль импульсивности в 5 лет на эмоциональные и школьные проблемы в 10 лет (Perry et al., 2018).

Позитивное воспитание (также ассоциирующееся с сензитивностью родителя к ребенку) отрицательно связано с количеством экстернатальных и интернатальных проблем в поведении, а непоследовательное дисциплинирование и применение наказаний связаны с ними положительно (Логинова и др., 2016).

Однако в детско-родительских отношениях могут наблюдаться процессы взаимовлияния. Индивидуальные особенности ребенка в сочетании с поведенческими проблемами могут вести к жестким методам воспитания, которые, в свою очередь, вызывают протестное поведение ребенка (Венар, Кериг, 2007). Например, дети с низким тормозным контролем, демонстрируя высокую степень непослушания, заставляют родителей оставаться сензитивными и воз-

держиваться от вмешательства в детское поведение, вызывая, таким образом, у родителей поведение, более способствующее развития саморегуляции у детей (Masten & Cicchetti, 2010). В то же время в лонгитюдном исследовании было показано опосредующее влияние родительского воспитания на связь личностных особенностей и проблем поведения ребенка: родители неуступчивых детей вели себя раздражительно и часто сердились на детей, и три года спустя у этих детей обнаружили более высокий уровень экстернальных проблем, чем у детей, чьи родители вели себя иным образом (Prinz et al., 2009).

Однако не во всех исследованиях удалось обнаружить связи между сензитивностью родителей, их негативным контролем детского поведения и тормозным контролем у детей (Karreman et al., 2006). В то же время исследования с участием младенцев в основном подтвердили связь между материнской сензитивностью и развитием тормозного контроля, хотя материнское поведение не предсказывало лонгитюдное изменение тормозного контроля (Bernier, Carlson, Whipple, 2010). В другом исследовании (уже младших дошкольников), напротив, позитивное поддерживающее поведение родителей было связано не с исходным уровнем тормозного контроля, а с его ростом, а жесткое, вмешивающееся родительское отношение, наоборот, связывалось с начальным уровнем тормозного контроля, но не с его изменениями (Moilanen et al., 2010). В целом, исследования младенцев и дошкольников показывают, что сензитивное и невмешивающееся родительское поведение способствует развитию у детей тормозного контроля, хотя связи эти в процессе развития могут менять свой характер (Geeraerts et al., 2020). Связь сензитивного и стимулирующего родительского поведения в раннем детстве с хорошим развитием самоконтроля в школьном возрасте подтверждается и в других работах (Gulseven et al., 2021).

В обзоре исследований, проведенных в 1980-2009 гг., были конкретизированы виды родительского поведения, которые способствовали обучению детей саморегуляции. Это были следующие виды: активное участие, обсуждение метакогнитивных процессов, понимание контроля, передача ответственности, эмоциональная отзывчивость, последовательное инструктивное поощрение (Pasternak, Whitebread, 2010). Эти виды поведения также отражают сензитивность родителей к потребностям детей и адекватное реагирование на них, а также поощрение и поддержку детей в их попытках решать сложные когнитивные и метакогнитивные задачи, быть независимыми, принимать самостоятельные решения.

Таким образом, хотя связи родительского поведения и проблем регуляции у детей достаточно активно исследовались, большая часть исследования была сфокусирована на детях раннего и дошкольного возраста, и меньшая часть касалась подростков. О связи родительского отношения и саморегуляции младших школьников известно значительно меньше. В то же время редко исследовались взаимосвязи саморегуляции родителей и их стиля воспитания и очень мало работ, изучающих связь саморегуляции родителя и ребенка. В таких исследованиях изучаются отдельные аспекты саморегуляции и/или родительско-

го отношения. Так, например, метаанализ исследований связи эмоциональной регуляции родителей с характером воспитания детей и эмоциональной регуляцией детей (Zimmer-Gembeck et al., 2022) показывает, что родители с лучшей эмоциональной регуляцией проявляют более позитивное родительское поведение, чем родители, испытывающие трудности в регулировании своих эмоций. Также такие родители имеют детей с меньшим числом интернализированных проблем (тревожность, депрессия и т.д.) и с лучшей эмоциональной регуляцией. В то же время отмечается гетерогенность влияния эмоциональной регуляции родителей на выраженность экстернализованных проблем у детей (непослушание, негативизм, агрессия и т.п.). Авторы отмечают, что связи между поведением детей и родителей сильнее в раннем возрасте, по сравнению со школьным и подростковым.

Когнитивная регуляция детей и родителей изучалась в ряде работ, преимущественно с участием детей дошкольного возраста. Хотя признано, что поддерживающее и поощряющее родительское поведение связано с более успешным развитием исполнительных функций у детей (Bernier et al., 2010), однако далеко не во всех работах эта связь подтверждается. В работе Шредер и Келли (Schroeder, Kelly, 2010), где изучалась связь между исполнительными функциями (ИФ) младших школьников и стилем воспитания, действительно было обнаружено, что с ИФ (планированием, рабочей памятью и торможением импульсивности) у детей наиболее связаны такие характеристики, как семейная организованность, родительская поддержка и установление ограничений родителями. Однако, например, в исследовании Круз-Аланис с коллегами (Cruz-Alanis et al., 2018), оказалось, что суровость родительского отношения связана с наличием у ребенка оппозиционного расстройства, в то время как с теплотой родительского отношения и поведения детей связей обнаружено не было. В работе Као с коллегами (Kao et al., 2018) ни родительская теплота, ни строгость не были связаны с ИФ у детей. В исследовании Susic-Vlasic с коллегами (Susic-Vlasic et al., 2017) были найдены связи родительского поведения (непоследовательность дисциплинирования и ответственное родительство) с некоторыми аспектами ИФ у детей школьного возраста, хотя эффект невелик.

Таким образом, результаты исследований взаимосвязи родительского отношения, саморегуляции детей и саморегуляции родителей, с одной стороны, показывают довольно разноречивые результаты, с другой стороны – фрагментарны, потому что исследуют либо отдельные аспекты регуляции детей и/или родителей, либо связи только между родительским отношением и саморегуляцией детей. В то же время важно понять, в каком соотношении находятся между собой все три составляющие процесса развития саморегуляции: регуляторные способности детей, характер саморегуляции родителей и родительское отношение к ребенку.

Наше исследование выполнено в рамках системно-субъектного подхода (Сергиенко, 2011), и в качестве регулятивной функции субъекта рассматривается контроль поведения – интегративный индивидуальный способ регуляции

поведения. Контроль поведения мы понимаем как психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Контроль поведения рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции. В развитие контроля поведения вносят вклад как генетическая составляющая, так и средовые факторы, в том числе, стиль родительского воспитания (Сергиенко и др., 2010).

Гипотеза исследования: контроль поведения родителей является важным фактором развития контроля поведения у детей младшего школьного возраста, действуя не только прямо (через возможные взаимосвязи контроля поведения детей и родителей в одной семье), но и опосредованно (через выбор родителями определенного стиля воспитания, сопряженного с их регуляторными особенностями).

Общая гипотеза исследования конкретизирована в нескольких *эмпирических гипотезах*.

1. Контроль поведения родителей будет связан с контролем поведения детей положительным образом.
2. Контроль поведения родителей будет закономерно связан с характеристиками их отношения к ребенку (показатели контроля поведения родителей будут положительно связаны с принятием ребенка и кооперацией, отрицательно – с авторитарной гиперсоциализацией и инфантилизацией ребенка).
3. Контроль поведения детей будет закономерно связан с характеристиками родительского отношения (положительно связан с принятием и кооперацией и отрицательно – с авторитарной гиперсоциализацией и инфантилизацией).
4. Стиль родительского воспитания выступает посредником между контролем поведения детей и родителей

Методы исследования

Для оценки *контроля поведения родителей* применялся опросник контроля поведения, разрабатываемый в лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях (Е.А. Сергиенко, И.И. Ветровой, Г.А. Виленской). На данный момент закончена апробация опросника, собрана представительная выборка стандартизации – 640 чел. (50% жен.). Опросник имеет удовлетворительные психометрические характеристики (α Кронбаха 0,85, средняя корреляция между пунктами 0,11), корреляции с другими опросниками сходной тематики («Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, «Шкала контроля за действием» Ю. Куля) доста-

точно высоки ($r=0,3-0,6$), все это позволяет использовать данный опросник в исследовательских целях. Имеет 3 шкалы: когнитивного, эмоционального и волевого контроля и общий показатель контроля поведения (Сергиенко, Виленская, Ветрова, в печати).

Для оценки родительского отношения – опросник ОРО Варги-Столина (Варга, 1988), который широко применяется для исследования родительского отношения, дает возможность сравнения с другими исследованиями (напр., Головей и др., 2015; Суннатова, Адаскина, 2019 и т.д.).

Для оценки контроля поведения детей:

- когнитивный контроль: опросник BRIEF для родителей (пер. и адаптация Е. Ю. Гориной, 2019), шкалы рабочей памяти, планирования, гибкости;
- эмоциональный контроль: опросник BRIEF для родителей (пер. и адаптация Е. Ю. Гориной, 2019), шкала эмоциональной регуляции;
- контроль действий: опросник BRIEF для родителей (пер. и адаптация Е. Ю. Гориной, 2019), шкалы инициативности, мониторинга обратной связи, контроля действий, контроля за вещами.».

Выборку составили 130 родителей (119 матерей и 11 отцов), которые опрашивались либо в Интернете через Google-форму (63 человека), либо при помощи бумажных версий опросников (67 человек). Средний возраст детей составил 9 лет 8 мес., средний возраст родителей – 36,6 лет. Все родители подписывали добровольное информированное согласие на участие в исследовании.

Математическая обработка результатов осуществлялась при помощи пакета программ STATISTICA 6.0; конфирматорный факторный анализ производился при помощи статистического модуля SPSSAmos.

Результаты

Для проверки первой гипотезы был проведен корреляционный анализ показателей контроля поведения родителей и детей. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1
Контроль поведения родителей и детей

	Торможение	Гибкость	Контроль эмоций	Рабочая память	Планирование	Контроль за вещами	Инициативность	Мониторинг
Когнитивный контроль	-.23**	-.21*	-.25**	-.17	-.19*	-.31**	-.16	-.21*
Эмоциональный контроль	-.30**	-.18*	-.34**	-.35**	-.21*	-.37**	-.16	-.24*
Волевой контроль	-.25**	-.07	-.31**	-.30**	-.20*	-.34**	-0.09	-.28*

Примечание: использовался коэффициент корреляции r Спирмена, * – $p < .05$, ** – $p < .01$.

Опросник BRIEF построен следующим образом: чем больше баллов набрал ребенок, тем хуже его контроль поведения, поэтому отрицательные корреляции представляют собой прямые связи между показателями контроля поведения родителей и детей (чем выше контроль поведения родителей, тем выше контроль поведения ребенка).

Первая гипотеза подтвердилась. Почти все компоненты контроля поведения детей и родителей (кроме инициативности) взаимосвязаны между собой.

Для проверки второй гипотезы был проведен корреляционный анализ показателей контроля поведения родителей и стиля родительского воспитания. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Контроль поведения родителей и родительское отношение

	Принятие	Кооперация	Симбиоз	Авторитарная гиперсоциализация	Маленький неудачник
Когнитивный контроль	.38**	.17*	.33**	.33**	-.08
Эмоциональный контроль	.33**	.12	.33**	.28**	-.08
Волевой контроль	.26**	-.001	.37**	.36**	-.04

Примечание: использовался коэффициент корреляции r Спирмена, * – $p < .05$, ** – $p < .01$.

Были обнаружены прямые связи средней силы между показателями контроля поведения родителей и характеристиками стиля родительского отношения к ребенку. Вторая гипотеза подтвердилась частично, т.к. были найдены прямые связи между принятием ребенка и всеми шкалами контроля поведения. Однако кооперация была связана только с когнитивным контролем, и эта связь – на границе уровня значимости, а авторитарная гиперсоциализация была связана также прямыми связями со всеми компонентами контроля поведения. Инфантилизация ребенка (шкала «Маленький неудачник») не имела связей с контролем поведения родителей. Связи контроля поведения с шкалой симбиоза прямые, что противоречит выдвинутой гипотезе.

Для проверки третьей гипотезы был проведен корреляционный анализ контроля поведения детей и родительского отношения. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Контроль поведения детей и родительское отношение

	Принятие	Кооперация	Симбиоз	Авторитарная гиперсоциализация	Маленький неудачник
Торможение	-.48**	.06	-.25*	-.20*	.31**
Гибкость	-.44**	-.00	-0.07	-.24**	.30**
Контроль эмоций	-.48**	-.03	-.19*	-.23**	.25**
Инициативность	-.24*	-.03	-.04	-.24**	.10
Рабочая память	-.38**	-.04	-.17	-.28**	.34**
Планирование	-.50**	-.04	-.15	-.21*	.35**
Контроль вещей	-.49**	.03	-.35**	-.40**	.22**
Мониторинг	-.53**	-.06	-.30**	-.34**	.28**

С контролем поведения детей коррелируют принятие ребенка, симбиоз, авторитарная гиперсоциализация (АГ) и инфантилизация (шкала «Маленький неудачник») ребенка. При этом с высоким контролем поведения ассоциируются высокие значения принятия, АГ и симбиоза, а низкие – инфантилизации. Наиболее высокие значения корреляций у шкалы принятия, т.е. подтверждается важность теплого, поддерживающего родительского отношения для успешного развития контроля поведения.

Для уточнения полученных результатов были построены структурные модели контроля поведения детей, родителей и стиля родительского отношения.

Модель связи контроля поведения родителей и контроля поведения детей имела следующие характеристики: $CMIN=75,215$, $df=14$, $p=.000$, $CMIN/df=5,37$, $GFI=.915$, $AGFI=.60$, $RMSEA=.184$, $CFI=.91$.

Модель связи стиля воспитания и контроля поведения детей имела следующие характеристики: $CMIN=45,093$, $df=16$, $p=.000$, $CMIN/df=2,82$, $GFI=.948$, $AGFI=.75$, $RMSEA=.119$, $CFI=.96$.

Наконец, модель связи контроля поведения родителей и контроля поведения детей через опосредование стилем воспитания имела следующие характеристики: $CMIN=74,944$, $df=44$, $p=.002$, $CMIN/df=1,70$, $GFI=.930$, $AGFI=.810$, $RMSEA=.074$, $CFI=.96$.

Обратный вариант модели – стиль воспитания опосредуется контролем поведения родителей – показывает значительно худшее соответствие эмпирическим данным: $CMIN=150,637$, $df=38$, $p=.000$, $CMIN/df=3,96$, $GFI=.851$, $AGFI=.588$, $RMSEA=.152$, $CFI=.86$.

Конечная модель представлена на рисунке 1.

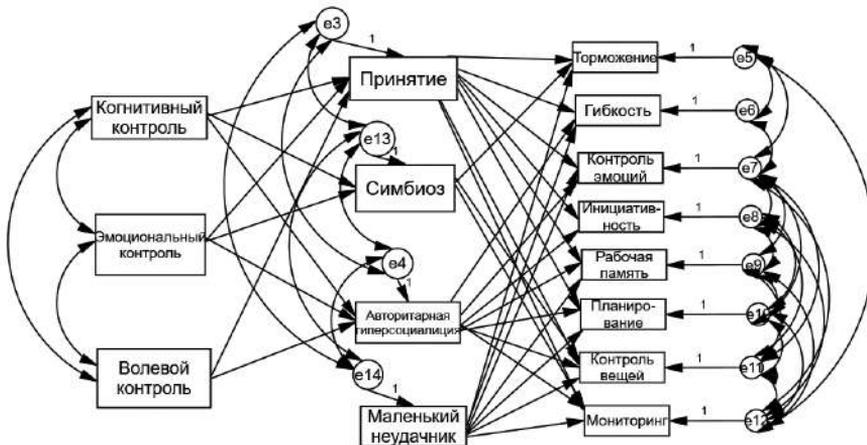

Рис. 1. Структурная модель взаимосвязи контроля поведения родителей и детей с характером родительского отношения

В модель вошли все компоненты контроля поведения родителей и детей. Из характеристик родительского отношения не вошла Кооперация, т.к. она показала наиболее слабые связи с другими показателями и ее включение ухудшает

параметры модели. Инфантилизация не связана с контролем поведения родителей, но связана с контролем поведения детей. Корреляции ошибок показателей контроля поведения у детей объясняются тесными взаимосвязями между всеми его показателями; шкалы родительского отношения также оказались связаны между собой, поэтому введение корреляций их ошибок также оправдано.

Обсуждение результатов

При исследовании взаимосвязи между контролем поведения младших школьников и их родителей, а также стиля родительского отношения было обнаружено, что контроль поведения родителей связан как с контролем поведения детей, так и с родительским отношением к ребенку. В то же время контроль поведения детей предсказывается в основном характеристиками родительского отношения, а не контролем поведения родителей. Только эмоциональный контроль родителей вносит вклад в контроль поведения детей, а когнитивный и волевой контроль родителей – в родительское отношение. Наилучшим образом отражает полученные результаты структурная модель, где контроль поведения родителей опосредованно через характер родительского отношения связан с контролем поведения детей. Наши результаты в целом совпадают с тенденциями, отмечаемыми в литературе.

Контроль поведения родителей связан с контролем поведения детей. Такая связь может возникать в результате усвоения детьми родительских стратегий регуляции. Например, в исследовании Бариолы и коллег показано сходство стратегий эмоциональной регуляции, используемых матерями и детьми младшего школьного и подросткового возраста (Bariola et al., 2012), а в работе Као с коллегами выявлена связь ИФ родителей и детей-дошкольников (Као et al., 2018). В целом в обзоре Циммер-Гимбек с коллегами делается вывод о том, что наиболее сильная связь наблюдается между родительскими и детскими трудностями в регуляции эмоций. Однако возможен и генетический вклад в проблемы с регуляцией (Friedman et al., 2008; Barros et al., 2015).

Были обнаружены связи родительского контроля поведения и отношения к ребенку. Положительно со всеми компонентами родительского контроля поведения оказались связаны принятие ребенка, симбиоз и АГ. Соотношению саморегуляции родителей и их отношения к ребенку посвящено немного работ, и результаты их разноречивы. Так, например, обнаруживаются как положительные связи ИФ матерей с суровым стилем родительского отношения (Cruz-Alanis et al., 2018), так и напротив, более низкие значения ИФ у более строгих родителей (Као et al., 2018). Поскольку в нашем исследовании наблюдаются положительные корреляции между принятием, симбиозом и АГ, можно предположить, что повышенная требовательность к ребенку и отсутствие эмоциональной дистанции между родителем и ребенком входит в культурный образ «хорошего родителя», является элементом социально желательного представления об идеальном родительском поведении, и потому родитель, принимающий и поддерживающий ребенка, демонстрирует также и черты АГ и симбиоза.

Такое предположение может отчасти объяснить полученные результаты о связи материнского отношения и контроля поведения ребенка. Связь принятия, эмоциональной поддержки родителей и саморегуляции ребенка была показана в ряде исследований (Bernier, 2010; Zimmer-Gember et al., 2022). Однако положительный вклад симбиоза и авторитарной гиперсоциализации в контроль поведения детей расходится с большинством литературных данных. Сверхконтролирующее, вмешивающееся родительское поведение ограничивает возможность детей обучиться эффективным стратегиям саморегуляции, научиться самим справляться с трудностями, обращаться к эффективным стратегиям регуляции в отсутствие родителя и т.п. (Zimmer-Gember et al., 2022). Симбиоз и АГ могут быть рассмотрены как аналоги сверхконтроля, вмешательства родителей, отсутствия дистанции между родителем и ребенком. Если высокие значения АГ и симбиоза — это некие «побочные эффекты» принятия и элемент социально желательного образа родителя, то положительный вклад этих характеристик в контроль поведения ребенка становится объяснимым.

Построенная на основе полученных взаимосвязей структурная модель, связывающая контроль поведения детей и родителей с родительским отношением, показывает, что родительское отношение является опосредующим звеном между контролем поведения родителя и ребенка. Такие характеристики родительского отношения, как принятие и авторитарная гиперсоциализация, оказываются связаны и с родительским, и с детским контролем поведения. Видимо, через них происходит трансляция родительских стратегий поведения детям. При этом степень инфантилизации ребенка не связана с контролем поведения родителей, но тесно связана с контролем поведения ребенка. Тогда она может быть реакцией на поведение ребенка — либо непосредственно на уровень его контроля поведения, либо на связанные с ним характеристики (показана положительная связь инфантилизации ребенка и наличия у ребенка тревожности, неуверенности, агрессивности и т.п. (Суннатова, Адаскина, 2019)). В то же время в статье Л.А. Головей с соавторами отмечается, что тенденция к инфантилизации ребенка может быть проявлением личностных проблем родителей, решаемых за счет ребенка (Головей и др., 2015). Дальнейшие исследования могут прояснить причинно-следственные связи в становлении детско-родительских отношений и развитии регуляции ребенка.

Ограничения исследования связаны с тем, что в работе использовались только опросники для родителей, что дает односторонний взгляд на характер контроля поведения детей: родители воспринимают поведения детей через призму собственных индивидуальных особенностей, могут стремиться давать социально желательные ответы и т.д., кроме того, опросник родительского отношения имеет очевидные психометрические недостатки (см., например, Галасюк, Митина, 2017) и может не полностью отражать особенности отношения родителя к ребенку. Наконец, выборка почти целиком состоит из матерей, что не позволяет оценить роль и характер участия отца в воспитании детей и становлении их контроля поведения.

Выводы

Детская и родительская саморегуляция связаны. Родители с более высоким контролем поведения имеют детей также с более высоким контролем поведения.

Эта связь опосредуется стилем родительского воспитания.

Для успешного развития регуляции ребенка благоприятно принимающее и поддерживающее родительское поведение с признанием компетентности ребенка. В то же время высокая требовательность и тесная эмоциональная связь ребенка и родителя также могут способствовать развитию контроля поведения ребенка.

Литература

- Варга А.Я., Столин В.В.* Тест-опросник родительского отношения // Практикум по психодиагностике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 107–113.
- Венар Ч., Кериг П.* Психопатология развития детского и подросткового возраста. СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.
- Галасюк И.Н., Митина О.В.* Модификация Опросника родительского отношения (А.Я. Варги, В.В. Столина) для семьи, воспитывающей особого ребенка [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 109–129. doi:10.17759/psyclin.2017060209.
- Головей Л.А., Савеньшева С.С., Василенко В.Е.* Детско-родительские отношения в стабильные и кризисные периоды детства // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 32–43.
- Опросник для оценки функций программирования и контроля у детей (BRIEF (Behavior Rating Inventory of Executive Function)) пер. и адаптация Е. Ю. Гориной, Т.В. Ахутиной. М.: Теревинф, 2020.
- Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Сергиенко Е.А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ветрова И.И.* Опросник «Контроль поведения» // Экспериментальная психология (в печати).
- Суннатов Р.И., Адаскина А.А.* Стиль отношения значимых взрослых к ребенку как условие становления школьной неуспешности // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 2. С. 93–103. doi:10.17759/pse.2019240209.
- Bariola E., Hughes E.K., Gullone E.* Relationships Between Parent and Child Emotion Regulation Strategy Use: A Brief Report // Journal of Child and Family Studies. 2012. V. 21. P. 443–448. doi:10.1007/s10826-011-9497-5.
- Barros L., Goes A.R., Pereira A.I.* Parental self-regulation, emotional regulation and temperament: Implications for intervention // Special Section: Coping And Self-regulation. Estud. psicol. (Campinas). 2015. V. 32(2). doi:10.1590/0103-166X2015000200013.

- Bernier A., Carlson S.M., Whipple N.* From external regulation to self-regulation: early parenting precursors of young children's executive functioning // *Child development*. 2010. V. 81(1). P. 326–339. doi:10.1111/j.1467-8624.2009.01397.x.
- Biringen Z., Robinson J., Emde R.* The emotional availability (EA) scales. Unpublished manual, 2008.
- Coplan R.J., Reichel M., Rowan K.* Exploring the associations between maternal personality, child temperament, and parenting: A focus on emotions // *Personality and Individual Differences*. 2009. V. 46(2). P. 241–246.
- Clark L.A., Kochanska G., Ready R.* Mothers' Personality and Its Interaction With Child Temperament as Predictors of Parenting Behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. V. 79(2). P. 274–285.
- Colder C.R., Lochman J.E., Wells K.C.* The moderating effects of children's fear and activity level on relations between parenting practices and childhood symptomatology // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 1997. V. 25(3). P. 251–263.
- Cruz-Alaniz Y., Bonillo Martin A., Jané Ballabriga M.C.* Mother's and Father's Executive Functions, Parenting Styles, and Oppositional Defiant Disorder Symptoms: a Relational Model // *Universitas Psychologica*. 2018. V. 17(2). P. 1–10. doi:10.11144/Javeriana.upsy.17-2.
- Friedman N.P., Miyake A., Young S.E., Defries J.C., Corley R.P., Hewitt J.K.* Individual differences in executive functions are almost entirely genetic in origin // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2008. V. 137. P. 201–225.
- Geeraerts S.B., Endendijk J.J., Deković M., Huijding J., Deater-Deckard K., Mesman J.* Inhibitory Control Across the Preschool Years: Developmental Changes and Associations with Parenting // *Child Development*. 2021. V. 92(1). P. 335–350. doi:10.1111/cdev.13426.
- Gülseven Z., Yu M., Zarrett N., Vandell D., Simpkins S.* Self-control and cooperation in childhood as antecedents of less moral disengagement in adolescence // *Development and Psychopathology*. 2021. P. 1–11. doi:10.1017/S0954579421000584.
- Kao K., Nayak S., Doan S.N., Tarullo A.R.* Relations between parent EF and child EF: the role of socioeconomic status and parenting on executive functioning in early childhood // *Translational Issues in Psychological Science*. 2018. V. 4. № 2. P. 122–137.
- Karreman A., van Tuijl C., van Aken M.A.G., Dekovic M.* Parenting and Self-Regulation in Preschoolers: A Meta-Analysis // *Infant and Child Development*. 2006. V. 15(6). P. 561–579. doi:10.1002/icd.478.
- Moilanen K., Shaw D., Fitzpatrick A.* Self-Regulation in Early Adolescence: Relations with Mother-Son Relationship Quality and Maternal Regulatory Support and Antagonism // *Journal of youth and adolescence*. 2009. V. 39. P. 1357–67. doi:10.1007/s10964-009-9485-x.
- Olson S.L., Bates J.E., Sandy J.M., Schilling E.M.* Early developmental precursors of impulsive and inattentive behavior: From infancy to middle childhood // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2002. V. 43(4). P. 435–448. doi:10.1111/1469-7610.00035.

- Perry N.B., Dollar J.M., Calkins S.D., Keane S.P., Shanahan L.* Childhood self-regulation as a mechanism through which early overcontrolling parenting is associated with adjustment in preadolescence // *Developmental Psychology*. 2018. V. 54(8). P. 1542–1554. doi:10.1037/dev000053.
- Prinzle P., Stams G.J., Deković M., Reijntjes A.H., Belsky J.* The relations between parents' Big Five personality factors and parenting: a meta-analytic review // *Journal of personality and social psychology*. 2009. V. 97(2). P. 351–362. doi:10.1037/a0015823.
- Rothbart M.K., Sheese B.E., Rueda M.R., Posner M.I.* Developing Mechanisms of Self-Regulation in Early Life // *Emotions Review*. 2011. V. 3(2). P. 207–213. doi:10.1177/1754073910387943.
- Schroeder V.M., Kelley M.L.* Family environment and parent-child relationships as related to executive functioning in children // *Early Child Development and Care*. 2010. V. 180(10). P. 1285–1298.
- Sosic-Vasic Z., Kröner J., Schneider S., Vasic N., Spitzer M., Streb J.* The Association between Parenting Behavior and Executive Functioning in Children and Young Adolescents // *Frontiers in Psychology*. 2017. V. 8. doi:10.3389/fpsyg.2017.00472. URL:https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00472.
- Sroufe L.A.* Early relationships and the development of children // *Infant Mental Health Journal*. 2000. V. 21(1-2). P. 67–74. doi:10.1002/(SICI)1097-0355(200001/04)21:1/2<67::AID-IMHJ8>3.0.CO;2-2.
- Stevenson M., Crnic K.* Intrusive fathering, children's self-regulation and social skills: A mediation analysis // *Journal of Intellectual Disability Research*. 2013. V. 57(6). P. 500–512. doi:10.1111/j.1365-2788.2012.01549.x.
- Taylor Z.E., Eisenberg N., Spinrad T.L., Widaman K.F.* Longitudinal relations of intrusive parenting and effortful control to ego-resiliency during early childhood // *Child Development*. 2013. V. 84(4). P. 1145–1151. doi:10.1111/cdev.12054.
- Whitebread D., Pino Pasternak D.* Metacognition, Self-Regulation and Meta-Knowing / K. Littleton, C. Wood, J. Kleine Staarman (Eds.), *The International Handbook of Psychology in Education*. England: Emerald, 2010. P. 673–711.
- Zimmer-Gembeck M.J., Rudolph J., Kerin J., Bohadana-Brown G.* Parent emotional regulation: A meta-analytic review of its association with parenting and child adjustment // *International Journal of Behavioral Development*. 2022. V. 46(1). P. 63–82.

References

- Varga A.Ya., Stolín V.V.* Test-oprosnik roditel'skogo otnosheniya // *Praktikum po psihodiagnostike*. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1988. P. 107–113. (In Russ.).
- Venar Ch., Kerig P.* Psihopatologiya razvitiya detskogo i podrostkovogo vozrasta. SPb: Prajm-EVROZNAK, 2007. (In Russ.).
- Galasyuk I.N., Mitina O.V.* Modifikaciya Oprosnika roditel'skogo otnosheniya (A.Ya. Vargi, V.V. Stolina) dlya sem'i, vospityvayushchej osobogo rebenka [El-

- ektronnyj resurs] // *Klinicheskaya i special'naya psihologiya*. 2017. V. 6. № 2. P. 109–129. doi:10.17759/psyclin.2017060209. (In Russ.).
- Golovej L.A., Savenysheva S.S., Vasilenko V.E.* Detsko-roditel'skie otnosheniya v stabil'nye i krizisnye periody detstva // *Psihologicheskij zhurnal*. 2015. V. 36. № 2. P. 32–43. (In Russ.).
- Oprosnik dlya ocenki funkcij programmirovaniya i kontrolya u detej (BRIEF (Behavior Rating Inventory of Executive Function)) / per. i adaptaciya E.Yu. Gorinoj, T.V. Ahutinoj. M.: Terevinf, 2020. (In Russ.).
- Sergienko E.A., Vilenskaya G.A., Kovaleva YU.V.* Kontrol' povedeniya kak sub»ektnaya regulyaciya. M.: izd-vo «Institut psihologii RAN», 2010. (In Russ.).
- Sergienko E.A.* Sistemno-sub»ektnyj podhod: obosnovanie i perspektiva // *Psihologicheskij zhurnal*. 2011. V. 32. № 1. P. 120–132. (In Russ.).
- Sergienko E.A., Vilenskaya G.A., Vetrova I.I.* Oprosnik «Kontrol' povedeniya» // *Eksperimental'naya psihologiya* (in press). (In Russ.).
- Sunnatova R.I., Adaskina A.A.* Stil' otnosheniya znachimyh vzroslyh k rebenku kak uslovie stanovleniya shkol'noj neuspeshnosti // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2019. V. 24. № 2. P. 93–103. doi:10.17759/pse.2019240209. (In Russ.).
- Bariola E., Hughes E.K., Gullone E.* Relationships Between Parent and Child Emotion Regulation Strategy Use: A Brief Report // *Journal of Child and Family Studies*. 2012. V. 21. P. 443–448. doi:10.1007/s10826-011-9497-5.
- Barros L., Goes A.R., Pereira A.I.* Parental self-regulation, emotional regulation and temperament: Implications for intervention // *Special Section: Coping And Self-regulation. Estud. psicol. (Campinas)*. 2015. V. 32(2). doi:10.1590/0103-166X2015000200013.
- Bernier A., Carlson S.M., Whipple N.* From external regulation to self-regulation: early parenting precursors of young children's executive functioning // *Child development*. 2010. V. 81(1). P. 326–339. doi:10.1111/j.1467-8624.2009.01397.x.
- Biringen Z., Robinson J., Emde R.* The emotional availability (EA) scales. Unpublished manual, 2008.
- Coplan R.J., Reichel M., Rowan K.* Exploring the associations between maternal personality, child temperament, and parenting: A focus on emotions // *Personality and Individual Differences*. 2009. V. 46(2). P. 241–246.
- Clark L.A., Kochanska G., Ready R.* Mothers' Personality and Its Interaction With Child Temperament as Predictors of Parenting Behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. V. 79(2). P. 274–285.
- Colder C.R., Lochman J.E., Wells K.C.* The moderating effects of children's fear and activity level on relations between parenting practices and childhood symptomatology // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 1997. V. 25(3). P. 251–263.
- Cruz-Alaniz Y., Bonillo Martin A., Jané Ballabriga M.C.* Mother's and Father's Executive Functions, Parenting Styles, and Oppositional Defiant Disorder Symptoms: a Relational Model // *Universitas Psychologica*. 2018. V. 17(2). P. 1–10. doi:10.11144/Javeriana.upsy.17-2.

- Friedman N.P., Miyake A., Young S.E., Defries J.C., Corley R.P., Hewitt J.K.* Individual differences in executive functions are almost entirely genetic in origin // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2008. V. 137. P. 201–225.
- Geeraerts S.B., Endendijk J.J., Deković M., Huijding J., Deater-Deckard K., Mesman J.* Inhibitory Control Across the Preschool Years: Developmental Changes and Associations with Parenting // *Child Development*. 2021. V. 92(1). P. 335–350. doi:10.1111/cdev.13426.
- Gülseven Z., Yu M., Zarrett N., Vandell D., Simpkins S.* Self-control and cooperation in childhood as antecedents of less moral disengagement in adolescence // *Development and Psychopathology*. 2021. P. 1–11. doi:10.1017/S0954579421000584.
- Kao K., Nayak S., Doan S.N., Tarullo A.R.* Relations between parent EF and child EF: the role of socioeconomic status and parenting on executive functioning in early childhood // *Translational Issues in Psychological Science*. 2018. V. 4. № 2. P. 122–137.
- Karreman A., van Tuijl C., van Aken M.A.G., Dekovic M.* Parenting and Self-Regulation in Preschoolers: A Meta-Analysis // *Infant and Child Development*. 2006. V. 15(6). P. 561–579. doi:10.1002/icd.478.
- Moilanen K., Shaw D., Fitzpatrick A.* Self-Regulation in Early Adolescence: Relations with Mother-Son Relationship Quality and Maternal Regulatory Support and Antagonism // *Journal of youth and adolescence*. 2009. V. 39. P. 1357–67. doi:10.1007/s10964-009-9485-x.
- Olson S.L., Bates J.E., Sandy J.M., Schilling E.M.* Early developmental precursors of impulsive and inattentive behavior: From infancy to middle childhood // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2002. V. 43(4). P. 435–448. doi:10.1111/1469-7610.00035.
- Perry N.B., Dollar J.M., Calkins S.D., Keane S.P., Shanahan L.* Childhood self-regulation as a mechanism through which early overcontrolling parenting is associated with adjustment in preadolescence // *Developmental Psychology*. 2018. V. 54(8). P. 1542–1554. doi:10.1037/dev000053.
- Prinzle P., Stams G.J., Deković M., Reijntjes A.H., Belsky J.* The relations between parents' Big Five personality factors and parenting: a meta-analytic review // *Journal of personality and social psychology*. 2009. V. 97(2). P. 351–362. doi:10.1037/a0015823.
- Rothbart M.K., Sheese B.E., Rueda M.R., Posner M.I.* Developing Mechanisms of Self-Regulation in Early Life // *Emotions Review*. 2011. V. 3(2). P. 207–213. doi:10.1177/1754073910387943.
- Schroeder V.M., Kelley M.L.* Family environment and parent-child relationships as related to executive functioning in children // *Early Child Development and Care*. 2010. V. 180(10). P. 1285–1298.
- Sosic-Vasic Z., Kröner J., Schneider S., Vasic N., Spitzer M., Streb J.* The Association between Parenting Behavior and Executive Functioning in Children and Young Adolescents // *Frontiers in Psychology*. 2017. V. 8. doi:10.3389/fpsyg.2017.00472. URL:<https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00472>.

- Sroufe L.A.* Early relationships and the development of children // *Infant Mental Health Journal*. 2000. V. 21(1-2). P. 67–74. doi:10.1002/(SICI)1097-0355(200001/04)21:1/2<67::AID-IMHJ8>3.0.CO;2-2.
- Stevenson M., Crnic K.* Intrusive fathering, children's self-regulation and social skills: A mediation analysis // *Journal of Intellectual Disability Research*. 2013. V. 57(6). P. 500–512. doi:10.1111/j.1365-2788.2012.01549.x.
- Taylor Z.E., Eisenberg N., Spinrad T.L., Widaman K.F.* Longitudinal relations of intrusive parenting and effortful control to ego-resiliency during early childhood // *Child Development*. 2013. V. 84(4). P. 1145–1151. doi:10.1111/cdev.12054.
- Whitebread D., Pino Pasternak D.* Metacognition, Self-Regulation and Meta-Knowing / K. Littleton, C. Wood, J. Kleine Staarman (Eds.), *The International Handbook of Psychology in Education*. England: Emerald, 2010. P. 673–711.
- Zimmer-Gembeck M.J., Rudolph J., Kerin J., Bohadana-Brown G.* Parent emotional regulation: A meta-analytic review of its association with parenting and child adjustment // *International Journal of Behavioral Development*. 2022. V. 46(1). P. 63–82.

Информация об авторах

Виленская Галина Альфредовна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6089-155X>, e-mail: vga2001@mail.ru

Information about the author

Galina A. Vilenskaya, Ph.D. in Psychology, Leading Researcher, Laboratory of Psychology of Development of Subject in Normal and Posttraumatic Conditions, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6089-155X>, e-mail: vga2001@mail.ru

Получена: 13.06.2022

Принята в печать: 30.09.2022

Received: 13.09.2022

Accepted: 30.09.2022

СВЯЗЬ ОСМЫСЛЕННОСТИ ЖИЗНИ И МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК ЖИТЕЛЕЙ ОТДАЛЕННЫХ РЕГИОНОВ СТРАНЫ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

С. А. КУЗНЕЦОВА ^а, Н. М. МЕЛЬНИКОВА ^б, Е. В. ЧАРИНА ^с

^а Московский институт психоанализа,
г. Москва, Россия

^б Финансово-экономический институт СВФУ им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

^с Северо-Восточный государственный университет,
г. Магадан, Россия

В связи с высоким миграционным оттоком населения в Магаданской области сложилась неблагоприятная демографическая ситуация. Особенно миграционно активна молодежь, поскольку юношеский возраст – время активного личностного и профессионального самоопределения. В миграционно-мобильном регионе эти виды самоопределения сопровождаются территориальным самоопределением. Предполагаем, что психологические регуляторы территориального самоопределения имеют уровневое строение. Ранее было представлено наше исследование таких регуляторов территориального самоопределения у старшеклассников и учащихся среднего профессионального образования, как бессознательные психологические защиты и стратегии совладания со стрессом (Кузнецова, Мельникова, Чарина, 2021). Данное исследование, являясь его продолжением, посвящено изучению такого регулятора, как смысложизненные ориентации. Исследование происходило в Магадане в марте–сентябре 2020 года вне карантина в очной форме. Выборка состояла из 95 старшеклассников, 107 учащихся среднепрофессиональных учреждений (СПО), всего 202 человека. Были применены следующие методики: шкала миграционных установок (Кузнецова, Кузнецов, Фещенко, 2014), тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (Леонтьев, 2000). В ходе исследования были получены следующие результаты: старшеклассники демонстрируют более выраженные миграционные установки, чем учащиеся СПО, и в то же время более высокие результаты по методике СЖО, особенно по шкалам Цель, Локус–Я и Локус – жизнь. Смысложизненные ориентации старшеклассников практически не связаны с миграционными установками, за исключением прямой связи общего показателя осмысленности жизни и предполагаемых ожиданий близких в отношении миграционного поведения их детей.

Ключевые слова: территориальное самоопределение, миграционные установки, смысложизненные ориентации.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 20-013-00579.

Для цитаты: Кузнецова С.А., Мельникова Н.М., Чарина Е.В. Связь осмысленности жизни и миграционных установок жителей отдаленных регионов страны юношеского

возраста // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 3. С. 104—117. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_06.

Для контактов: Кузнецова Снежана Анатольевна, snejana.mgdn@mail.ru

CORRELATION BETWEEN THE MEANINGFULNESS OF LIFE AND MIGRATION ATTITUDES OF YOUNG RESIDENTS OF REMOTE REGIONS OF THE COUNTRY

SNEZHANA A. KUZNETSOVA ^a, NADEZHDA M. MELNIKOVA ^b,
ELENA V. CHARINA ^c

^a Moscow Institute of psychoanalysis, Moscow, Russia

^b M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk,
Republic of Sakha (Yakutia), Russia

^c North – East State University, Magadan, Russia

Due to the high migration outflow of the population in the Magadan region, an unfavorable demographic situation has developed. Young people are especially active in migration because youth is a time of active self-determination: personal, professional. In a migration-mobile region, these types of self-determination are accompanied by territorial self-determination. We assume that psychological regulators of territorial self-determination have a level structure. The previous issue presents our study of such regulators of territorial self-determination of high school and secondary vocational students as unconscious psychological defenses and strategies for coping with stress. This research, being its continuation, is devoted to the study of such a regulator as life-meaning orientations. The study took place in Magadan in March – September 2020 outside of quarantine in full-time. The sample consisted of 95 high school students, 107 students of secondary vocational institutions, a total of 202 people. The following methods were applied: scale of migration attitudes (Kuznetsova, Kuznetsov, Feshchenko, 2014), the test of life-meaning orientations (Leontiev, 2000). The following results were obtained during the study: high school students show more pronounced migration attitudes than students of secondary vocational institutions, and at the same time, they show higher results according to the life-meaning orientations, especially on the Goal, locus I, and Locus – life scales. Life-meaning orientations of students is essentially not correlated to migration attitudes, with the exception of when the overall index of meaningfulness of life, and perceived expectations of family in relation to the migratory behaviour of their children.

Keywords: territorial self-determination, migration attitudes, life-meaning orientations.

Funding. This work was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00579.

For citation: *Kuznetsova S.A., Melnikova N.M., Charina E.V.* Correlation between the meaningfulness of life and migration attitudes of young residents of remote regions of the coun-

try. *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2022. V. 3. № 3. P. 104—117. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_06 (in Russ).

Corresponding author: Snezhana A. Kuznetsova, snejana.mgdn@mail.ru

Проблема исследования

Актуальность исследования психологических закономерностей миграционного поведения жителей Северо-Востока России связана со сложной демографической ситуацией на этих территориях, в частности, в Магаданской области. На протяжении последних 30 лет в связи с отъездом жителей область потеряла 2/3 населения, при этом наиболее миграционно-активная часть населения — молодежь. Руководство области связывает перспективы развития экономики области с молодыми кадрами, причем, делает ставку на поддержку учреждений профессионального образования, ведущих подготовку по рабочим и техническим специальностям. Такими учреждениями являются: Северо-Восточный государственный университет (единственный на территории вуз), учреждения среднего профессионального образования (СПО) (в том числе Магаданский политехникум).

Старшеклассники (учащиеся 10-11 классов) и учащиеся СПО — молодежь, относящаяся к юношескому возрасту. Характерной особенностью ранней юности является активное протекание процессов самоопределения — личностного и профессионального, построение временных перспектив (Божович, 2008; Дубровина, 1989; Эриксон, 1996). Но, по нашему мнению, в особых условиях миграционно-подвижного региона территориальное самоопределение не просто сопровождает профессиональное, но и во многих случаях определяет его.

Являясь ровесниками, старшеклассники и учащиеся в СПО находятся в разной социальной (в том числе, профессиональной) ситуации развития. Более амбициозные учащиеся школ, гимназий, нацеленные на получение высшего образования, после 9 класса продолжают учиться. И хотя не все к моменту опроса уже выбрали профессию и вуз, 72,8% из них планирует переезд из региона после окончания школы (Анализ миграционных намерений учащейся молодежи Магаданской области, 2013). 58,7% старшеклассников, которые собираются продолжить обучение в учебных заведениях внутри региона, собираются переехать сразу после их окончания. Никто из них не собирается возвращаться. Как показало наше исследование, временные перспективы старшеклассников связаны с миграционными намерениями (Кузнецова, Орехова, 2015). Часто миграционные образовательные намерения старшеклассников связаны с миграционными ожиданиями родителей в отношении своих детей и опосредованы родительским отношением (Кузнецова, 2017).

Другая часть молодежи после 9 класса оставляет среднее образование и делает свой выбор в пользу получения специальности в СПО в своем городе. Про-

цесс профессионального и территориального самоопределения у этой группы молодежи завершен, хотя, возможно, и временно.

Мы предполагаем, что психологические регуляторы территориального самоопределения и его результатов – миграционных установок – имеют уровневое строение. В ранее опубликованной работе было представлено наше исследование таких регуляторов территориального самоопределения, как психологические защиты и стратегии совладания со стрессом. Данное исследование, являясь его продолжением, посвящено изучению такого регулятора, как смысложизненные ориентации.

Ценностно-смысловая регуляция является высшей формой регуляции жизнедеятельности человека, и степень ее развитости определяет уровень личностной зрелости (Карпинский, 2011; Леонтьев, 1999, Саморегуляция и прогнозирование социального поведения, 2013; Франкл, 1990). Отмечается тесная функциональная взаимосвязь смысла жизни и социальной идентичности личности: доказывается, что смысл жизни выполняет идентификационную функцию и «смысложизненный кризис обычно провоцирует и нагнетает кризисы личностной и социальной идентичности» (Карпинский, 2011). Можно предположить, что эта связь двусторонняя и проблемы в процессе самоопределения – личностного, профессионального и территориального – отражаются в смысловой сфере личности.

Проводился ряд исследований, посвященных изучению роли ценностно-смысловой сферы в формировании миграционных намерений и установок. Выявлена роль рассогласования между ценностями и их субъективной доступностью (Бакина, Орлова, Яремчук, 2019; Кузнецова, Смирнова, Филевская, 2010), субъективного благополучия (Бакина, Орлова, Яремчук, 2019) – не только как сильного предиктора индивидуального миграционного намерения, но и как посредника между социально-экономическими условиями и этим намерением (Otrachshenko, Popova, 2014). Исследований смысловой сферы в контексте системы регуляторов территориального самоопределения и ее связи с миграционными установками как результата территориального самоопределения у дифференцированно молодежи разных групп не проводилось.

Цель исследования: изучение связи смысложизненных ориентаций с миграционными установками жителей Магадана юношеского возраста.

Гипотеза исследования: существуют различия в характере связи смысложизненных ориентаций и миграционных установок у жителей Магадана юношеского возраста, обучающихся в учебных заведениях разного типа.

Методики исследования.

1. Шкала миграционных установок (Кузнецова, Кузнецов, Фещенко, 2014), разработанная на основе теоретической модели миграционных установок (Кузнецова, 2013). Содержит альтернативные утверждения в

пользу актуального и возможного (потенциального) места жительства, направленные на когнитивный, аффективный, интенциональный и поведенческий компоненты трех типов: 1) характеризующие компоненты установки самого респондента; 2) компоненты миграционных установок близких, с точки зрения респондента; 3) отношение близких людей к миграционным намерениям субъекта, с точки зрения респондента. Измеряются эти три показателя, а также общий уровень миграционной установки. Шкала включает 36 утверждений. Психометрическая проверка шкалы миграционных установок показала: высокую надежность, согласованность пунктов, нормальность распределения тестовых баллов. Анализ факторных структур по шкале миграционных установок у молодежи разного возраста показал адекватность наших предварительных теоретических гипотез и валидность предложенной процедуры оценки миграционных установок.

2. Тест смысложизненных ориентаций СЖО (Леонтьев, 2000) состоит из 20 пунктов, образующих 5 субшкал: 1. Цели в жизни. 2. Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни. 3. Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией. 4. Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни). 5. Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. Также учитывается общий показатель осмысленности жизни (ОЖ).

Для обработки результатов использовались методы описательной статистики, статистические критерии Колмогорова-Смирнова, критерий U-Манна-Уитни, коэффициенты корреляции Пирсона и Спирмена. Подсчеты проводились в IBM SPSS Statistics 20.

Эмпирическая база исследования. Исследование происходило в Магадане в марте – сентябре 2020 года вне карантина в очной форме.

Характеристика выборки исследования: в исследовании приняли участие две группы респондентов:

- 1) 95 старшеклассников школ города Магадана, из них 54% юношей и 46% девушек, средний возраст 17,02 года;
- 2) 107 учащихся среднепрофессиональных учреждений (СПО) города Магадана, из них 58% юношей и 42% девушек, средний возраст – 19 лет.

Всего в исследовании приняли участие 202 человека. В связи с неполными ответами респондентов на методики в подсчетах использовались данные 92 старшеклассников и 105 учащихся среднепрофессиональных учреждений.

Результаты

Таблица 1

Миграционные установки в группах респондентов

Шкала миграционной установки	Группы	М	SD	U-Манна Уитни	р
Уровень миграционной установки	Старшеклассники	184,9890	46,63106	2760,0***	,000
	СПО	153,3491	41,53233		
Установка субъекта	Старшеклассники	63,0879	18,52605	3173,5***	,000
	СПО	52,8585	18,87525		
Установка близких	Старшеклассники	58,8901	16,55862	3186,5***	,000
	СПО	49,7642	15,53525		
Ожидания близких	Старшеклассники	63,0110	16,09382	2673,0***	,000
	СПО	50,7264	15,79725		

Примечание: *** – $P < 0,001$.

Как показали результаты, представленные в Таблице 1, миграционные установки субъекта, независимо от группы, выше, чем предполагаемые респондентами установки их близких, что подтверждает известный факт более выраженной миграционной активности молодежи. Однако ожидания близких по отношению к переезду респондентов близки к собственным установкам респондентов. Родители готовы поддерживать решения детей. Результаты статистического сравнения показателей групп с помощью непараметрического критерия U Манна-Уитни выявили значимые различия по всем показателям шкалы миграционных установок. При этом показатели у старшеклассников значительно выше, чем у учащихся СПО при $p < 0,001$.

Таблица 2

Смысложизненные ориентации в группах респондентов

Шкалы СЖО	Группы	М	SD	U- Манна-Уитни	р
Общий показатель осмысленности жизни (ОЖ)	Школьники	102,1196	21,99692	4080,500	,060
	СПО	96,0857	22,76304		
Цель	Школьники	31,9457	7,86614	3646,000**	,003
	СПО	28,3333	8,68428		
Процесс	Школьники	29,4891	8,50791	4510,500	,423
	СПО	28,4952	8,67260		
Результат	Школьники	24,9565	6,83384	4706,000	,756
	СПО	24,6857	6,40810		
Локус- Я	Школьники	21,2826	4,57496	3848,500*	,014
	СПО	19,4286	5,35267		
Локус-жизнь	Школьники	31,4783	6,80575	3932,500*	,024
	СПО	29,0286	7,59739		

Примечание: * – $P < 0,05$, ** – $P < 0,01$.

Согласно нормам по методике СЖО, все показатели обеих групп соответствуют среднему уровню. При сравнении двух групп (Таблица 2) выявлено, что у старшеклассников все показатели по шкалам СЖО выше, чем у учащихся СПО, но значимые различия обнаружены лишь по шкалам Цель ($P < 0,01$), Локус Я, Локус- жизнь ($P < 0,05$) и на уровне тенденции по общему показателю осмысленности жизни.

Проведена проверка нормальности распределения результатов по шкале миграционных установок. Обнаружено, что у учащихся СПО распределение по всем субшкалам не отличается от нормального, у старшеклассников – отличается от нормального по субшкале миграционной установки субъекта (наблюдается правосторонняя асимметрия). Проведена также проверка нормальности распределения по методике СЖО. В обеих группах распределение тестовых баллов не отличается от нормального.

С учетом этих данных проводилась проверка гипотезы о взаимосвязи миграционных установок и смысложизненных ориентаций.

Для этих целей в группе старшеклассников использовался критерий Пирсона (за исключением субшкалы миграционной установки субъекта). Проверка не показала значимых корреляций. Применение для этих целей критерия Спирмена в группе старшеклассников показало единственную значимую положительную связь общего показателя осмысленности жизни (ОЖ) и ожиданий близких в отношении миграционного поведения респондента ($r = 0,216$; $p = 0,046$).

Таблица 3

**Связь миграционных установок и смысложизненных ориентаций
в группе учащихся СПО (критерий Пирсона)**

Шкалы СЖО	Результат проверки	Уровень миграционной установки	Установка субъекта	Установка близких	Ожидания близких
Общий показатель осмысленности жизни (ОЖ)	Корреляция Пирсона	-,283**	-,192*	-,306**	-,212*
	p	,004	,05	,001	,030
Цель	Корреляция Пирсона	-,267**	-,149	-,301**	-,229*
	p	,006	,130	,002	,019
Процесс	Корреляция Пирсона	-,243*	-,191	-,248*	-,166
	p	,013	,051	,011	,090
Результат	Корреляция Пирсона	-,207*	-,170	-,191*	-,151
	p	,034	,082	,05	,123
Локус - Я	Корреляция Пирсона	-,177	-,095	-,216*	-,140
	Знач.(2-сторон)	,071	,335	,027	,156
Локус - Жизнь	Корреляция Пирсона	-,314**	-,269**	-,310**	-,199*
	p	,001	,006	,001	,042

Примечание: * – $P < 0,05$, ** – $P < 0,01$.

Поскольку в группе учащихся СПО распределение тестовых баллов по обоим методикам не отличалось от нормального, для проверки их связи использовался критерий Пирсона. Были обнаружены многочисленные отрицательные корреляции (Таблица 3). Уровень миграционной установки отрицательно коррелирует с общим показателем осмысленности жизни ($P < 0,01$), со шкалой Цель ($P < 0,01$), Процесс ($P < 0,05$), Результат ($P < 0,05$) и Локус – Жизнь ($P < 0,01$).

Миграционная установка субъекта имеет значимые отрицательные корреляции с общим показателем осмысленности жизни ($P = 0,05$), а также со шкалой Локус – Жизнь ($P < 0,01$). Установка близких имеет отрицательные корреляции с общим уровнем осмысленности жизни, шкалами Цель и Локус – Жизнь (все при $P < 0,01$), а также со шкалами Процесс, Локус - Я (все при $P < 0,05$). Имеются значимые отрицательные корреляции ожиданий близких в отношении субъекта и общим показателем осмысленности жизни, шкалой Цель и Локус – Жизнь (все при $P < 0,05$).

Подобные, но менее выразительные результаты были получены с помощью критерия Спирмена.

Анализ результатов

В исследовании проводилась проверка гипотезы о различиях в характере связи смысложизненных ориентаций и миграционных установок у жителей Магадана юношеского возраста, обучающихся в учебных заведениях разного типа. В качестве таких групп изучались старшеклассники школ города и учащиеся СПО.

Результаты исследования показали, что группы отличаются по изучаемым переменным. Старшеклассники демонстрируют более выраженные миграционные установки, чем учащиеся СПО, и в то же время более высокие результаты по методике СЖО, особенно по шкалам Цель, Локус - Я и Локус - жизнь. Общий показатель осмысленности жизни в двух группах отличается на уровне тенденции ($p = 0,06$). При этом необходимо отметить, что даже учитывая эти различия, все показатели входят в средний диапазон, согласно нормам методики. Таким образом, можно считать, что молодежь Магадана, по крайней мере, исследуемых групп, в достаточной мере переживает свою жизнь как осмысленную, целенаправленную, насыщенную, интересную и в целом подвластную управлению. Но более благополучной в этом отношении является группа старшеклассников.

Ранее мы писали (Кузнецова, Мельникова, Чарина, 2021) о том, что у старшеклассников территориальное самоопределение происходит в тесной связи с профессиональным: большая часть старшеклассников Магадана стремится для получения образования выехать за пределы региона, как правило, в столичные города, центральные и южные регионы страны, часть планируют выезд за границу. Многое в реализации их планов зависит от них самих – успешно сданные ЕГЭ повышают их шанс на поступление в выбранные учебные

заведения в других городах. Но многое решает поддержка их родителей — не только материальная, но и моральная. Это подтверждает результат проверки гипотезы о связи миграционных установок и смысложизненных ориентаций в группе старшеклассников. Был получен лишь один результат: положительная связь общего показателя осмысленности жизни и ожиданий близких в отношении миграционного поведения респондента (при $p < 0,05$). Видимо, родители, выражая не только ожидания, но и готовность поддержать переезд своих детей, способствуют их чувству более полной, осмысленной, перспективной жизни. Но в целом, смысл жизни оказался для старшеклассников не связан с вопросом территориального самоопределения. Видимо, для этой психологически более благополучной группы молодежи смысл жизни — более устойчивое психологическое образование, не зависящее от места его реализации.

У учащихся СПО вопрос территориального и профессионального самоопределения уже в какой-то мере снят. Они уже совершили профессиональный выбор, получают профессию на настоящем месте жительства, и, по крайней мере, в ближайшее время перед ними вопрос переезда с образовательными целями остро не стоит. Миграционные установки у них выражены слабее, чем у старшеклассников. Проверка гипотезы о связи миграционных установок со смысложизненными ориентациями в группе учащихся СПО показала многочисленные отрицательные корреляции изучаемых переменных. Наиболее показательными оказались отрицательные корреляции общего показателя осмысленности жизни и всех субшкал миграционной установки; шкалы Локус-жизнь методики СЖО и всех субшкал миграционной установки. Это означает, что у этой группы молодежи по мере повышения чувства осмысленности жизни и чувства возможности ею управлять снижается выраженность миграционных установок. Они в большей степени связывают смыслы своей жизни с территорией проживания и чувствуют себя способными их реализовать. И наоборот, переживание кризисных состояний может снизить привязанность к территории и способствовать усилению миграционных установок. Это подтверждает мысль К.В. Карпинского о том, что «смысложизненный кризис обычно провоцирует и нагнетает кризисы личностной и социальной идентичности» (Карпинский, 2011), применительно к территориальной идентичности.

Как показывает структура корреляционных связей, учащиеся СПО в вопросе территориального самоопределения сильно ориентированы на установки своих близких и несколько меньше — на их ожидания. При этом, чем более привержены их близкие настоящему месту жительства и чем меньше они побуждают к переезду самих респондентов, тем более жизнь переживается как осмысленная, насыщенная и управляемая. Видимо, такая ситуация, когда близкие люди, от которых они зависят материально и эмоционально, не собираются переселяться, переживается учащимся СПО как более стабильная и предсказуемая, позволяет ставить цели и их реализовывать.

Учитывая результаты первой части нашего исследования (Кузнецова, Мельникова, Чарина, 2021), учащихся СПО удерживает от миграции большая

личностная зрелость и конструктивность: рациональное отношение к трудностям, отказ от регрессии, избегания, манипуляции, ориентация на права и интересы социального окружения и готовность обращаться за помощью и поддержкой. Меньшая конструктивность и социальная ориентированность способствует формированию миграционных установок. Вторая часть исследования показывает, что осмысленность жизни для учащихся СПО также является важным фактором, определяющим миграционные установки.

Выводы

Исследование показало более выраженные миграционные установки и более высокие показатели осмысленности жизни у старшеклассников по сравнению с учащимися СПО.

Гипотеза о различиях в характере связи смысложизненных ориентаций и миграционных установок у жителей Магадана юношеского возраста, обучающихся в учебных заведениях разного типа, подтвердилась.

Смысложизненные ориентации старшеклассников, в целом, мало связаны с миграционными установками. Выявлена одна положительная связь общего показателя осмысленности жизни и ожиданий близких в отношении миграционного поведения респондента.

Смысложизненные ориентации учащихся СПО имеют многочисленные отрицательные связи с миграционными установками самих респондентов, близких им людей и их ожиданий в отношении миграционного поведения респондента.

Учитывая в целом более низкие показатели осмысленности жизни у учащихся СПО, а также полученные результаты о связях миграционных установок с психологическими защитами, стратегиями совладания со стрессом и смысложизненными ориентациями, можно сказать, что требуется психологическая поддержка этой группы с целью развития социальной ориентированности и конструктивности. Это будет способствовать переживанию осмысленности жизни и приверженности настоящему месту жительства.

Литература

- Анализ миграционных намерений учащейся молодежи Магаданской области // Аналитический отчет по результатам социологического исследования [Электронный ресурс]. Магадан, 2013. URL: <http://nauka.svgu.ru/content>. (Дата обращения: 10.11.2020).
- Бакина А.В., Орлова О.А., Яремчук С.В. Компоненты ценностно-смысловой сферы личности как предикторы миграционных намерений молодежи (на примере города Комсомольска-на-Амуре) // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 95–113. doi: 10.17759/sps.2019100208.
- Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. Москва [и др.]: Питер, 2008. 398 с.

- Дубровина И.В.* Психологическая готовность к самоопределению — основное новообразование ранней юности // *Формирование личности старшеклассника.* Москва, 1989.
- Карпинский К.В.* Ценностные конфликты и смысложизненный кризис в развитии личности [Электронный ресурс] // *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* 2011. № 5(19), doi:0421100116/0048. URL:<http://psystudy.ru>. (Дата обращения: 10.11.2020).
- Карпинский К.В.* Идентификационная функция смысла жизни // *Психологические исследования.* 2017. Т. 10. № 55. С. 2. URL:<http://psystudy.ru>. (Дата обращения: 10.11.2020).
- Кузнецова С.А.* Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // *Социальная психология и общество.* 2013. № 4. С. 34–45.
- Кузнецова С.А.* Влияние родителей на миграционные образовательные намерения старшеклассников // *European Social Science Journal.* 2017. № 5. С. 529–537.
- Кузнецова С.А., Кузнецов И.Ю., Фещенко А.В.* Разработка шкалы миграционных установок личности // *Вестник Российского университета дружба народов. Серия психология и педагогика.* 2014. № 1. С. 83–90.
- Кузнецова С.А., Мельникова Н.М., Чарина Е.В.* Связь защитно-совладающих механизмов и миграционных установок жителей отдаленных регионов страны юношеского возраста // *Познание и переживание.* 2021. Т. 2. № 1. С. 104–116. doi: 10.51217/cogexp_2021_02_01_06.
- Кузнецова С.А., Орехова А.О.* Особенности временных перспектив старшеклассников в миграционно подвижном регионе (на примере Магадана) [Электронный ресурс] // *Психологическая наука и образование.* 2015. Т. 7. № 1. С. 56–68. doi: 10.17759/psyedu.2015070106.
- Кузнецова С.А., Смирнова И.А., Филевская В.С.* Исследование ценностных ориентаций и мотивационных конфликтов молодых женщин г. Магадана // *Вестник Северо-Восточного государственного университета.* № 13. Спецвыпуск. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. С. 170–173.
- Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 512 с.
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. Москва, Прогресс. 1990.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / *Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых.* М.: Прогресс, 1996. 340 с.
- Otrachshenko V., Popova O.* Life (dis)satisfaction and the intention to migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *Journals of Socio-Economics.* 2014. V. 48. P. 40–49. doi:10.1016/j.socec.2013.09.008.

References

- Analiz migracionny`x namerenij uchashejsya molodezhi Magadanskoj oblasti [Analysis of migration intentions of students of the Magadan region] // Analiticheskij otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya [Analytical report on the results of sociological research Magadan], 2013. URL:<http://nauka.svgu.ru/content>. (Accessed: 10.11.2020). (In Russ.).
- Bakina A.V., Orlova O.A., Yaremchuk S.V.* Komponenty` cennostno-smy`slovoj sfery` lichnosti kak prediktory` migracionny`x namerenij molodezhi (na primere goroda Komsomol'ska-na-Amure) [Components of the value-semantic sphere of personality as predictors of migration intentions of youth (on the example of the city of Komsomolsk-on-Amur)] // Social'naya psixologiya i obshchestvo [Social psychology and society]. 2019. V. 10. № 2. P. 95–113. doi:10.17759/sps.2019100208.
- Bozhovich L.I.* Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its development in childhood] / L. I. Bozhovich. Moscow: Piter, 2008. 398 p. (In Russ.).
- Dubrovina I.V.* Psihologicheskaya gotovnost' k samoopredeleniyu — osnovnoe novobrazovanie rannej yunosti [Psychological readiness for self-determination is the main neoplasm of early youth] // Formirovanie lichnosti starsheklassnika [Forming a high school student's personality]. Moscow, 1989. (In Russ.).
- Karpinskij K.V.* Cennostny`e konflikty` i smy`slozhiznenny`j krizis v razvitii lichnosti [E'lektronny`j resurs] [Value conflicts and life-meaning crisis in the development of personality [Electronic resource]] // Psixologicheskie issledovaniya: e'lektron. nauch. zhurn. [Psychological research: electron. scientific journal]. 2011. № 5(19). URL:<http://psystudy.ru>. (Accessed: 10.11.2020). doi:0421100116/0048. (In Russ.).
- Karpinskij K.V.* Identifikacionnaya funkciya smy`sla zhizni [Identification function of the meaning of life] // Psixologicheskie issledovaniya [Psychological research: electron. scientific journal]. 2017. V. 10. № 55. URL:<http://psystudy.ru>. (Accessed: 10.11.2020). (In Russ.).
- Kuznetsova S.A.* Migracionnye ustanovki kak predmet social'no-psihologicheskikh issledovanij [Migration attitudes as a subject of psychological research] // Social'naya psixologiya i obshchestvo [Social psychology and society]. 2013. № 4. P. 34–45. (In Russ.).
- Kuznetsova S.A.* Vliyanie roditel'ej na migracionny`e obrazovatel'ny`e namereniya starsheklassnikov [Influence of parents on migration educational intentions of high school students] // European Social Sceance Journal. 2017. № 5. P. 529–537. (In Russ.).
- Kuznetsova S.A., Kuznetsov I.YU., Feshchenko A.V.* Razrabotka shkaly migracionnyh ustanovok lichnosti [Working out of a Scale of Migratory Attitudes of the Personality] // Vestnik Rossijskogo universiteta družba narodov. Seriya psihologiya i pedagogika [Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Psychology and pedagogy series]. 2014. № 1. P. 83–90. (In Russ.).

- Kuznetsova S.A., Mel'nikova N.M., CHarina E.V.* Svyaz' zashchitno-sovkladayushchih mekhanizmov i migracionnyh ustanovok zhitelej otdalennyh regionov strany yunosheskogo vozrasta [Communication of protective coping mechanisms and migration attitudes of residents of remote regions of the country of youthful age] // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2021. T. 2. № 1. P. 104–116. doi:10.51217/cogexp_2021_02_01_06.
- Kuznetsova S.A., Orexova A.O.* Osobennosti vremenny'x perspektiv starsheklassnikov v migracionno podvizhnom regione (na primere Magadana) [E'lektronny'j resurs] [Features of temporary prospects of high school students in the migration mobile region (on the example of Magadan) [Electronic resource] // *Psixologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*. 2015. V. 7. № 1. P. 56–68. doi:10.17759 / psyedu.2015070106. (In Russ.).
- Kuznetsova S.A., Smirnova I.A., Filevskaya V.S.* Issledovanie cennostny'x orientacij i motivacionny'x konfliktov molody'x zhenshhin g. Magadana [Research of value orientations and motivational conflicts of young women of Magadan] // *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the North-Eastern state University]*. № 13. Special Issue. Magadan: SVSU publishing House, 2010. P. 170–173. (In Russ.).
- Leont'ev D.A.* Test smy'slozhiznenny'x orientacii [Test of life-meaning orientations]. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2000, 18 p. (In Russ.).
- Leont'ev D.A.* Psixologiya smy'sla: priroda, stroenie i dinamika smy'slovoj real'nosti [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. 3rd ed. Moscow: Smy'sl, 2007. 512 p. (In Russ.).
- Samoregulyaciya i prognozirovaniye social'nogo povedeniya lichnosti: Dispozicionnaya koncepciya. [Self-Regulation and forecasting of social behavior of an individual: a Dispositional concept]. 2nd expanded edition. Moscow: CSPPEM, 2013. 376 p. (In Russ.).
- Frankl V.* Chelovek v poiskax smy'sla [Man in search of meaning]. Moscow, Progress, 1990. (In Russ.).
- E'rikson E.* Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis] / General ed. and Preface by A. V. Tolstykh, Moscow: Progress, 1996, 340 p. (In Russ.).
- Otrachshenko V., Popova O.* Life (dis)satisfaction and the intention to migrate: Evidence from Central and Eastern Europe // *Journals of Socio-Economics*. 2014. V. 48. P. 40–49. doi:10.1016/j.socec.2013.09.008.

Информация об авторах

Кузнецова Снежана Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования, Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-9775>, e-mail: snejana.mgdn@mail.ru

Мельникова Надежда Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Менеджмент». Финансово-экономический институт СВФУ

им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-7405-1543>, e-mail: shpresamel@yandex.ru

Чарина Елена Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4133-159X>, e-mail: charlen@mail.ru

Information about the authors

Snezhana A. Kuznetsova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Moscow Institute of psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-9775>, e-mail: snejana.mgdn@mail.ru

Nadezhda M. Melnikova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Institute of Finances and Economics, Department of Management, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7405-1543>, e-mail: shpresamel@yandex.ru

Elena V. Charina, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Department of Social and Human Sciences, North-East State University, Magadan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4133-159X>, e-mail: charlen@mail.ru

Получена: 12.11.2021

Принята в печать: 30.09.2022

Received: 12.11.2021

Accepted: 30.09.2022

ЛОГОМАРАФОН

ЛОГОТЕРАПИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ

А. БАТТИАНИ, Э. ЛУКАС

Институт Виктора Франкла, г. Вена, Австрия

Вернуть человечеству его духовные заботы, – парафраз высказывания А. Экзюпери. Тоска по смыслу – характерный признак как индивидуальных, так и коллективных невротических состояний. Все это оказывается в фокусе внимания логотерапии, и она как никогда актуальна. Мы это можем наблюдать как по массивным публикациям, ориентированным на смысл изданий, так и по интересу к обучению логотерапии. И поэтому мы продолжаем публиковать отрывки из книги «Логотерапия и экзистенциальный анализ сегодня: текущее состояние» авторов Элизабет Лукас и Александра Баттиани.¹ В данном выпуске мы рассмотрим тему сущности и становления духовной личности, когнитивных нарушений, околосмертных переживаний.

Ключевые слова: Франкл, логотерапия, религия, личность, духовность, смысл.

Для цитаты: Баттиани А., Лукас Э., Логотерапия и экзистенциальный анализ: текущее состояние // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 3. С. 118–132. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_07.

Для контактов: Штукарева Светлана Владимировна, svet_vlad@inbox.ru

LOGOTHERAPY AND EXISTENTIAL ANALYSIS: AN ASSESSMENT OF THE SITUATION

ALEXANDER BATTHYÁNY, ELISABETH LUKAS

Viktor Frankl Institute, Vienna, Austria

Giving back to humanity its spiritual concerns is a paraphrase of a statement by A. Exupery. Longing for meaning is a characteristic feature of both individual and collective neurotic states. All of this finds itself in the focus of logotherapy, and it is more relevant than ever. We can observe this both in the massive publication of meaning-oriented publications and in the interest in teaching logotherapy. And so we continue to publish excerpts from the book «Logotherapy and Existential Analysis Today: The Current State» by E. Lukas and A. Batthyány. In this issue we will look at the topic of the essence and formation of the spiritual person, cognitive disturbances, and about near-death experiences.

¹ Баттиани А., Лукас Э. Логотерапия и экзистенциальный анализ сегодня. Актуальная характеристика. М.: Когито-Центр. 2021. (Логотерапия и экзистенциальный анализ).

Keywords: Frankl, logotherapy, religion, personality, spirituality, meaning.

For citation: *Batthyány A., Lukas E.* Logotherapy and existential analysis today: an assessment of the situation // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2022. V. 3. № 3. P. 118—132. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_07 (in Russ.).

For contacts: Svetlana V. Shtukareva, svet_vlad@inbox.ru

Трансцендентность. На грани человеческого воображения (продолжение).

1. О сущности и становлении духовной личности

Баттиани: ...а как обстоит дело с духовной личностью? Поскольку мы начали обсуждать такие тонкие материи, которые редко подробно обсуждаются в логотерапевтической литературе, я бы затронул еще одну тему, которая связана с вышесказанным: жизнь и судьбу духовной личности. В своей книге «*In der Trauer lebt die Liebe weiter*» («В скорби любовь живет дальше») Вы пишете прекрасные слова, говоря о смерти: «Творение не позволит нам пасть в ничто» (с. 79). Вы пишете также о «духе, сознающем себя и смысл», который (при распаде психофизики) «остается полностью самим собой» (с. 75). По сути, эти мысли заложены в дименциональной онтологии: «безусловный человек», согласно ей, — это то измерение человека, которое существует по ту сторону пространственно-временных детерминант и условностей и, следовательно, по ту сторону распада и разложения, как нечто трансморбидное.

Однако Ваша картина духа, который является «полностью самим собой», вызывает также несколько вопросов. Согласно «Десяти тезисам о личности» Франкла, духовная личность сама по себе не связана с каузальной сетью вещей, ведь она безусловна, даже если дименционально она ограничена психофизикой, обусловленной биологически, социально, когнитивно и т.д. С другой стороны, она не обязана своим существованием самой себе. Значит, хотя она безусловна и свободна от психофизического, все же она сама есть творение. Это то, что касается ее становления.

Что касается конца жизни, здесь нет однозначной позиции. Как было сказано, мы считаем, что духовная личность трансморбидна, то есть не подвержена болезни. Поэтому «психиатрическое кредо» исходит из наличия духовной личности даже тогда, когда больная психофизика блокирует доступ к духовной личности. Какое значение это имеет для конца, когда психофизика не просто нарушена, но всякая жизненная функция завершилась? У Франкла мы находим несколько довольно различных высказываний на этот счет. Так, он говорил:

Я считаю, что не имеет смысла, начиная с секунды наступления смерти, говорить о «до» и «после», таким образом, для меня отпадают вопросы о реинкарнации, вообще о продолжении жизни после смерти.

С другой стороны, в беседе с раввином Булкой на эту же тему он выразил следующее мнение:

Однажды я привел такую аналогию. Разбуженный человек пугается, но он не понимает, что пробудился в более прекрасном мире. И в любом случае он непременно испугается, если вы его коснетесь. Смерть то же самое. Мы боимся, но не знаем, насколько в более высоком измерении пробуждаемся.²

При этом Франкл ссылается на это замечание в своей книге «Воля к смыслу» в сноске, которая была опубликована только в английском варианте книги:

Обычно смерть сравнивают со сном. Однако на самом деле смерть стоит сравнивать с пробуждением. Это сравнение хотя бы делает возможным понимание того, что смерть находится за рамками понимания. Представьте себе любящего отца, который нежно будит своего ребенка ласковым прикосновением. Ребенок проснется резко и с испугом, потому что в мире его сна, в который вторгается прикосновение, истинный смысл его не может быть постигнут. Так и человек, пробужденный из жизни в смерть, пугается. И если после клинической смерти его жизнь спасена, понятно, почему он ничего не помнит. Проснувшийся помнит свой сон, но видящий сон не знает, что спит.³

Я не хочу подвергать эту цитату анализу. «Высшее измерение, в которое мы просыпаемся» и на которое ссылался Франкл в разговоре с раввином Булкой, не без причины непознаваемо эмпирически или рационально.

Но в этой связи я возвращаюсь к процитированным выше словам о духе, который является «полностью самим собой» в смерти. Если Франкл в разговоре с раввином Булкой рассматривает возможность пробуждения в «более высоком измерении», тогда можно сделать вывод, что свое высшее проявление «психиатрическое кредо» находит в тот день, когда психофизика не просто повреждена, но абсолютно теряет свое значение: теперь дух, как Вы пишете, является «полностью самим собой». Само это уже является интересным моментом, но также тянет за собой цепочку вопросов. Например, какими свойствами может обладать «чисто духовная личность» без своей психофизики? Даже если осознавать, что измерения не так просто отделить друг от друга, мы все же можем назвать свойства тела и психики и сделать вывод, что эти свойства *не* являются свойствами духовной личности (например, обусловленность, связь с пространством и временем и т.д.). Духовная личность, напротив, свободна, является самосознательной, формирующей и снабжена возможностью восприятия надлежащего. Она индивидуальна и всегда нова, то есть не только неделима, но и уникальна. Я задаюсь вопросом, как можно представить себе духовную личность в данном контексте и как можно вообразить себе ее дальнейшую «судьбу», когда психофизики еще или уже нет... Франкл пишет о генезисе личности в

2 Frankl V.E. Psychotherapie, Psychiatrie und Religion. Über das Grenzgebiet zwischen Seelenheilkunde und Glauben. Band 5 der Edition der Gesammelten Werke. (Batthyány, Biller, Vik, Hrsg.). Wien: Böhlau, 2016. P. 214.

3 Frankl V.E. Will to Meaning. New York: Meridian, 1988. P. 150.

своем произведении «Десять тезисов о личности», которое содержит следующие основополагающие идеи:

Каждая отдельная личность есть нечто абсолютно новое. Давайте задумаемся: отец после соития весит на пару граммов меньше, а мать после родов — на пару килограммов; однако дух не поддается никакому учету. Разве родители, когда при рождении их ребенка возникает новый дух, становятся беднее духом? Или, когда в ребенке возникает новое Ты — новое существо, которое может сказать о себе «я», — разве его родители после этого могут сказать про себя, что их «я» хоть на йоту меньше?»⁴

Это само по себе уже является сильным аргументом, но если личность нельзя вывести из телесного, то, естественно, возникает вопрос, откуда же она возникает, в какой форме она приходит в бытие и как из него уходит.

Лукас: Я хотела бы сразу сказать об одном существенном факте. Есть недопустимые вопросы, которые недопустимы потому, что их неправильно задают. На неправильно поставленные вопросы есть только неправильные ответы. Вот забавный пример неправильно поставленного вопроса: «Кто шьет одеяния для ангелов?» На многочисленных изображениях ангелы почти всегда одеты. Несмотря на это, вопрос о производстве их одеяний недопустим, так как ни один ответ, каким бы он ни был, не будет соответствовать действительности. Ответ «никто» был бы тоже неверным, потому что он предполагал бы самопроизводство ангельских одеяний. Для неправильно поставленных вопросов характерным является *ложная предпосылка*. В нашем примере (ангелы носят одежды) это предпосылка. Ложные предпосылки возникают тогда, *когда наш человеческий образ мыслей переносится на нечеловеческий или сверхчеловеческий*. В примере: поскольку мы не можем представить себе ангелов (независимо от того, есть они или нет), мы приписываем им человеческие черты, тела и одеваем их в человеческую одежду. Из этой ложной предпосылки возникают неправильно поставленные вопросы об ангелах.

Я упомянула этот факт, потому что существует феномен, который гораздо сложнее и масштабнее, чем миф об ангелах: мы не можем представить себе измерение без пространства и времени и поэтому неизбежно приписываем ему места и сроки. Мы будто облачаем его в «человеческие одежды» и удивляемся, что они не подходят. Как наш мыслительный аппарат, так и наш инструментарий чувственного исследования настроены на пространство и время, и поэтому мы не можем ни думать, ни чувствовать за этими рамками. Ни одно воображение тут не справится, а это говорит о многом, ведь человек — это существо, которое многого достигло в искусстве воображения и фантазии. Мы можем представить себе много нереального и пока еще нереального, начиная с волшебных сказок, видений будущего до научно-фантастических романов, но все неизбежно находится в плену времени и пространства.

Высшая лига астрофизиков современности уже выявила, что загадка «большого взрыва», при котором возникла Вселенная, заключается в том,

4 Frankl V.E. Ärztliche Seelsorge. Anhang: 10 Thesen zur Person. Wien: Deuticke, 2005.

что нет и не может быть никакого «до». Не могло существовать чудовищной массы, которая по какой-то причине взорвалась и выбросила в космос бесконечно много частичек. Единственное возможное объяснение заключается в том, что с большим взрывом пространство и время *только возникли*, и они делятся с тех пор. Это значит: никакого «до» и «там», которое в нем существовало. То, что мы, люди, не можем себе это представить, ничего в этом не меняет.⁵

Аналогию этому представляет собой наша экзистенция. Для духовной личности, которой каждый из нас является, акт ее телесного зачатия также являлся «большим взрывом», в котором время и пространство получили свою отправную точку. Никакого «до» и «там», которое в нем существовало. То есть вопрос, *где* была личность *до* ее зачатия, относится к тем недопустимым, на которые можно дать лишь неверный ответ. Чтобы подробно ответить на вопрос, имеет ли духовная личность начало, к которому она была призвана в жизнь, нужно различать следующее: «она *как таковая*» не имеет ни начала, ни конца, но она имеет свое начало как «личностный союз с телесным и душевным» с момента своего зачатия. Единство и целостность «человек», таким образом, призывается в жизнь родителями (что не может быть иначе). Принимает ли в этом участие (что касается «личности как таковой») голос «божественного посланника случая» (который при любом зачатии играет свою роль), или имеет место решение о надлежащем и приглашение со стороны высшей инстанции, — это лежит по ту сторону нашего горизонта знаний.

Признаю, что я немного «развернула» Ваш вопрос. Вы ведь спрашивали о том, изначально ли личность вызывают *к бытию*, а я привела в качестве аргумента то, что ее вызывают *к жизни*. *Бытие* или *существование вообще* — это многослойное философское понятие. Если оно должно включать в себя «все сущее», значит ли это, что абсолютно недоступное нам (божественное?) измерение без времени и пространства (без начала и конца), откуда «происходит» духовная личность, включено в него тоже? ... здесь происходит нагромождение заблуждений и непонимания. Франкл был достаточно умен, чтобы писать в своих трудах о существовании и «над-существовании», о мире и «над-мире», о смысле и «над-смысле». Приставкой «над» он обозначал то закрытое для нас измерение, которое находится вне всякого человеческого понимания. Таким образом он уточнял, говорит ли он о земном бытии, человеческом понимании смысла, об окружающем нас мире вещей и людей или о большем.

В общем и целом людей меньше интересует вопрос о происхождении их экзистенции, чем о том, что с ними произойдет, когда их «отзовут от жизни». Что произойдет с их организмом, и так понятно: он сойдет в могилу. Закончит свое существование. Но как же сам человек? Уже миллионы лет назад, на заре *homo sapiens* забрезжило некое представление о том, что сам человек не угасает вместе с телом. Там, где находили кости древнейшего человека, находили

5 Ситуация даже более критичная: мы даже не можем правильно представить себе время и пространство. Ведь пространство в действительности не геометрично, а «изогнуто», как доказывают все расчеты, а время не константно, что известно еще со времен Эйнштейна. Все это противоречит нашему обычному восприятию.

и погребальные предметы, которые не имели бы ни малейшего смысла, если бы наши предки были убеждены в полном угасании личности. Конечно, здесь снова происходит «облачение в человеческое одеяние» того, что ускользает от человеческих способностей воображения: потустороннее, в котором могли бы пригодиться украшения, горшки и прочие материальные ценности. Но и мы, просвещенные граждане 21 века, не можем составить себе представление о том измерении, в котором в целостности и сохранности находится духовная личность. Мы можем только повторить слова Франкла:

В момент своей кончины человек теряет не только свое сознание, не только сознание времени, но он также теряет само время. Он теряет его в смерти точно так же, как получает его лишь в момент своего рождения [лучше: зачатия, прим. сост.]. Только бытие во времени, пространстве и в теле «имеет» время, «имеет» прошлое и будущее. А духовное существование, будучи духовным, не «есть» «здесь», в отличие от «бытия»⁶ – это существование по ту сторону времени и пространства.⁷

В смерти все становится недвижимым, ничем нельзя распоряжаться; человек больше ничем не располагает – ни душой, ни телом: происходит полная потеря психофизического Я. То, что остается, – это только он сам. Таким образом, у человека после смерти больше нет Я, он вообще больше ничего не «имеет», он только «есть», а именно он сам.⁸

Что из этого следует? В такой же мере, в какой «личность как таковая» не может быть зачата, в такой же она является бессмертной. Но внимание: в смерти все «после» и последующее «там» исключается. Как бы нам это не было горько, но вопрос о том, где личность находится после своей смерти, является недопустимым, и на него можно дать только неправильный ответ.

Как психотерапевту мне известно из собственного опыта, что построение догадок насчет того, что *нельзя узнать*, скорее ведет к стрессу. А проявление *доверия* в отношении этого скорее способствует внутреннему успокоению. Я хотела бы противопоставить этот опыт одному из Ваших следующих вопросов: какие догадки можно было бы строить относительно свойств «личности как таковой» после расторжения ее союза с телесно-душевным, вызванным смертью? То, что пребывать в сознании в виде функционирования мозга, невозможно, это кажется логичным. Однако пребывание в знании могло бы быть вероятным (Франкл). То, что личность без своего психофизического инструмента и средств теряет свободу индивидуального формирования и выражения, также понимается вне всякого сомнения. Мы считаем ничтожно малым то, что остается, но снова принимаемся за создание «человеческих одеяний», в которые хотим облачить трансцендентное. От этого рекомендуется воздержаться уже из чисто психогигиенических соображений (а не только в смысле научной добросовестности). Давайте тренироваться в нашей воздержанности от умозрений и взамен укреплять наше доверие!

Франкл был пропитан доверием «сверх-смыслу» (Богу?), который отправляет свою власть в категориях по ту сторону нашего понимания. В нем даже

6 Dasein – бытие (da – здесь, sein – быть) – прим. переводчика.

7 Frankl V.E. Der leidende Mensch. Bern: Hans Huber (10. Aufl.), 1984. P. 133.

8 Frankl V.E. Der Wille zum Sinn. Bern: Hans Huber (3. Aufl.), 1982. P. 54.

всякое страдание может иметь высший, окончательный смысл. В нем духовная личность «вечно» пребывает в целостности и сохранности. «Давайте склонимся перед тайной», — призывал он нас. Давайте склонимся...

Есть кое-что, о чем мы не должны строить догадки, так как оно очевидно. Духовная личность после ее земного путешествия (за исключением ранней детской смерти или тяжелых нарушений) возвращается на свою духовную родину с идентичностью, отличной от той, с которой она пришла на землю.⁹ Она несет с собой истину о своей прожитой жизни, которая нерушима и неизменяема. Так называемый «оптимизм прошлого» относится к гениальнейшим концептам Франкла. Он понял, что то, что было, является «самой сохраненной формой бытия», потому что его не может изменить или устранить ни одна власть в мире (или в над-мире). То, что однажды стало таковым, стало им раз и навсегда. В этом отношении также и все то, что личность в своей жизни решила, создала, исполнила, испытала, пережила со страданием, задумала и осуществила, — все это сохранено в неподкупной истине как полнота ее жизненного творчества. Более того, как уникальная идентичность, которую она создала с помощью своего неповторимого жизненного творчества. Согласно Франклу, каждый высекает себе «памятник» с помощью своих действий, к которому смерть не может прикоснуться. Это почти невероятно, но правда: все-таки смерть тоже имеет ограничения. Для нее наше жизненное прошлое под запретом. И снова, с давних времен в нас теплится некое странное представление о значении того, что о нас будет сохранено в прошлом. Это отражено во всех религиях и мифах. Важную роль играет то, что преобладало в нашей жизни: любовь или ненависть; чем мы руководствовались в своей деятельности: конструктивным или деструктивным; использовали ли мы приглашение к сотворчеству на благо или для причинения боли творению. В зависимости от этого, как говорил Франкл, в конце каждый сам себе рай или ад.¹⁰

Но мы еще мысленно не покинули временной континуум. Франкл тоже останавливался на нем в своих размышлениях:

*Так мы попадаем... в парадоксальную ситуацию, в которой прошлое человека является его же будущим, которого он ожидает.*¹¹

Но затем он осуществил прыжок от просто истории к безвременности «сверх-бытия»:

*Живущий человек имеет прошлое и будущее; умирающий не имеет больше будущего, но только прошлое, а мертвый есть его прошлое.*¹²

Кого он подразумевал под «мертвым»? Труп в гробу? Конечно, нет. Духовную личность по ту сторону времени и пространства? Определенно. Итак, он

9 «Приходить», «возвращаться» — это неадекватные слова, т.к. они предполагают перемещение в пространстве. Так как мы все же не способны мыслить вне пространства, мы также не можем обходиться без него в словах. Поэтому я использую здесь метафору. Она все равно «хромает», так как духовная личность во время своего «земного странствия» обитает вне времени и пространства. «Дух нигде в теле...» (Франкл).

10 Frankl V.E. Der Wille zum Sinn. Ausgewählte Vorträge über Logotherapie. Bern: Hans Huber (3. Auflage), 1982. P. 54.

11 Там же, P. 55.

12 Там же, P. 55, сноска.

считал, что «личность как таковая» после своей смерти (читатель простит меня за слово «после», оно выбрано с нашей позиции, то есть позиции живущих людей) является измененной и самостоятельно раскрытой индивидуальностью, которая отзывается из своего исторического прошлого перед смертью (читатель простит меня также за это «перед»). *Она не была той же индивидуальностью в начале своего телесно-душевного союза в момент зачатия.*

Вероятно, это крайнее и уже достаточно смелое утверждение, на которое мы можем опереться. Какие ассоциации можно собрать из осколков мыслей: «приглашение к сотворчеству», «каждый поступок как часть собственного памятника», «каждый сам себе ад или рай», «пребывание в знании могло бы быть вероятным», — решать каждому в отдельности. Мы вынуждены искать более или менее антропоморфные символы, чтобы приблизиться к тайне, которая нам не откроется.

2. *Духовная личность и когнитивные нарушения*

Баттиани: Также возникает вопрос об экзистенциальной судьбе и пути тех, чья духовная личность так и не встретила с достаточно хорошо функционирующей психофизикой. Я говорю о личностях, которые в течение жизни (к примеру, из-за сильного врожденного когнитивного нарушения) никогда не имели возможности думать, принимать решения и действовать осознанно... Я осознаю, что мы уже находимся в высшей степени умозрительной области и здесь не стоит рассчитывать на точные ответы. И все же в логотерапии у нас есть некоторые ориентиры на карте, которые дают нам возможность хотя бы приблизиться к ответам. Поскольку логотерапия основана на базовой уверенности в том, что для осмысленного и благонамеренного образа жизни требуется наше жизнеутверждающее содействие, остается вопрос, что в таких случаях составляет суть духовной личности или что с ней станет после смерти...

Лукас: Что ж, этот вопрос возвращает нас к обозначенным «исключениям». *Все же* может произойти так, что итоговая идентичность духовной личности совпадет с изначальной. Например, если ребенок умрет в утробе, тогда у его (духовно еще не пробудившейся) личности так и не будет возможности проявить себя в мире через свою деятельность. То же касается больных, чей «инструмент духа» неприменим из-за сильных церебральных или психотических ограничений. Мы сочувствуем таким людям, и это по праву. Но, возможно, в свете «высшего смысла» внезапно обозначится более приемлемая картина. Возможно, эти особенные люди освобождены от груза ответственности сотворчества и им позволено без какой-либо отметки «греха» перетечь в безвременность, из которой их выудил «посланник божий — случай». Ведь к «трагической триаде» человеческой жизни (Франкл) наряду со страданием и смертью относится и *вина*, о которой поэт говорил, что она худшая из бед¹³. Этих «избранных» освободили от потенциальной вины, и они могут сохра-

13 Шиллер — прим. научного редактора.

нить свои «белоснежные одежды» в виде своей изначальной идентичности. Возможно, это у *них* достаточно оснований, чтобы жалеть *нас*...

Нам стоит быть осторожными, когда мы ошупью пробираемся вдоль границы познаваемого. Нам необходим трос, страхующий нас от падения при неосторожном шаге. Этот трос закреплен *твердым доверием*. Пока такое (изначальное) доверие нас держит, никакая трагическая реальность и никакое жестокое заблуждение не перебросят нас через край в бездонную пропасть.

3. Взгляд логотерапии на околосмертные переживания

Баттиани: Еще кое-что в завершение этой темы. Готовясь к данному блоку нашей беседы, я наткнулся на интересную статью психолога-логотерапевта и клинического психолога Джеймса Крамбо (известного, прежде всего, благодаря разработанному совместно с Леонардом Махоликом тестом PIL)¹⁴. В этой статье Крамбо пытается осветить феномен так называемых околосмертных переживаний (ОСП) с перспективы димензиональной онтологии.¹⁵ Известно, что, согласно статистике, примерно 8-18% тех, кто пережил экстремальный кризис, угрожавший их жизни (например, сердечный приступ или остановку дыхания), рассказывают об относительно однообразных и упорядоченных переживаниях, которые имеют общие моменты: например, интенсивное ощущение, будто человек просматривает свое прошлое, чувство легкости, глубокого внутреннего спокойствия и иногда своего рода «встреча со светом»¹⁶. Для исследований такие рассказы представляют небольшую загадку, а именно потому, что эти переживания происходят (и сохраняются в памяти) в тот момент, когда подобное упорядоченное и структурированное переживание или вообще сознательное переживание крайне маловероятны с точки зрения нейробиологии. Несколько лет назад я и мои студенты Университета Вены провели исследование, в котором мы проанализировали более 650 рассказов об ОСП. Нам был важен вопрос, как эти люди сами переживали этот опыт когнитивно и как они его трактуют.¹⁷ Большинство респондентов ответили, что во время ОСП они находились в *более ясном* сознании, чем обычно, то есть их переживания происходили не в расплывчатом трансе, эти люди были предельно сконцентрированы и находились в состоянии бодрствования. Лишь содержание, то есть то, *что* эти люди переживали, было чрезвычайно «неземным»... Наша рабочая группа занималась скорее тем, как происходил этот опыт, нежели его содержанием. Нужно заметить сразу: то, что кто-то может получить сложный и когерентный опыт, находясь при этом в серьезном физиологическом кризисе (остановка дыхания или сердца), довольно необычно,

14 Crumbaugh J.C., & Maholick L.T. An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis. *Journal of clinical psychology*, 1964. V. 20(2). P. 200-207.

15 Crumbaugh J.C. A contribution of Frankl's logotherapy to the interpretation of near death experiences. *The Journal of Near-Death Studies*, 1997. V. 15 (3).

16 Batthyány A. *Foundations of Near-Death Research: A Conceptual and Phenomenological Map*. Durham: IANDS Press, 2018.

17 Batthyány A. Complex visual imagery and cognition during the near-death experience. *Journal of Near-Death Studies*, 2016. V. 33(1).

и это поднимает вопросы об отношении между субъективным переживанием и его нейробиологическими основаниями.

Наиболее важное возражение против адекватности всех редукционистских психофизиологических теорий [...] – это ясность ума, яркие чувственные образы, четкие воспоминания об опыте и убежденность в том, что опыт казался более реальным, чем обычное сознание, что является нормой для околосмертных переживаний, даже когда они происходят в условиях резко измененной церебральной физиологии, при которой редукционистская модель считала бы сознание невозможным.¹⁸

Этот феномен бросает вызов не только клинический, но и теоретический. Во-первых, очевидно, что нужно искать физиологические причины ОСП хотя бы потому, что последние нейropsychологические данные говорят о том, что каждое переживание можно соотнести с нейрофизиологическим коррелятом. Соответственно, можно предположить наличие такового и для ОСП. В то же время именно нейрофизиологические корреляты сложных и упорядоченных переживаний, как и в случае ОСП, чрезвычайно сильно подвержены выходу из строя в рамках физиологических экстремальных состояний. Большинство из нас, вероятно, знает это из своего опыта. Первое, что страдает от таких легких недугов, как лихорадка, головная боль или головокружение, – это именно те сложные высококогнитивные процессы, которые активируются при ОСП.

ОСП поднимают вопрос, как и почему настолько сложное переживание может происходить именно при близости смерти. При этом здесь сложно привести тот аргумент, что ОСП обладают особенной эволюционной адаптивностью. Ведь при ОСП задействуются биологические ресурсы, которые можно было бы использовать «с большим смыслом» в борьбе за выживание – нельзя забывать, что всякий процесс в мозге требует высоких энергетических затрат. Поэтому стоило бы ожидать, что в борьбе за выживание все ресурсы будут вкладываться в ствол головного мозга, отвечающий за дыхание и сердцебиение.

В то же время ОСП представляются людям не как нейрофизиологический блок процессов, а как глубокий опыт, который, как показывают дальнейшие исследования, десятилетиями продолжает оказывать влияние на формирование их собственной жизни, на их установки и поведение.¹⁹ Таким образом, чисто клиническое и нейрофизиологическое рассмотрение не будет в полной мере соответствовать значению данного переживания. Итак, здесь возникает потенциальный конфликт между личным переживанием и научными попытками объяснения. Чтобы его сгладить, Крамбо в 1997 г. предложил применить димензиональную онтологию Франкла также и к ОСП. Тогда противоречие

18 *Greyson B.* Implications of near-death experiences for a postmaterialist psychology. *Psychology of Religion and Spirituality*, 2010. V. 2. P. 37–45.

19 *Rominger R.A.* Exploring the integration of near-death experience aftereffects: Summary of findings. *Journal of Near-Death Studies*, 2009. V. 28(1), P. 3–34.; *Holden J.M.* Aftermath: Counting the aftereffects of potentially spiritually transformative experiences. *Journal of Near-Death Studies*, 2012. V. 31(2), P. 65–78.

между субъективным, экзистенциальным взглядом на ОСП и нейробиологическим взглядом превращалось лишь в кажущееся, в то время как их совместимость и непротиворечивость открывалась (только) в модели различных, пронизывающих друг друга, измерений. С точки зрения димензиональной онтологии, описанный феномен – это опыт с нейрофизиологическим основанием. И даже, более того, – это глубокий экзистенциальный, для большинства даже религиозный опыт, и не только...

Лукас: Да, димензиональная онтология Франкла – это чрезвычайно умный вспомогательный конструкт, который в понятной форме дает представление о единстве человека, несмотря на его многогранность. Этот конструкт (который превосходит всякую модель слоев) может быть полезен вдвойне, и это Франкл изложил в двух своих законах димензиональной онтологии. Во-первых, он может разрешить конфликты между якобы несовместимыми димензиональными феноменами, то есть построить своего рода антропологическую «квадратуру круга», потому что как «квадрат», так и «круг» на более высоком уровне восходят к «цилиндрической фигуре». Во-вторых, он может выразить убедительное предупреждение о том, что нельзя допускать димензиональных смещений из-за ложного проецирования феноменов: сложные антропологические «фигуры» превращаются в свои собственные расплывчатые плоские силуэты, если их рассматривают на слишком низком уровне (или лишь на нем).

Я хотела бы выразить свое согласие с Джеймсом Крамбо, что странные околосмертные переживания, о которых существует целый ряд рассказов и текстов, можно понять лучше с помощью димензиональной онтологии Франкла. То, что нам надо сторониться димензиональных смещений из-за ложного проецирования, Франкл объяснял следующим образом:

Если я стану проецировать...фигуры таких личностей, как Федор Достоевский или Бернадетта Субиру на психиатрическую плоскость, тогда для меня (как для психиатра) Достоевский будет не более чем одним из эпилептиков, а Бернадетта не более чем истеричкой со зрительными галлюцинациями. То, чем они являются сверх этого, не отражается в психиатрической плоскости. Ведь как художественные достижения первого, так и религиозные откровения второй находятся вне психиатрической плоскости. В рамках психиатрического уровня все остается многозначным до тех пор, пока через него не становится видно что-то другое, что стоит за ним или над ним...²⁰

Напрашивается перенос примеров Франкла на переживших околосмертные состояния. Если проецировать их высказывания на чисто медицинскую плоскость, мы придем к выводу о ложных сигналах мозга. Если проецировать их на чисто психологическую плоскость, мы остановимся на богомольных фантазиях. Противоречия между позицией ученых («квадрат») и непрофессионалов с околосмертными переживаниями («круг») можно объяснить и смягчить, рассматривая духовность человека как *отдельное* измерение, *отличное*

20 Frankl V.E. Ärztliche Seelsorge. Grundlagen der Logotherapie und Existenzanalyse. Wien: Franz Deuticke (10. Auflage), 1982. P. 34f.

от телесного и душевного, что соответствует димензиональной онтологии Франкла. Тогда через эти переживания станет «видно что-то другое, что стоит за ним или над ним...» Они будто бы станут «цилиндричными». То, что на телесном и душевном уровнях интерпретируется как галлюцинации или трансформации душевных стремлений людей, находящихся на пороге смерти, на духовном уровне могло бы быть секундной вспышкой, позволяющей взглянуть на то, что находится «по ту сторону смерти», каким бы внепространственным и вневременным оно ни было в действительности.

Духовное измерение человека — это не только *отдельное*, но и *собственно* человеческое измерение, которое в принципе делает его человеком. Это значит, что, хотя оно и является одним из трех измерений, оно все же «каким-то образом» больше них, его нельзя сравнить с телесным и душевным уровнями, которыми она пользуется для своего выражения и деятельности. Еще при жизни она окружена чем-то мистическим. Ее невозможно поймать в единую димензиональную связку, ведь это единство она образует сама.²¹ Она не присоединяется параллельно к цепочке других уровней, которые тесно переплетены друг с другом. Она на протяжении всей жизни зависит от остаточной части целостности человека и все же будет «свободнее», чем этот остаток...

Можно предположить, что в ситуации, когда приближается конец жизни, единство и целостность человека ослабевает. Чем больше сокращается телесно-душевный функционал, тем сильнее в этом союзе преобладает духовное. Если духовной личности в исключительных случаях удастся сгенерировать последнюю церебральную энергию из увядающих клеточных запасов, чтобы дать о себе знать, нас не должно удивлять, если она проявляется (теперь без таких препятствий как немощность, боль, аффект) в поразительной ясности и проницательности, даже с элементом «взгляда в вечность». Нечто подобное обнаружил и Франкл, когда совместно со своим коллегой Отто Пётцлем исследовал группу людей, которые были спасены после падения в горах, но во время него заглянули смерти в глаза²². В этих случаях падающие с высоты, очевидно, пребывали в таком телесно-душевном шоке, что два измерения по причине шокового ослепления будто бы на время «вышли из строя» (что исследователи смогли выявить нейронально), а духовное вдруг стало преобладать. Часто в течение нескольких секунд падения происходила своего рода вспышка «взгляда в вечность», во время которой человек образно воспринимал сжатую версию собственной биографии, те моменты, которые были позитивны, хороши или ценны — стоили того, чтобы навсегда остаться сохраненными в вечном прошлом.

Здесь я хотела бы напомнить о предупреждении, которое предполагает димензиональная онтология Франкла. Что бы человек духовно ни «узрел» в окколосмертном состоянии, это всегда будет подвергнуто вынужденному переводу с языка «потустороннего» на язык «здешний». И более того: оно будет проецироваться в более низкое измерение! Проецироваться из более обширного изме-

21 Ср. 7 тезис из «Десяти тезисов о личности» Франкла.

22 Frankl V.E., & Pötzl O. Über die seelischen Zustände während des Absturzes. European Neurology, 1952. V. 123(6). P. 362-380.

рения в низшее измерение! Это значит, что получится лишь силуэт невидимой и бесконечно высшей «фигуры»! Соответственно, если умирающие видят сверкающие лучи света, ощущают себя вне собственного тела, будто парят и пр. — это всего лишь упрощения, доступные человеческому уровню понимания. При этом мы даже не знаем, с какой «высоты» происходит проецирование на человеческую землю и человеческий горизонт. Но точно не с «четвертого» измерения: божественное не может быть номером 4. Идея Франкла в этом отношении заключалась в том, что оно есть сама система координат, вся димензиональная протяженность, все, что превосходит димензиональность, то, чье дуновение мы можем почувствовать в экстремальных жизненных ситуациях. Однако в силу необходимости выразить свою мысль Франкл использовал понятие «измерение над-мира», чтобы сделать предупреждение понятным:

Точно как переживание, спроецированное из пространства человеческого в плоскость телесно-душевного, становится многозначным, так же становится многозначным и событие, если только оно не рассматривается как прозрачное окно в измерение над-мира, а проецируется на пространство мира, то есть упрямю и недальновидно трактуется как относящееся исключительно к видимому миру.²³

Поэтому давайте на этом завершим тему околосмертных переживаний и дадим обещание, что в будущих обсуждениях будем обращать внимание на два момента: 1. Не редуцировать духовное до уровня телесно-душевного. 2. Не помещать человеческое на небеса.

Как психотерапевту мне не хотелось бы озвучить то, что приведенная выше цитата Франкла, помимо превосходных теоретических рассуждений, дает отличные идеи для прикладной логотерапевтической практики. Пациенты снова и снова забывают о предостережении не очеловечивать то, что относится к над-миру, и в результате получают образ карающего и мстящего Бога, который их пугает. Чтобы донести до них, насколько абсурдны такие попытки, можно прибегнуть к целительной силе юмора, которая иногда быстрее и точнее попадает в цель, чем умные аргументы. Франкл, который знал толк в юморе, в одной из своих книг объяснил с помощью шутки, насколько сосредоточенно нам нужно следить за своими попытками очеловечить то, что относится к над-миру. В этой шутке школьный учитель религии рассказывает ученику, как однажды после родов умерла одна женщина, а ее муж был слишком беден, чтобы оплатить кормилицу. Тогда Бог сотворил чудо и сделал так, что у мужчины выросла грудь, чтобы тот мог вскормить младенца.

Маленький Моритц поднял руку и сказал: «Честно говоря, господин учитель, я не совсем понял. Не было бы проще, если бы Бог сделал так, чтобы этот бедный мужчина (якобы случайно) нашел на улице деньги? Тогда он смог бы заплатить кормилице, и Богу не надо было бы творить чудо». На это учитель ответил: «Глупый мальчишка! Если Бог может сотворить чудо, он не станет тратить денег!»²⁴

23 Frankl V.E. Logotherapie und Existenzanalyse. München: Piper, 1987. P. 67.

24 Frankl V.E. Der unbewusste Gott. München: dtv (7. Auflage), 1992. P. 93f.

Всякому сразу понятна суть шутки. Бог не «один из нас».

...

Подобным образом я работала с одной моей пациенткой. Она была увлеченным педагогом, доброжелательной, порядочной — сама благодать, но, к сожалению, ей не хватало изначального доверия. «Я все время боюсь провиниться, — сказала она мне. — Я боюсь умереть и встретить Бога, который скажет, что я виновата!» Ситуация была серьезной, но я обернула ее в веселую болтовню: «Какая привилегия — встретиться с Богом! — воскликнула я. — Об этом многие мечтают!» «Но, если он меня проклянет?» — спросила она. «Что ж, я предлагаю при такой оказанной Вам чести заговорить первой, — ответила я. — Ladies first! Как насчет поинтересоваться, почему Он навязал Вам такое нелепое чувство вины? Может, Он сокрушенно признается, что Он хотел отослать чувство вины тем подлецам, которые губят невинных людей во время террористических актов, но из-за программной ошибки в небесном компьютере, который уже устарел, чувства вины случайно были переданы Вам...» Молодая женщина рассмеялась, но она сразу поняла суть. «Возможно, — продолжила я, — Он добавит: «Но я ведь дал тебе частичку свободы и юмора. С их помощью ты можешь противостоять своему ненужному чувству вины...».

И вскоре она действительно смогла. Как она вернула свое изначальное доверие? Его можно вернуть лишь через авансовое действие. Поскольку смерть — это «сестра сна», я посоветовала ей заранее наметить свою «встречу с Богом» перед отходом ко сну, но на этот раз без лукавства, а совершенно «серьезно». «Господи, — так начиналась ее молитва, — Ты подарил мне так много прекрасного! Мою жизнь, мое здоровье, мою прекрасную профессию... Сегодня я хочу сделать Тебе подарок. Я дарю тебе свою безграничную веру в то, что ты наполнен Любовью к Твоим созданиям. Я этого не знаю, не чувствую, но это мой подарок Тебе: я отказываюсь от недоверия Тебе и слепо полагаюсь на Твое милосердие...».

У подарков есть одна особенность. Если подбирать их со всей искренностью, тогда самый большой подарок почти всегда получает даящий. Так было и в этом случае.

Впрочем, самому сделать первый шаг важно не только для укрепления связи с «высшим», то есть для вертикальной связи. Связам горизонтальным, то есть отношениям с окружающими людьми, также полезно авансовое действие (см. супружеское консультирование и семейную терапию).

Литература

Баттиани А., Лукас Э. Логотерапия и экзистенциальный анализ сегодня. Актуальная характеристика. М.: Когито-Центр, 2021.

Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 213 с.

Франкл В. Теория и терапия неврозов. СПб.: Речь, 2001. 234 с.

References

Batthyány A., Lukas E. Logotherapy and existential analysis today. An assessment of the situation. Moscow: The Cogito-Center, 2021.

Frankl V. To Say «Yes to Life!»: A Psychologist in a Concentration Camp. Moscow: Alpina non-fiction, 2013. 213 p.

Frankl V. Theory and Therapy of Neurosis. SPb.: Rech, 2001. 234 p.

Информация об авторах

Александр Баттиани, профессор, почетный профессор Психологического института Российской академии образования и Московского института психоанализа, президент и глава научно-исследовательского департамента, Институт Виктора Франкла, г. Вена, Австрия; преподаватель, Университет Вены, г. Вена, Австрия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7736-7957>, e-mail: svet_vlad@inbox.ru

Элизабет Лукас, доктор психологии, профессор, почетный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ученица В. Франкла и популяризатор его наследия, e-mail: svet_vlad@inbox.ru

Information about the authors

Alexander Batthyány, Professor, Honorary Professor of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education and the Moscow Institute of Psychoanalysis, President and Head of the Research Department, Viktor Frankl Institute, Vienna, Austria; Lecturer, University of Vienna, Vienna, Austria, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7736-7957>, e-mail: svet_vlad@inbox.ru

Elisabeth Lukas, Doctor of Psychology, Professor, Honorary Professor of the Lomonosov Moscow State University, Student of V. Frankl and Popularizer of his Legacy, e-mail: svet_vlad@inbox.ru

Получена: 02.06.2022

Принята в печать: 30.09.2022

Received: 02.06.2022

Accepted: 30.09.2022

ЛЕКТОРИЙ МИП

ОСНОВЫ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ И КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

П. Ш. АМОНАШВИЛИ

Международный центр гуманной педагогики, г. Москва, Россия

В статье представлен отредактированный текст лекции П.Ш.Амонашвили, прочитанной в рамках лектория «Педагогика LAB» на базе Московского института психоанализа 10 декабря 2021 года. Автор обосновывает важность и необходимость гуманного подхода в педагогике, который объединяет в себе классические взгляды на педагогику и современные знания психологии. Данный подход опирается на такие способы общения с детьми, при которых дети без «насильственного» принуждения были бы сами мотивированны на обучение, на приобретение знаний, на общение с учителями. Противоположностью ему выступает авторитарный подход, где общение между учеником и учителем осуществляется «сверху вниз», в приказных формах, учитель больше старается контролировать ученика, управлять ситуацией и формировать его личность. На основе данной концепции автор предлагает использовать идеи гуманной педагогики в рамках консультирования как детей, так и взрослых по достаточно широкому кругу вопросов.

Ключевые слова: педагогика, консультирование, гуманная педагогика, гуманный личностный подход, эмпатия.

Для цитаты: Амонашвили П. Ш. Основы гуманной педагогики и консультирования // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 3. С. 133—146. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_08.

Для контактов: Амонашвили Паата Шалвович, masterclass@inpsycho.ru

FUNDAMENTALS OF HUMANE PEDAGOGY AND COUNSELING

PAATA SH. AMONASHVILI

International Center for Humane Pedagogy, Moscow, Russia

The article presents the edited text of the lecture by P.Sh. Amonashvili, delivered as part of the «LAB Pedagogy» lecture hall at the Moscow Institute of Psychoanalysis on December 10, 2021. The author substantiates the importance and necessity of a humane approach in pedagogy, which combines classical views on pedagogy and modern knowledge of psychology. This approach develops ways of communicating with children so that children themselves, without «violent» compulsion, would be motivated to learn, to acquire knowledge, to communicate with teachers. The opposite of it is an authoritarian approach, where communication between the student and the teacher is carried out «from top to bottom», in command forms, the teacher tries more to control the student, manage the situation

and shape his personality. Based on this concept, the author proposes to use the ideas of humane pedagogy within the framework of counseling both children and adults on a fairly wide range of issues.

Key words: pedagogy, counseling, humane pedagogy, humane-personal approach, empathy.

For citation: *Amonashvili P. Sh.* Fundamentals of humane pedagogy and counseling // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2022. V. 3. № 3. P. 133–146. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_03_08 (in Russ.).

Corresponding author: Paata Sh. Amonashvili, masterklass@inpsycho.ru

Понятие «гуманная педагогика» предложил мой отец Шалва Александрович Амонашвили в противовес авторитарному подходу к педагогике, где учитель общается с учениками «сверху вниз», в приказных формах, больше старается контролировать и управлять ситуацией, формировать личность. Гуманный подход основывается в большей степени на классике педагогике, на современных знаниях психологии и разрабатывает способы ненасильственного общения с детьми так, при котором дети сами были бы мотивированны на обучение, на приобретение знаний, на общение с учителями. Как вы понимаете, это два противоположных подхода, подразумевающих разное состояние учителей, родителей и воспитателей.

Сегодня все больше и больше людей (как среди профессионалов – воспитателей, учителей, так и среди родителей – обычных мам, пап, бабушек, дедушек) изучают начало гуманной педагогике и стараются практиковать ее в своей семье. С первых бесед, при должном старании, внезапно обнаруживается, что дети по-иному мотивированы и предрасположены слышать взрослых. На основании этого возникает общий язык общения между взрослыми и детьми.

Идеи гуманной педагогике помогают консультировать самых разных людей по самым разным вопросам. Сегодняшняя беседа выстроена на этой основе, на принципах гуманной педагогике и способах ее использования в консультировании.

Идея «особого подхода» родилась во время изучения мною медицины. Двадцать лет назад, столкнувшись с проблемой лишнего веса (127 кг), я обратился в диетологическую клинику. Врач оказался тучным человеком, не внушавшим доверия. Видя сомнение, диетолог произнес фразу, сильно повлиявшую на меня: «Если я не делаю как правильно, это не значит, что я не знаю, как правильно». Так родилось понятие «больной врач». Врач, который призван лечить сам, болеет той болезнью, которую знает, как лечить, но по каким то причинам этому не следует.

В этот период я начал писать литературное произведение с одноименным названием и старался исследовать с точек зрения философии и медицины фе

номен «больного врача». Выяснилось, что большинство врачей, действительно, болеют больше, чем обычные люди. К сожалению, по статистике врачи уходят из жизни раньше. К тому же, всегда считалось, что врач – опасная профессия.

Это понятие «больного врача» профессионала, который сам не может себя вылечить, но призван лечить других, перешло в психологию. Встал вопрос: а насколько психологи здоровы с точки зрения психологии?

После общения с «больными врачами», я начал изучать биографию З.Фрейда и обнаружил, что у него было много проблем и нелегкая жизнь (особенно последние 16 лет), когда выявилась ужасная болезнь. Аналогично диетологу, к которому я перестал ходить из-за потери доверия, Зигмунд Фрейд создавал свое учение, но себя не вылечил. Эта мысль привела меня к глубокому изучению данной проблемы. Гуманная педагогика помогла найти опорные точки – фундамент.

Мне запомнился случай с одной учительницей, которая посещала меня несколько дней, слушала беседы, а на третий четвертый день выступила и сказала следующее: «Знаете, я изучаю гуманную педагогику очень давно, стараюсь применять методы, наизусть знаю книги Шалвы Александровича о практике общения с детьми в начальных классах. Я стараюсь использовать эти методы, но они у меня не работают и даже создают дополнительные проблемы».

Эта история дала «толчок», «триггер» к следующим мыслям: если у Шалвы Александровича метод работает, если у других педагогов он работает, то почему не работает у этой хорошей учительницы? Метод плох или вопрос в чем-то другом? Метод сам по себе будет бесполезен, если он «не в тех руках», а «те руки» – это руки человека, который находится в определенном гуманном личностном состоянии. Если не быть на некой «внутренней волне», а быть на «другой волне», то метод становится бесполезным или даже вредным, а чтобы метод пригодился, нужно достичь определенного состояния сознания, психики, личности, сущности, души. Встал вопрос: «А что это за состояние, которое необходимо для того, чтобы гуманные методыгодились?»

Я условно выделил два разных состояния: гуманное и авторитарное; допустил, что эти состояния не сочетаются один с другим и не могут быть в человеке одновременно. Невозможно быть на «гуманной волне» в конкретный момент и в то же время быть на «авторитарной», испытывать состояния гуманные и авторитарные. Сложно представить, что амбивалентные чувства переживаются одновременно, такое случается редко. Это повлекло изучение самого себя, в каком состоянии я находился и пригодно ли оно для использования гуманных методов? Чтобы понять, какое состояние соответствует методам гуманной педагогики, я условно разделил свое «Я» на три части: ум, чувства и душа. Предстояло определить, какие ум, чувства и душа соответствуют гуманному состоянию, а какие – авторитарному.

Гуманное состояние на уровне ума – ум принимающий, авторитарное состояние ума – ум не принимающий, отрицающий. Неприятие ума четко опре

деляет эту границу, и отличие становится явным. Если ум будет в приятии, если вы оглянетесь вокруг себя и ум «скажет», что все, что происходит, должно происходить, то вы находитесь в гуманном состоянии ума. Внутреннее состояние приятия внешне проявляется в том, что субъект начинает со всем соглашаться: с людьми вокруг, с обстоятельствами, с жизненными происшествиями, с окружающей его действительностью, вселенной, принимает все как данность, не критикует, не выступает против, не возмущается. Субъект заключает, что все как есть, так и должно быть, даже если что то некомфортно.

Авторитарное состояние — это противоположность, состояние неприятия, которое внешне проявляется в отрицании. Авторитарный ум подмечает, что все «не то»: люди не так ходят; не так одеваются; говорят не то, что надо; ведут себя неподобающе; и жизненные обстоятельства не должны быть такими, какие они сейчас есть вокруг.

Принятие или неприятие ума распространяется на все. Но важная мысль состоит в том, как в этой перспективе воспринимается ребенок. Если субъект будет принимать ребенка таким, какой он есть, его природу, а не то, что ребенок делает в конкретный момент времени, то субъект будет думать о том, какой подход можно найти к ребенку, не нарушая его природу, не разрушая его личность. Это ведет к поиску того, что движет ребенком от природы и как субъекту быть в ладу и согласии с природными силами малыша.

Если у субъекта ум не принимающий, то он смотрит на ребенка как на неполноценное существо, которому многого не хватает. Если не принимать ребенка как совершенное существо, то возникает идея, что ему необходимо нечто обязательно дать, дать то, что ему не хватает. Авторитарная парадигма порождает такие понятия в педагогике и дидактике, как знание, умение и навыки — то, что немедленно надо дать ребенку через кружки, дополнительное образование, школу. Чем больше у ребенка будет знаний, умений и навыков, тем совершенней он становится.

В авторитарном неприятии ума согласие с природой ребенка учитель или родитель не ищет. Здесь рассматривается и возрастная психология, когда ученые определяют знания, умения и навыки в возрастном контексте. Однако все это далеко от поиска согласия с природой ребенка.

Если на уровне принятия ума начать искать согласие, то обнаруживается, что в ребенке многие природные силы направлены на развитие и он — активный участник этого процесса. Никто из детей не может сказать «не хочу развиваться». Но у развития есть свои законы. Ребенок ищет трудности, и через трудности происходит развитие. Необходима развивающая среда для тех сил, которые проявляются в разном возрасте.

Кроме развития в ребенке есть и другая сила — он очень хочет быть взрослым, и переживать «взрослость» ему очень нужно. Если не стремиться к взрослости, то и полноценный процесс взросления невозможен. Ребенок также стремится к свободе, стремится выбирать решения и поступки сам. Обратив внимание на эти силы, можно увидеть безграничное поле для мотивации ребенка. Мотивация через «взрослость», свободу, через гармонию с процессами

развития ребенка. Это и делают многие гуманные педагоги, и методы к этому их призывают. Но метод не будет работать без принятия ума. Отрицающий ум будет искривлять гуманный метод.

Кроме ума есть еще и чувства. Гуманные чувства основываются на благодарности. Благодарность к каждому ребенку, который появляется в поле зрения учителя гуманной педагогики, – основное чувство. Учитель всегда благодарен и рад каждому ребенку. Радостное состояние, постоянная эйфория – это когда учитель в каждом ребенке видит уникальное, неповторимое явление, «Божью искру». «Бог искрит» ребенком перед учителем; и можно только радоваться, даже тогда, когда это явление ребенок причиняет неудобство, не слушает, плохо себя ведет, создает дискомфорт. Самое разумное отношение к ребенку как к явлению – порадоваться ему, поблагодарить, а потом уже искать решение всех возникших вопросов. Все вышесказанное – не просто теория, а абсолютная практика, из которой вытекает следующее: если субъект общается с ребенком, то сначала ребенку радуется, искренне благодарит, а дальше начинает заниматься тем, чем надо – уроками и всем остальным.

Авторитарные чувства сводятся к чувству выгоды: так положено, так лучше, поэтому так надо сделать, так красиво, так правильно, так требует общество. И это чувство выгоды в учителе, родителе и воспитателе приводит к постоянному контролю. Это состояние мамы, которая в мыслях постоянно прокручивает: ребенок поздно пришел, ребенок не поел..., тем самым контролируя его. Мысли контроля – результат состояния выгоды. Авторитарные чувства не видят в ребенке явления, они видят пустой сосуд, который нужно заполнять знаниями. Это два разных состояния чувств – благодарность и выгода. Гуманный метод не будет работать, если субъект внутренне ищет какую-то выгоду. Не обязательно для себя, возможно, для ребенка. Если на уровне ума природа ребенка отрицается, а субъект ищет выгоду, то гуманный метод не эффективен. Авторитарный и гуманный метод – равнозначны, нет лучшего или худшего, однако это разные действительности. Субъект может переходить от одного состояния реальности в другое в течение дня. Одномоментно они не переживаются.

Гуманное состояние в душе – это искренняя вера. Вера – глубокое убеждение в том, что все вокруг вас от Бога, во благо души и с любовью. Искренняя вера – внутренний поиск связи с Богом, но он не связан с конфессией. Вера приводит к безусловной любви, которая становится фундаментом гуманной педагогики. На безусловной любви выстраивается весь гуманно личностный педагогический процесс.

Авторитарный настрой души основан на предрассудках. Предрассудки могут быть и религиозными. Они приводят тоже к любви, но любви с условиями. То люблю ребенка, то нет, сделал домашнее задание – хорошо, буду любить, опоздал, разозлил – не буду любить. Любовь то будет, то не будет. Счастье при этом настрое – проходящее, в то время, как в гуманном подходе – постоянное. «Гуманное счастье» делает счастливым не только носителя, но и окружающих.

В итоге, можно прийти к выводу, что гуманная педагогика говорит не о методах, технологиях и способах, а о внутреннем стремлении к совершенству души.

Как «больной врач», «больной психолог», так и «больной педагог», который находится в авторитарном состоянии, будет воспитывать человека, не руководствуясь его природой, его сущностью.

К этим мыслям стоит прислушаться. Они имеют пользу и для процесса консультирования.

Как и в какой форме соприкасаются клиент и терапевт, когда терапевт использует какие то практики и способы психоэмоциональной коррекции? Терапевт и клиент соприкасаются на уровне психики. Душа с душой не слишком соприкасаются. В то время как гуманный подход предполагает общение от сердца к сердцу. Учитель общается от сердца к сердцу с учениками, гуманный терапевт имеет схожее стремление.

Первый этап консультирования – создание обстановки любви как основы гуманной педагогики. Если не получится создать такую обстановку, то эффективность снизится.

Было проведено исследование следующей гипотезы: «Влияние эмоциональной привязанности, любви ученика к учителю на академическую успеваемость». Было опрошено несколько сотен студентов первокурсников, которые только поступили на разные факультеты. Им был задан вопрос об отношении к учителям по разным предметам. Некоторые студенты говорили, что любили учителей; некоторые – просто уважали; были и те, кто ненавидел. Данные были переведены в числа и сравнены с балами по ЕГЭ по аналогичным предметам. Если ученик сильно любил учителя, то он обязательно преуспевал в предмете. Следовательно, любовь к учителю приводит к академической успеваемости. Также, если ученики сильно не любили учителя, то они проваливали экзамены по предмету.

Многие классики педагогики тоже провозглашают любовь ученика к учителю как основу. Без этого фундамента гуманный процесс не состоится. Любовь – основополагающая сила мотивации.

Главное, о чем стоило бы подумать учителям, приступая к общению с детьми, – подумать не о том, как преподавать предмет, как организовать материал, как выстроить классно урочный процесс или дидактику, наглядность, а о том, как влюбить в себя каждого ребенка, как влюбить в себя каждого ученика, чтобы все дети «падали» от любви к учителю. Влюбленный ученик – это уже мотивированный ученик. Влюбленный ученик уже больше предрасположен и слушаться, и воспринимать материал, и выполнять домашнее задание, даже если очень не хочется. Он предпочитает все, что любимый учитель попросит сделать, выполнить.

Возвращаясь к консультированию, я бы предложил обратить внимание на этот, может быть, первый и самый главный пункт – создать обстановку взаимной симпатии, эмпатичную обстановку, обстановку любви терапевта к

клиенту. Конечно, здесь я говорю не о физической и физиологической любви мужчин и женщин, вообще не это имеется ввиду. А то, о чем писали и Роджерс, и Маслоу. Любовное созерцание клиента терапевтом и так далее – это такая обстановка, где пришедший за помощью человек уже чувствует себя как дома, как у своего близкого человека, что предрасполагает к более открытой беседе и к большему результату. Может быть, к лучшему результату всей терапии.

Сейчас у нас в Грузии, во время пандемии, я и Шалва Александрович на базе развивающего центра проводим дружеские встречи с психологами, которые ведут консультирование. Мы вместе начали обсуждать способы того, как создать эту обстановку любви? Ее можно создать, начиная с первого звонка, с обстановки кабинета или прихожей, – все это должно предрасполагать не только к профессиональному общению, но и к приятию происходящего, к возникновению любви и доверия пациента к психологу. Профессионализм оценивают не по дипломам в золотых рамочках, а по результатам общения. Главное, чтобы вся атмосфера располагала к успешному результату. А возникшие симпатия и доверие дальше уже продолжают в общении терапевта и клиента так же, как между воспитателями и воспитанниками, учениками и учителем.

Следующий пункт очень интересен – он тоже является ключевым для гуманно личностного подхода. Можно это определить как совместное и взаимное ученичество. Опять переключусь на себя – сначала пару слов о педагогике, а потом – о консультировании. Только авторитарный учитель считает, что он влияет на детей, а дети на него – нет. Получается, что учитель учит детей, а самому ему нечему учиться, потому что он уже «эталон». Учитель дает умение, тренирует навыки ребенка, а сам умение не получает, навыки ему незачем, у него и так все это есть. Авторитарный подход предполагает, что учитель непременно ставит себя выше своих учеников, он на шаг или, может быть, на 10 шагов выше. У него знаний больше, умений достаточно, навыки наработаны, ему нечего получать, а вот ученики, которые стоят ниже учителя, – они несовершенно, им как раз и нужно все это вбирать в себя, а учитель будет это все им давать.

Гуманный подход, и даже обычный здравый смысл подсказывает, что это процесс взаимного обогащения, взаимного воздействия друг на друга. И вот одна из идей гуманной педагогики звучит так: мы учимся у детей, мы постоянно находимся в состоянии ученичества, то есть мы одновременно учителя и ученики. Да, мы учим детей, но учимся и у них, каждый ребенок – наш учитель. Вот эта идея, что каждый ребенок становится учителем, уже приводит к другому процессу – когда учитель и ученик оба учатся, и учитель даже не скрывает, что он у своих учеников учится. Сама эта идея очень действенна.

Вот у меня есть 14 летняя внучка. Часто она просит меня о помощи в выполнении домашних заданий. И я с удовольствием ей в этом помогаю. Пару лет назад, когда она училась в начальных классах, ее тогда тоже домашние задания

сильно тяготили, особенно по математике. Мотивации у нее было очень мало, а иногда вообще не было. Она категорически отказывалась выполнять домашние задания, и я сделал следующее: сел недалеко от нее и сказал: «Никто тебя не заставляет, но можно я твой учебник открою и, если захочу, сам буду домашнюю работу делать»? «Что хочешь делай», — сказала она. Я открыл и начал выписывать уравнение из учебника второго класса, начал вслух решать, вслух думать, в какой то момент попросил ее помочь мне: «А как это делается, как это решается, ты не знаешь»? И она начала включаться в процесс выполнения задания и стала рассказывать: «Вот как надо решать уравнение, вот здесь ты ошибся, вот это тебе так нужно было сделать...». Даже идея, что ученик учит учителя, уже сильно мотивирует ученика самому учиться. Тем более, что гуманный подход призывает постоянно совершенствоваться. А как же мы будем совершенствоваться, если наши ученики не становятся нашими учителями? Эта же идея, почти что слово в слово, высказана намного раньше меня и даже Шалвы, может быть, Роджерсом. Он тоже пишет, что процесс консультирования никогда не может быть односторонним. Непременно, как терапевт влияет на клиента, так и клиент влияет на терапевта. Эту идею не только лучше принять и признать, но и применить на практике: сделаться учениками... Пусть мы будем постоянными учениками, ведь это бесконечный и беспредельный процесс развития. Почему бы не развиваться, учиться у каждого встречного — и у человека, который пришёл за помощью, и у жены, и у родителей, у своих детей, внуков, правнуков, воспитанников. Вообще весь мир воспринимать как урок для нас. Жизнь, наверное, — это школа, она состоит из уроков. Ежедневно у нас уроки, ежедневно какие то ангелы хранители в нашем воображении дают нам какие то домашние задания, и мы их то делаем, то ленимся, то игнорируем. Если домашнее задание не выполняется, то урок повторяется — дается еще и еще раз. Болезни вообще можно воспринять как уроки, которые чему то нас учат: в основе каждого заболевания могут быть свои причины. Любые жизненные обстоятельства — это уроки. Это, конечно, недоказуемый факт, мы не можем провести эксперимент, но почему бы не взять и не допустить, что божественный промысел создает нам уроки для развития, конечно, в первую очередь, для души! Не тела, даже не психики, а вот именно для развития души! Итак, взаимное ученичество уже в процессе консультирования, после создания обстановки любви начинает сближать клиента с терапевтом. Эта беседа основана на идее «давай разберемся вместе, давай будем учиться вместе и используем все возникшие жизненные трудности; всю внутреннюю боль будем использовать как урок для того, чтобы стать лучше и пойти дальше».

Далее, пункт гуманно личностного подхода утверждает следующее: если мы находимся в состоянии принятия, вся наша сущность находится в состоянии принятия. Часто бывает, что еще ничего не случилось, а человек уже согласен с тем, что это случится, даже когда у него проблема, даже когда ему больно, даже когда обстоятельства очень и очень неприятные. Здесь может быть при

нятие только всех обстоятельств, принятие проблемы как чего-то необходимо для него, для его дальнейшего развития. И возникает выбор: пойдет он дальше, будет развиваться, становиться лучше, совершенствовать свои душевные качества или будет возмущаться в связи со сложившимися обстоятельствами. И что в итоге? А в итоге должно быть принятие! Особенно проблем, связанных с семьей и детьми. Существуют определенные упражнения, дающие понимание принятия, которые я с радостью предлагаю мамам и папам на тренингах, когда мы собираемся.

Вот как оно проходит: я предлагаю всем написать на листке бумаги то качество личности в их детях, которое очень не нравится, начиная со слов: «в моем ребенке мне очень не нравится...», а потом продолжить оценкой поведения: «не слушается, ссорится, злится или спорит; зубы не чистит, не выполняет требования гигиены и т.д.». После этого мы тут же предлагаем друг другу: «А давай сейчас посмотрим, подумаем, откуда в нашем ребенке появилось вот это качество, которое в нем не нравится»? И здесь надо признать, что сразу же, как только этот вопрос ставится, многие родители прямо говорят: «Конечно же это от меня. Вот я сама упираюсь в решении некоторых вопросов, потому и ребенок такой; я раздражителен, я сам спорю, вот и ребенок начнет спорить». Здесь стоит упомянуть очень коротко, что воспитательный педагогический процесс имеет одну очевидную особенность, которая сразу же дает нам понимание процесса воспитания. Особенность вот такая: личность воспитывается личностью, и подобные качества воспитываются подобными качествами через живые жизненные примеры, которые мы называем образами. Образ любви родителей воспитывает и раскрывает в ребенке образ любви. Образ раздражительности в родителях через живые жизненные примеры раскрывает и формирует в ребенке раздражительность. Соответственно, дети – зеркало. Как только приходит это понимание, что проблема создана самим человеком, тут же и вырисовывается самый главный закон: «Воспитание детей – воспитание себя самих», – это уже слова Льва Николаевича Толстого.

И самый разумный, самый очевидный, самый эффективный путь воспитать в детях качество доброты, быть добрым, – это самому быть добрым, самому это качество в себе находить, самому это качество в себе раскрывать, развивать, культивировать, а потом еще и показывать. Быть добрым везде, не только по отношению к ребенку, по отношению ко всем, всегда, в любых обстоятельствах. И будет это же качество проявляться в детях. Но если не принять все выше сказанное и не применять в процессе воспитания, то и личности не получится.

Авторитарные родители стараются не воспитать качества личности, а обучать детей качествам личности, обучать любви. Но можно ли этому обучить?! Можно все для этого делать, но вряд ли будет эффект. Можно ли обучить заботе?! Можно ли провести урок и научить потребности заботиться о других?! Ответ: нет! Это необучаемые личностные качества передаются с семейными

традициями и нормами жизни. Образы родительские в первую очередь раскрывают в ребенке соответствующие личностные качества.

В Психологии действует тот же механизм – важно принятие проблемы вместе с клиентом. Если достигается эта третья ступень, если пришедший за помощью человек, испытывающий какую то душевную, психическую боль, начинает признавать, что эту проблему нужно принять как урок для развития себя самого, то здесь уже появляется мотивация для следующего шага, который нужно сделать обдуманно.

Следующий пункт – это эмпатия, сочувствие. Сочувствие не только проблеме, но и вообще личности клиента со стороны терапевта, в первую очередь, но затем это становится взаимным сочувствием и взаимной поддержкой – взаимной эмпатией.

Часто родители спрашивают: «Как быть, когда ребенок сильно волнуется, переживает, испытывает негативные чувства, что с ними делать, как быть? Честно, не могу найти решение этой проблемы. Как быть частью этих негативных переживаний ребенка? Быть сопричастным им? Сочувствовать, сопереживать?» Задумываясь над этой проблемой, вспоминаю такой случай: в парке гуляла мама с пятилетним сыном. Сын попросил мороженое, но мама возразила: «Не могу тебе мороженое купить сегодня, у тебя красное горло с утра, а вчера ты кашлял, так что мороженое тебе нельзя». Мальчик начал просить настойчивее и быстренько перешел на грубый крик, разрыдался. И здесь мы можем представить разные варианты поведения мамы. Если мама авторитарно настроена, она не примет требования ребенка, его природу и в том числе негативные переживания, стараясь контролировать ребенка. И ее слова, возможно, будут следующие: «Не кричи, зря орешь, все равно мороженое нельзя, стыдно, на тебя люди смотрят» ... Но в данном случае мама поступила по другому: она посадила сына рядом с собой на лавочку, обняла его и сказала: «Слушай, сынок, я чувствую, что тебе очень тяжело. Ты плачешь – тебе горько. Мне тоже тяжело, я тоже плачу вместе с тобой, мне так же грустно и я испытываю неприятные чувства, но мороженое я тебе купить все равно не могу. Мы лучше поплачем вместе». Достаточно было пяти минут, чтобы ребенок успокоился. Сопричастность матери переживаниям сына сработала как громоотвод, и все негативные переживания растворились. Через какое то время этот мальчик весело бегал, прыгал, вообще о мороженом и не помнил. Сочувствие и сопереживание, проникновенность, одним словом – эмпатия, без которой никакой педагогический или терапевтический процесс не будет полноценным. И каждый думает: «Если я не буду чувствовать, что здесь мне сопереживают, зачем мне что то рассказывать, зачем сердце, душу открывать, если сочувствия нет?» И тогда никакой эмпатии не получится.

Важный момент – слушание с сопричастием. На наших тренингах с учителями и с родителями мы очень много уделяем этому внимания, тренируемся так слушать. Слушание с сопереживанием оказалось очень сложным для многих делом. Этому нужно учиться и учиться. Если мы не умеем слушать детей

с сопереживанием, особенно в подростковом возрасте, то мы сами закладываем «бомбу замедленного действия».

Следующий шаг в этом процессе нашего воображаемого консультирования на основе гуманной педагогики и принципа гуманной педагогики – это культивирование идеи о том, что мы поддерживаем осознание урока клиентом, то есть, выражаем поддержку. Иначе говоря, мы рядом в осознании этого урока, это урок для нас обоих, мы вместе будем идти дальше и вместе будем выстраивать план, какие выводы из этого урока сделать. Мы все будем делать вместе! Сейчас пару слов о понятии «вместе» в гуманной педагогике.

Часто и для детей, и для взрослых особенно важно переживать чувство единения, подразумевающее, что мы с кем-то вместе, что есть кто-то, к кому можно прислониться, голову приложить или вместе делать что-то. Вот это чувство единения и сопричастности лежит в основе гуманной педагогики.

Учителя гуманной педагогики не дают предмет – это один из принципов, который часто повторяет Шалва. Не предмет давать ребенку, не идти к ребенку с предметом, а вместе с ребенком идти к глубокому познанию и пониманию предмета. Не нужно давать что-нибудь, отсюда же и авторитарное понятие – давать урок. Не урок давать, а принимать активное участие в совместной деятельности: во время урока учитель и ученики вместе открывают знания, вместе решают поставленные задачи, вместе испытывают сложности и вместе их преодолевают. И все это происходит с чувством некоего единения. Авторитарный настрой учителя, наоборот, приводит не к единению, а к разъединению: учитель – учитель, ученики – ученики. И никогда авторитарный учитель не включает себя в процесс познания вместе с учениками, а гуманный учитель даже и в контрольную включен. Для него контрольная такая же контрольная, экзамен такой же экзамен, как для всех других учеников. И возникает это чувство единения: мы совместно идем к определенной цели, идем к знаниям, к познанию, и это наша совместная деятельность.

Это очень помогает также в консультировании, когда мы с клиентом, с человеком, пришедшим с проблемой, вместе начинаем выстраивать план действия. План действия следующий: осознание того, чему нас учит урок, который мы называем проблемой; чему будем учиться через эту проблему; что мы будем в себе развивать и как мы будем это делать в течение обозримого будущего?

Пора поговорить о некоторых техниках психологии. Конечно, каждый метод хорош, если он помогает. Есть методы, которые помогают «здесь и сейчас», а есть такие, которые работают на будущее. Также есть методы, которые требуют постоянной поддержки врача. Но если основываться на гуманном подходе, то нужно использовать такие методы и техники, которые позволят пациенту почувствовать единение со своим психологом, дадут ему возможность самостоятельно решать проблемы, одновременно чувствуя единение со своим врачом. Этот же принцип распространяется и в педагогике: должно

быть такое единение учителя и ученика, которое позволит, даже при отсутствии первого, ученику следовать заданным курсом.

Шалва очень часто рассказывает о своей учительнице Варваре Вардиашвили, которая при первом же общении с ним посмотрела маленькому Шалве в глаза и сказала ему, что у него поэтические глаза и что он, наверное, стихи пишет. Шалва никаких стихов не писал, никаких поэтических глаз до этого никто в нем не подмечал, но, придя домой, он начал пристально вглядываться в зеркало, чтобы внимательно разглядеть свой поэтический взгляд, и, действительно, с того же вечера начал стараться писать стихи.

Стихи у него, как он сам рассказывает, получались не очень хорошие, зато навыки письма развивались, литературный язык совершенствовался. И вот эти слова учителя «у тебя взгляд творца, поэта, писателя, художника» — могут влиять на человека в течение всей жизни. Это как бы поддержка длиною в десятилетие, длиною во всю жизнь, даже при отсутствии того, кто это сказал. Думаю, вот такая поддержка очень и очень помогает многим людям, по крайней мере, с кем я общаюсь, потому что у них есть ощущение, что они всегда в поле моего зрения, всегда могут мне написать, и я буду непременно внимателен ко всему, что рассказывают и пишут они о всех успехах или о неудачах. Быть на связи, быть постоянно на связи — вот это чувство единения опять продолжаете, и я думаю, что это также очень важная часть как педагогического гуманного процесса, так и процесса консультирования.

Постараюсь подвести итог моим размышлениям. Гуманный подход основывается как на классике педагогики, так и на современных знаниях психологии. Это некие структурированные знания, мировоззрение, мировосприятие, да и вообще состояние самого учителя, который стремится к саморазвитию и любые обстоятельства воспринимает как урок, достигая состояния принятия ума, благодарности в сердце, искренней веры и безусловной любви в душе. Тогда это состояние уже дает возможность использовать гуманные методы. Противоположность этому — авторитарный настрой. Очень хотел бы пожелать каждому психологу, работающему в любой психологической парадигме, достичь состояния здорового психолога — психолога, который может с легкостью справиться с любыми возникающими проблемами, который достигает внутренней гармонии, внутренне счастлив, конечно же, без раздражительности, без агрессии, а наоборот, у которого есть вот эта любовь, сопричастие, эмпатия. Думаю, здоровый психолог — это будет лучший психолог в мире. Также как здоровый врач или как здоровый, воспитанный и образованный учитель.

Вопросы и ответы

Наталья: Добрый вечер, благодарю за лекцию. У меня сложилось впечатление, что самое важное в таком методе — это личность самого человека, его осознанное стремление к самосовершенствованию, саморазвитию, но к этому нужно прийти. Какой у вас опыт в связи с этим?

Паата: Действительно, у меня тоже складывается именно такое впечатление, Наталья, что да, самое важное в этом методе — личность самого человека. Если мы говорим об учителе, то для того, чтобы учитель был гуманным, он должен стремиться стать личностью, которая соответствует неким условным критериям: принятие ума, благодарность в сердце и безусловная любовь в душе. Да, действительно, это стремление, которое не имеет (в моем представлении) даже границ, потому что нет предела совершенству. Безусловная любовь — ее можно также назвать небесной любовью. Если человек будет к ней стремиться, то небесную форму любви он никогда, наверное, не сможет обрести, но это вечное стремление. И каждый успех открывает горизонты для новых успехов. Действительно, гуманные учителя — это люди, которые постоянно учатся. То же самое могу сказать и о психологах. Я тоже как психолог постоянно нахожусь в состоянии обучения себя самого, стремясь достичь состояния, которое соответствует идеальному. Если я сам не достигаю этого состояния, то как я кого то могу привести к этому?! Как же этого достичь? Есть практические способы. Могу коротко сейчас их перечислить. И надеюсь, в будущем, Наталья, мы с вами подружимся, если вы пожелаете, конечно, и сможем детальнее на эту тему поговорить. Кстати, могу порекомендовать очень хорошую книгу. Наталья, Вы, наверное, ее изучали — Эрих Фромм «Искусство любить». В ней указаны практики, развивающие искусство любить.

Еще один пример практической психологии — продумать то, что делают многие в гуманной педагогике, придумать себе какую нибудь ежедневную практику, которая приятна в исполнении, откликается в душе, которой хочется заниматься. Но непременно это делать ежедневно, чтобы ежедневно настраивать себя на определенное состояние. Вот такой настрой мне очень помогает, особенно по утрам. Если хорошо помолиться, помедитировать, то тогда чувствуется такой особый позитивный настрой, который может длиться минимум несколько часов, а может быть, и до вечера. И если какое то утро пропускаю данную практику, то потом совсем по другому себя чувствую и жалею, что пропустил. Для себя каждому нужно найти какую то такую ежедневную практику настраивать и делать это. Вот это, думаю, будет на пользу. А вам, Наталья, счастья и всех всех благ.

Елена: Спасибо большое, очень рада узнать о существовании гуманного консультирования и педагогики. Я воспринимаю общение с людьми и события как уроки. Есть вопрос: «Как относиться к токсичным людям? Не могу их полюбить».

Паата: Елена, большое спасибо, тоже очень важный вопрос. Не все люди заслуживают, конечно же, любви, особенно токсичные. Знаете, само понятие безусловной любви подразумевает любовь и к токсичным людям, на то она и безусловность. Есть такой фильм, сейчас почему то вспомнился именно он, называется «Мирный воин». Там есть, возможно, ответ на ваш вопрос: как любить или не любить токсичных людей. Если Вы найдете время и у вас будет желание, посмотрите, очень интересный фильм. Что касается безусловной любви в педагогике — учитель может сказать: «Не могу любить не

послушного сорванца, который все портит и никогда не слушается, не дает домашнее задание». На нет и суда нет, но тогда гуманная педагогика не будет полноценной. Самый сложный ученик – это лучший тренер, лучший учитель для оттачивания более глубоких педагогических навыков. И токсичные люди, если встречаются в жизни, тоже чему то учат. Хочется еще отметить, что сам процесс консультирования может быть очень энергозатратным, а может быть, наоборот, вдохновляющим. Но без любви, безусловной любви к тому, кто пришел к Вам со своей проблемой, психотерапевтический процесс невозможен и труден.

Литература

- Амонашвили Ш.А.* Гуманно личностный подход к детям: научно популярная литература / Ш.А. Амонашвили. М.: Ин т практ. психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 539 с.
- Амонашвили Ш.А.* Манифест гуманной педагогики / Ш.А. Амонашвили. Бушети, 2011.
- Амонашвили Ш.А.* Основы гуманной педагогики. В 20 кн. Кн. 1. Улыбка моя, где ты? М.: Амрита, 2012 г. 304 с.
- Амонашвили Ш.А.* Размышления о гуманной педагогике: научно популярная литература / Ш.А. Амонашвили. М.: Изд. дом Шалвы Амонашвили, 2001. 461 с.

References

- Amonashvili Sh.A.* Gumanno lichnostnyj podhod k detyam: nauchno populyarnaya literature [Humane personal approach to children: popular science literature] / Sh.A. Amonashvili. M.: In t prakt. psychology; Voronezh: NPO «MODEK», 1998. 539 p.
- Amonashvili Sh.A.* Manifest gumannoj pedagogiki [Manifesto of humane pedagogy] / Sh.A. Amonashvili. Busheti, 2011.
- Amonashvili Sh.A.* Osnovy gumannoj pedagogiki. V 20 kn. Kn. 1. Ulybka moya, gde ty? [Fundamentals of humane pedagogy. In 20 books. Book. 1. My smile, where are you?] M.: Amrita, 2012. 304 p.
- Amonashvili Sh.A.* Razmyshleniya o gumannoj pedagogike: nauchno populyarnaya literatura [Reflections on humane pedagogy: popular science literature] / Sh.A. Amonashvili. M.: Ed. house of Shalva Amonashvili, 2001. 461 p.

Информация об авторах

Амонашвили Паата Шалвович, доктор психологических наук, социолог, писатель, президент, Международный центр гуманной педагогики, г. Москва, Россия, e mail: masterklass@inpsycho.ru

Information about the authors

Paata Sh. Amonashvili, Doctor of Psychology, Sociologist, Writer, President, International Center for Humane Pedagogy, Moscow, Russia, e mail: masterklass@inpsycho.ru

Получена: 11.03.2022

Принята в печать: 30.09.2022

Received: 11.03.2022

Accepted: 30.09.2022

Ежеквартальный научный журнал
«ПОЗНАНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ»

Учредитель и издатель:
НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»

Адрес редакции и издательства:
Российская Федерация, 121170, г. Москва,
Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14

Телефоны:
+7 (495) 782-39-99, 782-34-43

E-mail:
cogexpjournal@gmail.com

Сайт:
inpsycho.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-78205 от 20.03.2020 г.

Все права защищены. Все материалы, опубликованные в журнале, являются собственностью Московского института психоанализа и защищены авторским правом. Их использование разрешается только в личных некоммерческих целях после получения письменного согласия от редакции журнала

Quarterly scientific journal
“COGNITION & EXPERIENCE”

Founder and publisher:
Moscow Institute of Psychoanalysis

Address of the editorial office and publishing house:
Russian Federation, 121170, Moscow,
Kutuzovsky prospect, 34, building 14

Phones:
+7 (495) 782-39-99, 782-34-43

E-mail:
cogexpjournal@gmail.com

Website:
inpsycho.ru

Mass media registration certificate:
PI № FS77-78205 dated 03/20/2020

All rights reserved. All materials published in the journal are the property of the Moscow Institute of Psychoanalysis and are protected by copyright. Their use is permitted only for personal non-commercial purposes after obtaining written consent from the editorial board of the journal